Кл 80/19

Кл 80/19

ГЕФСИМАНСКІЙ СКИТЪ

— и —

ПЕЩЕРЫ ПРИ НЕМЪ.

ИЗДАНІЕ ГЕФСИМАНСКАГО СКИТА.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1899.

Из книг Чувалова

Кл 80/19

2004

ГЕѲСИМАНСКІЙ СКИТЪ

и

ПЕЩЕРЫ ПРИ НЕМЪ.

Изданіе Гевсиманскаго скита.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1899.

2002000095

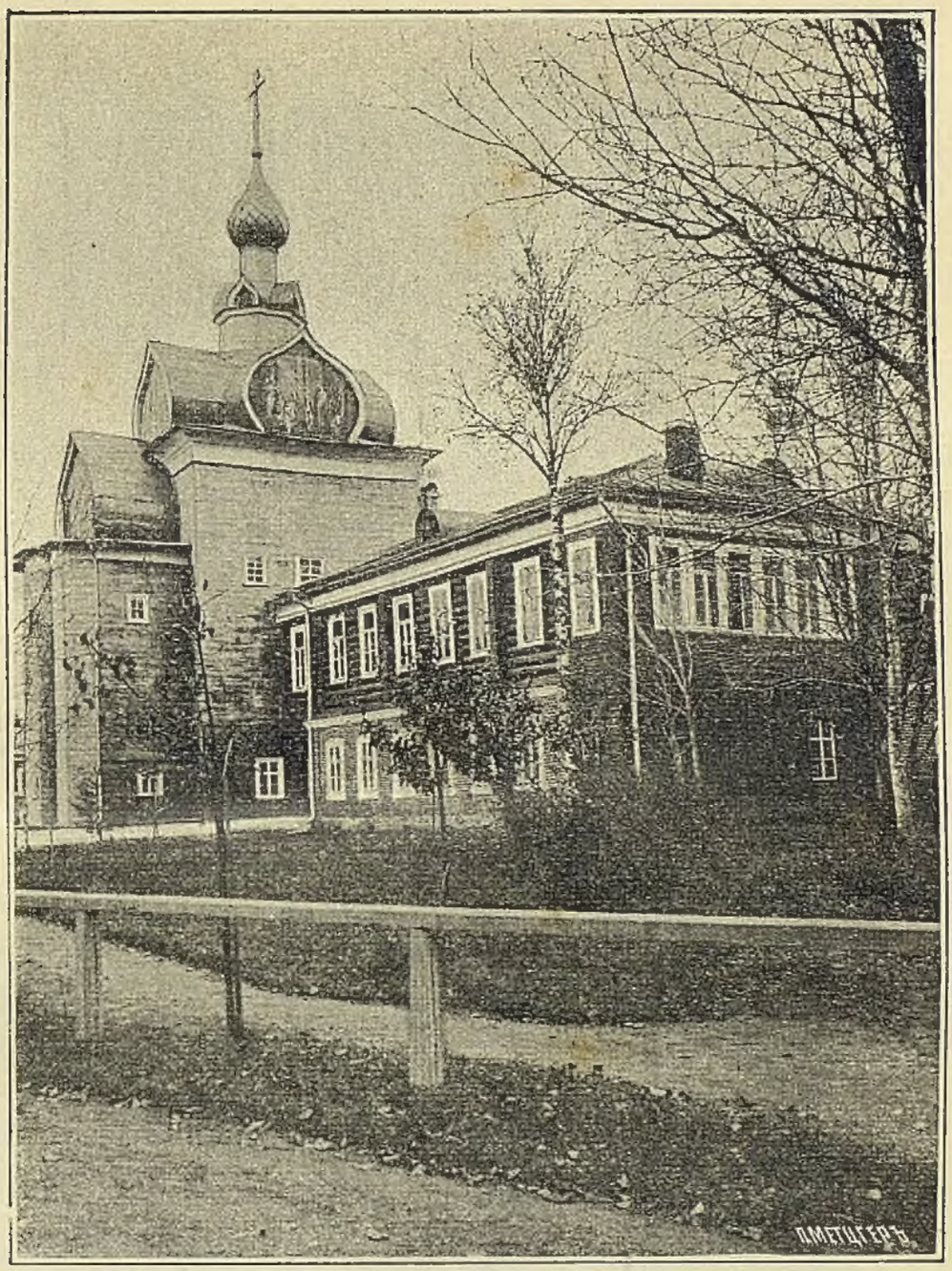
Печатать дозволяется. Вифанія. Января 11 дня, 1899 года. Цензоръ, Ректоръ Вифанской Духовной Семинаріи,

Архимандритъ *Трифонъ*.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

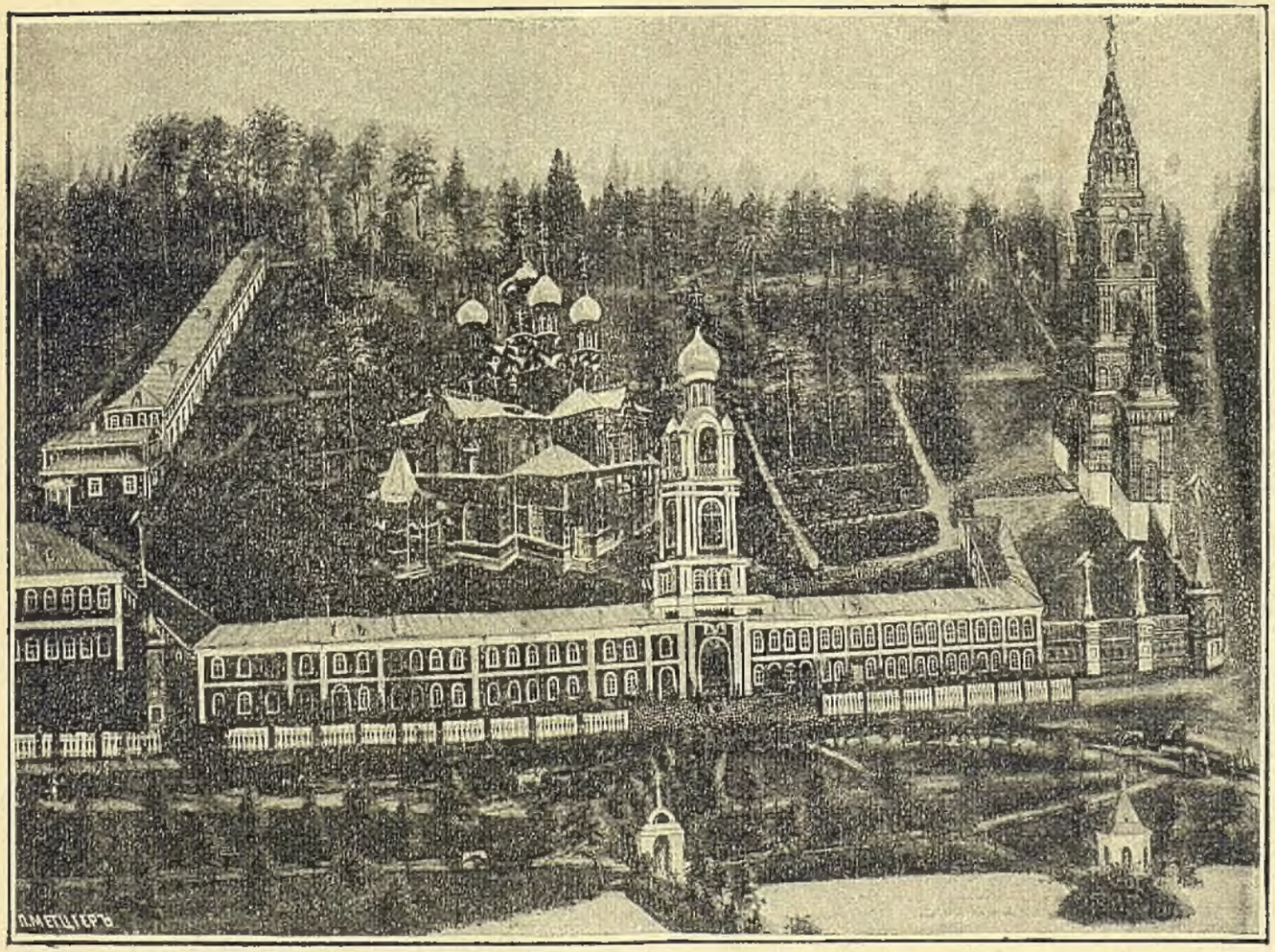
1985-03

Белое разбито.



Деревянный храмъ Успенія Богоматери съ сѣверо-восточной стороны.

Къ стр. 16.



Пещеры Гевсиманскаго скита съ южной стороны.

Къ стр. 3.

ГЕѲСИМАНСКІЙ СКИТЪ.

I.

Мѣстоположеніе Скита и Пещеръ. Значеніе этой мѣстности въ прежнее и въ настоящее время. Главный виновникъ произшедшей перемѣны.

Близь Сергіевскаго посада Московской губерніи, въ разстояніи не болѣе двухъ съ половиною верстъ отъ знаменитой Троицкой Сергіевой Лавры, въ сторонѣ отъ старой большой Александровской дороги, подъ прикрытіемъ невысокаго, но довольно густаго, саженаго лѣса, уютно расположились рядомъ еще двѣ иноческія обители, раздѣленныя между собою лишь небольшимъ глубокимъ оврагомъ, наполненнымъ водой, и возвышаясь одна надъ другой: это—Геѳсиманскій скитъ и его пещерное отдѣленіе.

Мѣсто, гдѣ расположенъ скитъ, издавна принадлежавшее Лаврѣ, въ прежнее время было извѣстно подъ названіемъ „Корбухи“, и еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, до времени основанія здѣсь скита, служило мѣстомъ уединенныхъ прогулокъ для учениковъ и наставниковъ, какъ Троицкой Лаврской семинаріи, помѣщавшейся внутри стѣнъ Лавры, и замѣнившей эту семинарію Московской духовной академіи, такъ и Виѳанской семинаріи. А ранѣе того, въ прошломъ столѣтіи, въ царствованіе императрицъ Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II, здѣсь былъ лѣтній, художественной архи-

тектуры дворецъ, устроенный Лаврою для пребыванія въ немъ царственныхъ Особъ во время пріѣздовъ ихъ въ Лавру на богомолье. Вокругъ дворца былъ разбитъ великолѣпный садъ, достойный своего назначенія, какъ мѣста отдохновенія такихъ высокихъ посѣтительницъ. Вотъ какъ изображаетъ прежнее состояніе этой мѣстности приснопамятный святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій, въ словѣ при освященіи въ Геѳсиманскомъ скитѣ храма во имя праведнаго Филарета Милостиваго: „Мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, въ продолженіи шестидесяти лѣтъ знаю, какъ очевидецъ; и сверхъ того, когда пришелъ я сюда въ первый годъ текущаго столѣтія, встрѣтилъ здѣсь ясные слѣды и воспоминанія прошедшаго столѣтія.... Здѣсь былъ домъ изящнаго зодчества, который устроеніемъ своимъ показывалъ, что онъ назначенъ былъ не для постояннаго жительства, а только для лѣтнихъ увеселительныхъ посѣщеній. Здѣсь былъ садъ, въ которомъ растительная природа сильно много страдала отъ искусства, ухищрявшагося дать ей образы, ей несродные... Урочище сіе было украшено для царскихъ посѣщеній. Тогда какъ высота царская смирялась предъ смиреніемъ святаго; тогда какъ благоговѣніе меньшихъ сыновъ преподобнаго Сергія соединялось съ благоговѣніемъ державныхъ, въ молитвѣ о спасеніи душъ ихъ, вѣрноподданническая любовь желала проявить себя въ томъ, чтобы предоставить царскимъ взорамъ нѣкія черты обычнаго для нихъ благолѣпія и великолѣпія.... *(Со временемъ)* внѣшнія обстоятельства Сергіевой Лавры измѣнились. Ея древнее достояніе вземлется отъ нея, и чрезъ то снимаются съ нея многія мірскія обязанности и заботы. Прежнее великолѣпіе становится ненужнымъ, такъ какъ и невозможнымъ. Здѣшній царскій домъ и садъ дѣлаются мѣстомъ скромнаго отдохновенія наставниковъ и учениковъ духовнаго училища, которое Лавра основала въ своихъ стѣнахъ, на своемъ иждивеніи, во дни своего

изобилія. По времени увеселительнаго дома не стало: садъ, уступленный искусствомъ природѣ, обратился въ лѣсъ. Такимъ образомъ преподобный Сергій достигъ того, что упразднялось здѣсь мірское, допущенное на время; и какъ бы желая вознаградить себя за сіе допущеніе, благоизволилъ, чтобы здѣсь водворилось духовное.... Родилась мысль, въ уединеніи сего урочища устроить малый храмъ, при которомъ поселилось бы нѣсколько братій, особенно расположенныхъ къ безмолвію и къ болѣе строгому отреченію отъ своихъ желаній и собственности, и въ которомъ сверхъ обычныхъ молитвословій, псалтырь Давидова день и ночь издавала бы свои святые и освящающіе звуки, сопровождаемые молитвою о мирѣ и благѣ Церкви, Царя, отечества, великой обители и благотворящихъ ей“....

Такимъ образомъ мѣсто увеселительныхъ посѣщеній царей земныхъ превратилось въ мѣсто благоговѣйнаго служенія Царю Небесному, въ мѣсто Его таинственныхъ, благодатныхъ посѣщеній усердно служащихъ Ему душъ. Тамъ, гдѣ прежде раздавались звуки мірскихъ пѣсней и рѣчей, нынѣ слышится слово Божіе, раздаются непрестанныя славословія Богу и возглашаются духовные гимны и церковныя пѣснопѣнія, служащіе цѣлительнымъ бальзамомъ для душъ, какъ поющихъ, такъ и слушающихъ, и „во единъ составъ устрояющіе человѣки со Ангелы“ [1]).

Кто же былъ причиною такой благой перемѣны? Кто послужилъ тѣмъ избраннымъ орудіемъ благоволенія Божія и его угодника, преподобнаго Сергія, чтобы вмѣсто допущеннаго здѣсь на время мірскаго, водворилось духовное? „Родилась мысль, говоритъ владыка Филаретъ, въ уединеніи сего урочища устроить малый храмъ“. Но въ комъ она родилась, и кто былъ главнымъ ея двигателемъ и исполнителемъ?

[1]) Молитва по совершеніи нѣсколькихъ каѳизмъ. *Слѣдов. псалтирь.*

По тому теплому участію и по той истинно отеческой заботливости, съ какими владыка Филаретъ Московскій постоянно относился къ устроенію Геѳсиманскаго скита и къ его дальнѣйшей судьбѣ, общее мнѣніе приписываетъ ему и самую причину его возникновенія. Было даже мнѣніе, что Геѳсиманскій скитъ устроенъ владыкою Филаретомъ въ видахъ удаленія сюда на покой по причинѣ возникшихъ тогда неудовольствій противъ него въ С.-Петербургѣ. На самомъ же дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ. Главнымъ виновникомъ и родителемъ мысли объ устроеніи близъ Лавры и отъ Лавры скита, объ устроеніи его именно на Корбухѣ и о наименованіи Геѳсиманскимъ, былъ ближайшій помощникъ владыки Филарета по управленію Лаврою, намѣстникъ ея, архимандритъ Антоній (Медвѣдевъ). Владыка Филаретъ хотя и сочувствовалъ мысли устроенія скита, какъ любившій и самъ безмолвіе и всею душею стремившійся къ нему [1]), и впослѣдствіи содѣйствовалъ сему устроенію всѣми зависѣвшими отъ него средствами: однако, осторожный во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, онъ поначалу не вдругъ соглашался на это, и особенно долго противился предположенію о. намѣстника ставить скитъ именно на Корбухѣ. „Церковь на Корбухѣ, писалъ ему владыка въ одномъ изъ своихъ писемъ, на мѣстѣ дома, будетъ ли у мѣста, и для какой цѣли?— Не найдутся ли человѣка два—три безмолвствовать при ней, и въ такомъ случаѣ не лучше

[1]) „Мнѣ же, который недолго бесѣдую съ пустынею и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ,—говоритъ онъ, напримѣръ, о себѣ въ проповѣди на освященіе храма преподобнаго Михея въ Лаврѣ въ 1842 году, — *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ, и полещу и почію!* Могу ли сказать себѣ, или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни!* Когда облегчусь отъ бремепъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго?“ и проч. *Слова и рѣчи митр. Московскаго Филарета.* Т. IV, стран. 199. Москва, 1882. Срав. также одну изъ проповѣдей 1824 года во II т. стран. 347. Москва, 1874. Какъ извѣстно, и 1824 и 1842 годы были годами великихъ скорбей для святителя Филарета.

ли поставить подальше?“ [1]). Особенно ясно выразилъ митрополитъ Филаретъ какъ свое отношеніе къ этому дѣлу, такъ и отношеніе къ нему о. архимандрита Антонія, въ письмѣ 594 [2]). Оправдываясь предъ любимымъ своимъ намѣстникомъ по поводу высказанной послѣднимъ жалобы на недовѣріе, будто бы оказываемое ему иногда митрополитомъ, владыка пишетъ: „Вотъ самый ясный примѣръ *(довѣрія моего къ вамъ):* Геѳсиманскаго скита не было бы, если бы на вашемъ мѣстѣ былъ другой.... Только полная довѣренность къ вашему духовному разсужденію и къ чистотѣ намѣреній расположила меня рѣшиться на дѣло, не принимая въ разсчетъ возможныхъ непріятностей за несоблюденіе формы предъ начальствомъ“ [3]). Изъ этого явствуетъ, что владыка Филаретъ далъ свое согласіе на устройство скита и содѣйствовалъ сему, уступая лишь въ этомъ желанію своего намѣстника, архимандрита Антонія, который и породилъ эту мысль, и, при содѣйствіи владыки, осуществилъ ее. Онъ поэтому и долженъ считаться основателемъ и первымъ ктиторомъ Геѳсиманскаго скита, каковымъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

* * *

II.

Архимандритъ Антоній, какъ основатель и первый ктиторъ Геѳсиманскаго скита. Затрудненія при избраніи для скита мѣста. Отзывъ о Корбухѣ, какъ единственномъ мѣстѣ для скита, митрополита Филарета Кіевскаго.

Отецъ архимандритъ Антоній, воспитанный смолоду въ правилахъ самаго строгаго аскетизма, какъ проведшій юные годы въ Саровской пустыни, руководимой живымъ примѣромъ высокихъ подвижниковъ и люби-

[1]) *Письма митропол. Филарета къ намѣстнику Антонію*, ч. 2, письмо 383. Москва, 1878.

[2]) Тамъ же.

[3]) О несоблюденіи формы смотри ниже, выписки изъ писемъ 384, 446 и 453-го.

телей безмолвія, каковыми были — блаженный старецъ Серафимъ Саровскій и другіе современные ему подвижники, и имѣвшій случай лично пользоваться наставленіями и совѣтами отца Серафима, — до конца своей жизни сохранялъ въ душѣ своей любовь къ безмолвію и уединенію. И если не могъ по наружности, въ силу внѣшняго положенія, вполнѣ осуществить это жительство въ себѣ самомъ, то во всю жизнь старался всѣми мѣрами предоставлять всевозможныя къ тому удобства другимъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ построенныя имъ и при его содѣйствіи вблизи Троицкой Лавры пустынныя обители, каковы: Скитъ, Пещеры, Киновія, Параклитъ. Если и не всѣ эти обители вполнѣ нынѣ пользуются желаннымъ уединеніемъ и тишиною безмолвія, то это произошло отъ постороннихъ обстоятельствъ, отъ него не зависѣвшихъ: вѣдь и самая Лавра, устроенная преподобнымъ Сергіемъ въ глубокой пустынѣ, оказалась со временемъ окруженною многолюдствомъ и шумомъ городской жизни, лишившись не только вожделѣннаго для монашества уединенія и тишины безмолвія, но и самаго существеннаго, завѣщаннаго ей святымъ ея основателемъ по указанію вселенскаго патріарха, — общежитія. Хотя и не безъ Промысла Божія самое это теперешнее положеніе и состояніе Лавры и названныхъ обителей явилось таковымъ[1]); но возстановленіе того, что болѣе всего вожделѣнно было

[1]) Вотъ что по этому поводу о Сергіевой Лаврѣ говоритъ святитель Филаретъ въ той же проповѣди 1842 года: „Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преподобнаго Сергія совершаемыхъ.... Знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть, Божіею благодатію“. Тѣмъ не менѣе дальше онъ говоритъ: „Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго; но не града же искать пришли вы сюда; слѣдственно пришли вы искать пустыни“ и т. д. Слова и рѣчи, т. IV, стран. 193, 194.

духу основателя Лавры, не могло не занимать собою наиболѣе попечительныхъ ея руководителей. Поэтому не удивительно, что о. архимандритъ Антоній, призванный митрополитомъ Филаретомъ въ 1831 году изъ строителей Высокогорской Арзамасской пустыни на должность намѣстника Троицкой Лавры, чтобы возстановить въ ней должный порядокъ, поколебленный слабымъ правленіемъ его предшественниковъ, — поднявъ нравственный уровень этой знаменитой обители до возможной для нея высоты, стремился восполнить для нея и тѣ нравственныя лишенія, на которыя она обречена силою внѣшнихъ обстоятельствъ. Чтобы достигнуть этого, явилась потребность устроить для „особенно расположенныхъ, по выраженію митрополита Филарета, къ уединенію и къ болѣе строгому отреченію отъ своихъ желаній и собственности“, гдѣ-либо вблизи Лавры новое убѣжище. Такимъ образомъ родилась у него мысль о построеніи скита, для чего, по долгомъ и тщательномъ выборѣ, намѣчено было имъ мѣсто, извѣстное подъ названіемъ „Корбухи“. Наименованіе же его „Геѳсиманскимъ“ само собою, такъ сказать, подсказывалось тѣмъ, что не въ дальнемъ разстояніи отъ Лавры уже существовала обитель, устроенная въ концѣ прошлаго столѣтія митрополитомъ Платономъ и названная „Виѳаніей“, при которой, по волѣ, императора Павла Петровича, учреждена семинарія. Тамъ гдѣ находится Виѳанія—„отечество Лазарево“, приличнo быть не вдалекѣ и Геѳсиманіи—„Богородичину святому дому“.

Въ дѣлѣ лаврскаго Учрежденнаго (нынѣ Духовнаго) Собора о построеніи Геѳсиманскаго скита[1]), сохранилось нѣсколько собственноручныхъ замѣтокъ о. архимандрита Антонія. Въ одной изъ нихъ, между прочимъ, сказано: „Скитъ построенъ по просьбѣ моей у владыки для укрытія въ уединеніе хотя временно отъ разсѣянія лаврской жизни,

[1]) Дѣло 1843 года № 165.—

и учреждено совершенное общежитіе, съ богослуженіемъ сообразно уставу святыя Церкви и съ нѣкоторыми назидательными дополненіями, которыя я видѣлъ въ благоустроенныхъ обителяхъ".

Свои предположенія по этому предмету о. намѣстникъ сообщалъ письменно владыкѣ. Изъ отвѣтовъ къ нему митрополита, содержащихся въ его письмахъ, видно, что мысль о построеніи скита впервые народилась въ 1841 году[1]). „Мысль о скитѣ, писалъ ему владыка отъ 18 сентября этого года, очень вожделѣнна, но требуетъ не малаго размышленія. Размышленіе это дѣйствительно длилось не малое время—почти до конца 1843 года, когда особенный случай—желаніе сохранить одну древнюю деревянную церковь, предназначенную къ уничтоженію, подвинуло это дѣло къ скорѣйшему окончанію, о чемъ будетъ сказано ниже.

Соглашаясь въ общемъ съ мыслію объ устройствѣ скита, владыка долго колебался въ выборѣ для него

---

[1]) Въ томъ же дѣлѣ о построеніи скита, въ числѣ собственноручныхъ записей о. архим. Антонія, есть одна съ надписью вверху: „Нѣчто о скитѣ," въ которой говорится: „Явленіе св. исповѣдника Харитона было въ 1841-мъ году, обѣщавшаго благословеніе Божіе на мѣсто и трудъ для жительства пустынниковъ. Въ 1842 году 28 сентября владыка осмотрѣлъ мѣсто на Корбухѣ и благословилъ на устроеніе скита. Въ этотъ день еще разъ явился угодникъ Божій мнѣ и назвалъ себя, что онъ нынѣ-празднуемый св. Церковію." Затѣмъ говорится, что основаніе первой церкви скита во имя Успенія Божіей Матери (а вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніе самаго скита) было заложено въ 1843 года 28 сентября, на память иже во святыхъ отца нашего Харитона исповѣдника и въ теченіе года построеніе церкви, келлій и ограды окончены, и 28-го же сентября 1844 года церковь освящена и открыто жительство въ скитѣ. Разсказъ о явленіи о. арх-ту Антонію св. исповѣдника Харитона передается и устно старожилами скита, хотя никто изъ нихъ до сихъ поръ не зналъ о существованіи въ дѣлѣ собственноручной записи о семъ о. намѣстника, и пишущему сіе передавалъ объ этомъ бывшій братскій духовникъ Геесиманскаго скита, нынѣ строитель Зосимовой пустыни, о. Германъ, прожившій въ скитѣ болѣе 30-ти лѣтъ. Имя св. исповѣдника Харитона, особеннаго покровителя Геесиманскаго скита, и въ память бывшаго его явленія, поминается въ скитѣ ежедневно на отпускахъ при *всѣхъ богослуженіяхъ*.

мѣста, и никакъ не изъявилъ своего согласія на то, чтобы мѣстомъ этимъ была Корбуха. „Корбуха, писалъ онъ въ томъ же письмѣ, не довольно безмолвна.... Если шумъ тростника, какъ замѣтилъ нѣкто изъ отцевъ, не благопріятствуетъ безмолвію, небольше ли многое слышимое на Корбухѣ и изъ Посада и отъ близлежащей дороги.... Желаю говорить о семъ болѣе лично". Но и при личныхъ объясненіяхъ, какъ видится, о. намѣстникъ не успѣлъ убѣдить владыку и получить отъ него согласіе относительно Корбухи. Другаго же мѣста, болѣе подходящаго, онъ въ виду не имѣлъ. Дѣло это на время было отложено, что́ не мало огорчало о. намѣстника. Но вотъ, къ великому его утѣшенію, въ маѣ 1842 года заѣзжаетъ въ Лавру проѣздомъ изъ Петербурга другой митрополитъ Филаретъ—Кіевскій, который своими убѣдительными доводами и своимъ авторитетомъ повліялъ на рѣшеніе въ пользу выбора мѣстомъ для скита именно Корбухи. По сообщенію о. архимандрита Антонія [1]) это было такъ:

Въ маѣ 1842 года, митрополитъ Кіевскій Филаретъ, проѣзжая въ послѣдній разъ изъ Петербурга въ Кіевъ, заѣхалъ въ Лавру. Во время своего пребыванія здѣсь, онъ, между прочимъ, пожелалъ посѣтить Вифанію, куда долженъ былъ сопуствовать и о. намѣстникъ, какъ настоятель этой обители. Доро́гой онъ сообщилъ владыкѣ о состоявшемся предположеніи относительно устройства скита, съ наименованіемъ его Геѳсиманскимъ, и о томъ, что имъ для сего выбрано мѣсто, подъ названіемъ Корбухи, но что дѣло это остановилось лишь потому, что Московскій владыка не изъявляетъ своего согласія избрать именно это мѣсто. „Не находя другаго подходящаго, говорилъ о. намѣстникъ, я смущаюсь и скорблю, приходилъ даже къ мысли, что видно Богу не угодно, чтобы осуществилось

[1]) Архимандриту Сергію; см. архим. Сергія, Біографію митрополита *Филарета Кіевскаго*, Т. 1, гл. XIII, стран. 249 и дал. Казань, 1888.

наше предположеніе объ устройствѣ скита, и я рѣшился не напоминать болѣе объ этомъ своему архипастырю". Въ продолженіе всего разсказа Кіевскій владыка не промолвилъ ни слова. Когда же на обратномъ пути они поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нужно сворачивать на Корбуху, владыка вдругъ обратился къ о. намѣстнику съ словами: „Ну-ка, покажи мнѣ мѣсто, гдѣ ты думаешь строить скитъ. О. намѣстникъ велѣлъ кучеру повернуть направо. А какъ ѣхать по тропинкѣ въ экипажѣ оказалось невозможнымъ, то имъ пришлось идти туда пѣшкомъ. „При этомъ я не могъ не замѣтить, пишетъ о. намѣстникъ, что владыка вовсе не нуждался въ указаніи ему пути: каждый поворотъ онъ зналъ чуть-ли не лучше меня. Когда мы пришли къ назначенному мѣсту, онъ остановилъ и спросилъ: „Ну, гдѣ же именно хотѣлъ ты, отецъ, устроить скитъ, а главное—поставить церковь?"—„Да вотъ, владыка святый, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь остановились".

Осмотрѣвшись кругомъ съ глубокимъ вниманіемъ, онъ продолжалъ: „Такъ дѣло-то, говоришь ты, остановилось у васъ затѣмъ, что вашъ владыка не соглашается на выборъ этого мѣста?"—„Да", отвѣтилъ я съ грустью.—„А если бы я у васъ былъ владыкою, то знаешь ли, что я сдѣлалъ бы? я указомъ предписалъ бы тебѣ, отецъ намѣстникъ, и заставилъ бы силою строить храмъ и устроять скитъ именно на этомъ мѣстѣ.... Ты говоришь, что ты избралъ это мѣсто; а я тебѣ скажу, отецъ, что не ты его избралъ, а оно было избрано прежде меня и тебя, и теперь только тебѣ указано... Говорю тебѣ: пиши своему владыкѣ еще и еще объ этомъ мѣстѣ для скита; здѣсь, именно здѣсь, а не въ иномъ мѣстѣ должно быть скиту. Пусть владыка погнѣвается на тебя, а ты все-таки стой на своемъ, и—помянешь послѣ—будетъ по твоему, или иначе по Божьему указанію. Я открою тебѣ въ чемъ дѣло.

Когда ты велъ меня къ этому мѣсту, я уже зналъ его

напередъ, и пришелъ бы сюда и безъ тебя: здѣсь я бывалъ болѣе твоего. Да и я ли одинъ? нѣтъ, и до меня, и при мнѣ бывало здѣсь довольно людей, по тропинкамъ коихъ приходилось ходить и мнѣ въ слѣдъ ихъ. Вотъ какъ это было: когда я былъ опредѣленъ въ здѣшнюю академію инспекторомъ [1]) и вмѣстѣ профессоромъ богословскихъ наукъ, то сначала мнѣ было очень трудно читать лекціи, потому что самъ-то я въ академіи не учился, а лишь окончилъ курсъ въ семинаріи, и то по старинному уставу, а сослуживцы мои всѣ были академисты. Готовыхъ лекцій не было, а нужно было собирать довольно свѣдѣній и составлять лекціи самому.

Работа эта дома шла неуспѣшно, потому что другія дѣла отвлекали.... Вотъ я и сталъ въ свободное отъ служебныхъ занятій время, подъ предлогомъ прогулки, уходить сюда, взявъ предварительно съ собою нужныя книги и письменныя принадлежности. Здѣсь я сажусь, бывало, гдѣ-либо подъ кустомъ, и предаюсь размышленіямъ. А чтобы дѣло шло успѣшнѣе и съ истинною пользою, я съ самаго начала и въ промежутки часто вставалъ и тепло молился Господу, призывая и угодника Божія, преподобнаго Сергія, на помощь, вспоминая при этомъ, какъ явился ему въ лѣсу благодатный старецъ, и открылъ разумъ къ вѣдѣнію, и какъ впослѣдствіи *водворился* онъ *въ пустыни, чая Бога спасающаго,* и тамъ, на Маковцѣ, устроивъ храмъ и обитель во имя Святыя Троицы, самъ сдѣлался вселеніемъ Ея, а потомъ и насъ, ученыхъ невѣждъ, не отринулъ принять подъ кровъ своей обители.... Ну, словомъ, много и много, бывало, поразмыслишь и перечувствуешь въ молитвенномъ своемъ настроеніи, твердя, однако, и молитву, напечатанную въ нашихъ старинныхъ азбукахъ: *Боже въ помощь мою вонми, и вразуми мя во ученіе сіе.* Такимъ-то образомъ помолишься

[1]) Митрополитъ Кіевскій былъ, въ санѣ архимандрита, инспекторомъ Московской духовной академіи въ 1814—1816 годахъ, а за тѣмъ ректоромъ въ 1816—1819 годахъ.

и поразмыслишь о своей наукѣ-то, и—глядишь, слава Богу, довольно приготовишь своихъ лекцій. И замѣчательно, что когда станешь, бывало, преподавать съ каѳедры обдуманныя и записанныя здѣсь мысли, чувствуешь самъ, что они такъ и просятся изъ души и съ языка, да и студенты, замѣчаешь, бываютъ внимательнѣе, слушая и воспринимая съ искренностію и даже благоговѣніемъ.

„Это говорю тебѣ о себѣ, послѣ минутнаго молчанія продолжалъ архипастырь; а что дѣлали здѣсь другіе?!... Конечно они дѣлали дѣланіе, далеко не такое, какъ я грѣшный. Всѣ эти тропинки и кусты орошены были покаянными ихъ слезами и—вѣрно —по всей этой Корбухѣ насѣяны сѣмена богомыслія, подобно тому, какъ тамъ, на Маковцѣ, гдѣ сначала тоже была чаща и пустыня, а потомъ процвѣла обитель, яко кринъ, и возрасли въ ней благодатныя сѣмена для всѣхъ приходящихъ съ вѣрою.... Такъ-то, отецъ, не спроста и тебя привлекало это мѣсто. Здѣсь, какъ я сказалъ, благочестивые старцы и мужи—подвижники засѣяли въ изобиліи сѣмена богомыслія и святости, а ты призываешься создать здѣсь житницу, чтобы эти сѣмена, какъ плодоносныя, были собраны воедино и послужили бы во спасительное питаніе многимъ. Ибо что́ есть храмъ, который ты намѣреваешься строить прежде всего, какъ не житница, въ которую сносятся и слагаются добрыя сѣмена, благія и чистыя мысли всѣхъ истинныхъ чадъ Вѣры и Церкви Христовой?!... Но довольно. Ты самъ, вѣроятно, разумѣешь все это, и можетъ быть, больше моего. Я скажу тебѣ только еще разъ: пиши вашему владыкѣ и настаивай неослабно, не боясь гнѣва его, чтобы онъ благословилъ избрать это мѣсто, а не другое какое; да будетъ здѣсь благословеніе Божіе съ молитвами преподобнаго отца нашего Сергія, который нѣкогда самъ избралъ въ глухомъ лѣсу мѣсто на Маковцѣ, молилъ Пресвятую Троицу о ниспосланіи благословенія на задуманый имъ храмъ. И теперь будемъ съ благоговѣніемъ

вѣрить и уповать, что онъ указуетъ на сіе мѣсто къ устроенію на немъ храма и обители, какъ отсадка его благодатнаго разсадника".

„Сказавъ это, архипастырь благословилъ мѣсто на всѣ четыре стороны, а я, пишетъ о. намѣстникъ, по принятіи благословенія, тотчасъ же заломилъ на деревѣ три вѣтки, гдѣ должно быть будущему храму".

Проводивъ гостя, о. намѣстникъ тотчасъ написалъ своему владыкѣ о Корбухѣ; но отвѣта не послѣдовало. На второе письмо о томъ же владыка отвѣтилъ: „оставить это дѣло до моего прибытія въ Лавру". Владыка пріѣхалъ въ Лавру въ сентябрѣ, на праздникъ преподобнаго Сергія. Погода въ эти дни стояла очень плохая, шелъ непрерывный дождь, а 27-го числа владыкою назначенъ былъ отъѣздъ въ Москву. Съ утра дождь и вѣтеръ не переставали, и ѣхать на Корбуху не было никакой возможности. О. намѣстникъ очень объ этомъ скорбѣлъ, и уже отчаявался въ томъ, чтобы владыка въ этотъ разъ посѣтилъ мѣсто будущаго скита. Но вдругъ около полудня погода перемѣнилась, проглянуло солнце, вѣтеръ стихъ, и день превратился въ чисто майскій. Часа въ два владыка позвалъ къ себѣ о. намѣстника, и говоритъ: „погода, кажется, совсѣмъ перемѣнилась къ лучшему, и теперь нужно съѣздить на Корбуху". По пріѣздѣ туда, владыка долго любовался красотою мѣстности и разнообразіемъ здѣсь природы, вспоминая, навѣрно, прежнія свои посѣщенія этой мѣстности, во дни своей юности. Онъ благословилъ то мѣсто, гдѣ предположено было строить храмъ, и при этомъ спросилъ: „скажи мнѣ, однако, о. намѣстникъ, почему ты въ своихъ послѣднихъ письмахъ такъ неотступно настаивалъ на избраніи именно этого мѣста для скита?" Тогда о. намѣстникъ объяснилъ, что такъ настаивать благословилъ его владыка Филаретъ Кіевскій.— „Вотъ такъ бы и слѣдовало тебѣ написать мнѣ, сказалъ на это владыка: тогда и разсуждать не нужно было бы;

онъ такой знатокъ въ этомъ дѣлѣ, что мы съ тобой и въ ученики ему не годимся по этой наукѣ, по которой, какъ и по имени его, *тако было и житіе его*“ [1]).

III.

Заготовка матеріала для скита. Успенская церковь села Подсосенья и ея историческое значеніе. Пріобрѣтеніе оной и постановка на Корбухѣ въ основаніе скита.

Когда такимъ образомъ всѣ затрудненія были устранены, и мѣсто будущаго скита получило благословеніе двухъ одноименныхъ первенствующихъ іерарховъ Русской Церкви, одинаково знаменитыхъ по соотвѣтствію ихъ жительства съ именемъ, какъ любителей всякаго добра,— приступлено было, наконецъ, къ заготовленію для предполагаемой ограды и другихъ построекъ потребнаго количества матеріала. Въ теченіи зимы 1843 года перевезено готоваго лаврскаго кирпича 400 тысячъ и заготовлено потребное количество извести, разнаго лѣса, желѣза и проч., по предварительной смѣтѣ, на семнадцать тысячъ пятьсотъ рублей ассигнаціями.

Церковь для скита деревянная нашлась готовая, довольно древней архитектуры и знаменательная по своей исторической связи съ Лаврою. Въ селѣ Подсосеньи, отстоящемъ въ 6-ти верстахъ отъ нынѣшняго скита, находились двѣ старинныя деревянныя церкви: одна большая во имя Успенія Божіей Матери, а другая малая во имя святителя Николая, устроенныя въ XVII вѣкѣ. Обѣ эти церкви въ послѣднее время оставались безъ службъ, такъ какъ вмѣсто ихъ въ с. Подсосеньи былъ устроенъ въ 1827 году новый каменный трехпрестольный храмъ. Деревянныя же церкви, оставленныя безъ всякой поддержки, быстро клонились къ паденію. Въ виду этого, мѣстный

[1]) Дѣло Учрежденнаго Собора Лавры 1843 г. № 165.

священникъ въ іюлѣ 1843 года обратился къ митрополиту съ прошеніемъ о разрѣшеніи разобрать означенныя церкви, и матеріалъ употребить на отопленіе новаго храма. Владыка, желая сохранить старинныя церкви, написалъ на прошеніи священника такую резолюцію: „О. намѣстникъ осмотритъ и скажетъ мнѣ свое мнѣніе“. Отцу же намѣстнику въ письмѣ отъ 12 августа писалъ: „Деревянную церковь желательно сохранить. Не придумаете ли, какъ могли бы мы сіе сдѣлать?“ Это обстоятельство, какъ видно изъ хода дѣла, и послужило ближайшимъ побужденіемъ къ осуществленію мысли о. намѣстника объ устроеніи скита. Ибо о. намѣстникъ, осмотрѣвъ храмы, донесъ владыкѣ отъ 7 сентября, между прочимъ, что изъ показанныхъ ему священникомъ старинныхъ записей [1]) объ освященіи означенныхъ церквей видно, что они устроены при преподобномъ Діонисіи, архимандритѣ Троицкой Лавры, и старцѣ Аврааміи Палицынѣ, и при этомъ выразилъ свое мнѣніе такъ: „Въ уваженіе древности и трудовъ преподобнаго отца нашего Діонисія и старца Авраамія Палицына [2]), не дозволено ли будетъ перенести эти церкви,

[1]) Записи эти, какъ оказалось, были антимпнсы. Письмо м. Филарета отъ 12 августа.

[2]) По другимъ источникамъ (*Московскія Епархіальныя Вѣдомости* 1878 г. №34, „Село Подсосенье“, і. Арсенія), церковь во имя Успенія Божія Матери, построенная въ селѣ Подсосеньи преподобнымъ Діонисіемъ въ 1616 году, была разобрана при архимандритѣ Троицкой Лавры Ѳеодосіи въ 1671 году, и на мѣсто ея поставлена имъ новая деревянная церковь, также во имя Успенія Божія Матери, съ употребленіемъ въ дѣло и прежняго матеріала, какой оказался годнымъ. Эта-то церковь и перенесена въ 1843 году на Корбуху въ основаніе Геосиманскаго скита. А какъ отъ первоначальнаго построенія ея преподобнымъ Діонисіемъ до перестройки Ѳеодосіемъ прошло всего лишь 55 лѣтъ, а послѣ того чрезъ сто семьдесятъ два года, она оказалась вся почти годною къ перенесенію на другое мѣсто—во вновь устрояемый скитъ: то очевидно, что первоначальная церковь, устроенная преподобнымъ Діонисіемъ, не могла въ такое короткое сравнительно время притти въ ветхость, и должна была почти вся пойти въ дѣло при перестройкѣ ея архимандритомъ Ѳеодосіемъ. Побудительною причиною къ перестройкѣ Діонисіевской церкви для Ѳеодосія послужило то, что этотъ послѣдній до монашества былъ приходскимъ священникомъ села Подсосенья, и потому, сдѣлавшись настоятелемъ

съ соблюденіемъ древняго ихъ фасада и устройства, на Корбуху, для чтенія псалтири по усопшей братіи и благотворителямъ обители. Въ вознагражденіе же за сіе, для церкви села Подсосенья внести на вѣчное время 2500 рублей ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на отопленіе церкви и на другія ея потребности... Такимъ образомъ и клиръ въ потребностяхъ для церковнаго отопленія навсегда съ избыткомъ будетъ удовлетворенъ, и по уваженію къ памяти преподобнаго Діонисія и Авраамія Палицына, ихъ трудовъ церкви сохранятся обителію".

Очевидно, что докладъ этотъ, отвѣчая желанію владыки сохранить старинныя церкви, въ тоже время служилъ новымъ выраженіемъ давнишняго желанія о. намѣстника относительно устройства скита. Но владыка, прежде чѣмъ дать окончательное рѣшеніе по этому вопросу, написалъ о. намѣстнику въ письмѣ отъ 23 августа уже приведенныя нами выше слова: „Церковь на Корбухѣ, на мѣстѣ дома, будетъ ли у мѣста и для какой цѣли?—Не найдутся ли человѣка два-три безмолвствовать при ней, и въ такомъ случаѣ не лучше ли поставить ее подальше? Не поскучайте еще написать о семъ". За тѣмъ, отъ 3 сентября, получивъ, какъ видится, разъясненіе о. намѣстника, владыка писалъ: „Добрѣ было-бы, если бы Матерь Божія благословила быть Геѳсиманскому скиту. Но можно ли успѣть нынѣшнею же осенью положить начало? Если сего не можно: безопасно

Троицкой Лавры, пожелалъ въ бывшемъ своемъ приходѣ устроить болѣе обширную и, вѣроятно, болѣе красивую церковь, чѣмъ какая была при немъ, и этимъ оставить по себѣ здѣсь память. Однако справедливо и то, что церковь, устроенная въ селѣ Подсосеньи преподобнымъ Діонисіемъ, перенесена во вновь устрояемый Геѳсиманскій скитъ, хотя и въ перестроенномъ видѣ. Впрочемъ и построенная Ѳеодосіемъ церковь также устроена отъ Лавры, такъ какъ Ѳеодосій строилъ ее не отъ себя, а совмѣстно съ „келаремъ, старцемъ Леонтіемъ Дерновымъ, казначеемъ, старцемъ Кипріяномъ Симоновскимъ, съ братіею", и такъ какъ село Подсосенье въ то время принадлежало Лаврѣ.

ли подождетъ деревянная церковь до весны? Есть и еще вопросъ: просить ли разрѣшенія на перенесеніе деревянной церкви? По примѣненію къ закону—не лишне было-бы, но не безопасно, чтобы не запутали дѣла. Не лучше ли просто дѣлать дѣло невинное, съ намѣреніемъ не гнѣваться послѣ, если сдѣлаютъ выговоръ".

По симъ соображеніямъ владыка 11-го сентября положилъ на докладѣ намѣстника о перенесеніи церквей такую резолюцію; „Немедленно заняться мѣрами къ исполненію сего предположенія". Поэтому Соборъ Лавры немедленно распорядился было о внесеніи въ Опекунскій Совѣтъ на имя Подсосенской приходской церкви назначенной суммы. Но владыка пожелалъ самъ быть первымъ вкладчикомъ и жертвователемъ на это дѣло, и когда вскорѣ послѣ того ему представлено было на утвержденіе росписаніе братскихъ кружечныхъ доходовъ Лавры за минувшую треть, изъ коихъ ему, какъ настоятелю, полагается третья часть, онъ назначилъ изъ своей части, между прочимъ: „полторы или двѣ тысячи рублей ассигнаціями въ Подсосенскую церковь по тому случаю, что оттуда возмется древняя Лаврою построенная деревянная церковь съ другою такою же ветхою". Въ письмѣ же къ о. намѣстнику писалъ: „Подсосенскимъ, мнѣ кажется, не обидно взять и 1500 рублей, потому что деревянная церковь по началу Лаврская, и потому что болѣе сего едва ли получили бы они и мимо Лавры. Но если такъ лучше находите, дайте 2000 рублей, какъ я назначилъ на росписаніи доходовъ". О. намѣстникъ распорядился внести изъ назначенной митрополиту части 2000 рублей, а церкви разобрать и перевезти на Корбуху.

Около этого времени владыка въ письмахъ своихъ, между прочимъ, часто обращался къ о. намѣстнику съ разными вопросами и предположеніями касательно устройства церкви и келлій скита. Такъ отъ 10 октября онъ писалъ: „фундаментъ класть надлежало бы ранѣе октября.

Я же не могу поспѣшить въ Лавру... Не заложить ли вамъ, по обычномъ освященіи воды, фундаментъ Успенской церкви до меня, а для меня оставить заложеніе основанія престола съ принадлежащимъ къ сему чиномъ основанія храма?... Можно ли Успенскую церковь устроить теплою? А другую церковь надобно-ли? И ветхость ея не потребуетъ ли многаго новаго, тогда какъ дѣло состоитъ въ сохраненіи древняго?[1]) Малыя келліи для меня имѣть желаю; нельзя ли привязать ихъ близкимъ и удобнымъ сообщеніемъ къ Успенской церкви, если другой не будетъ. Каменную кладку подъ моими келіями нельзя ли сдѣлать немного выше, нежели просто для фундамента, и устроить въ ней нижнее жилье для келейника и для приготовленія пищи?“ [2]). „Видъ Успенской церкви хорошъ и желательно сохранить его при перепесеніи. Но въ такомъ случаѣ будетъ ли удобно сообщить съ нею мое жилище?“..[3]). „Благодарю, что вы не колеблетесь въ принятой мысли: сохранить церковь Геѳсиманскаго скита въ простотѣ и нестяжаніи“...[4]) „Простота, какъ мнѣ кажется, есть надежда скита. Да сохранитъ сіе Господь“ [5]).

Когда фундаментъ былъ выведенъ, и предстояло, наконецъ, приступить къ постановкѣ на него самой церкви, — встрѣтилось такое затрудненіе: нижній рядъ оказался сгнившимъ настолько, что его нужно было замѣнить новымъ, и для этого требовались дубовыя дерева достаточной толщины и длины. Но такихъ деревъ по близости найти никакъ не могли. О. намѣстникъ былъ этимъ обстоятельствомъ очень озабоченъ. Но Богу благоугодно было разрѣшить это затрудненіе особеннымъ

[1]) Успенская церковь оказалась вполнѣ крѣпкою, и ничего новаго къ ней не потребовалось, кромѣ одного нижняго ряда и небольшой прибавки изъ Никольской церкви (письмо 394).
[2]) Письмо 388.
[3]) Письмо 389.
[4]) Письмо 418.
[5]) Письмо 494.

явленіемъ Своего благоволенія ко вновь воздвигаемой обители. О. намѣстникъ, имѣвшій обыкновеніе всегда лично наблюдать за каждымъ дѣломъ, во время постройки скита всякій день ѣздилъ туда. Отправляясь однажды по обыкновенію на Корбуху, съ заботою на душѣ о пріобрѣтеніи потребныхъ деревъ, онъ, какъ только выѣхалъ изъ лаврскихъ воротъ, вдругъ видитъ, что на площади стоятъ нѣсколько подводъ съ дубовыми деревами, и именно такими, какія требовались для скита. Немедленно послалъ онъ бывшаго при немъ келейника спросить: чьи эти дерева, куда ихъ везутъ, и нельзя ли ихъ купить? На вопросы келейника, хозяинъ отвѣтилъ, что дерева эти онъ привезъ собственно сюда, къ Троицѣ, что они у него давно залежались, и онъ не зналъ, куда ихъ сбыть, а везти въ Москву далеко; но недавно приходилъ къ нему отъ Троицы какой-то монахъ, который говорилъ, что его прислалъ намѣстникъ, и велѣлъ везти эти дерева сюда, говоря, что ихъ здѣсь у него купятъ. Изумился о. намѣстникъ, слыша такія слова, но не сказалъ ничего, а велѣлъ везти дерева къ постройкѣ, куда и самъ поспѣшилъ, и приказалъ было заплатить за нихъ безъ торгу, сколько запросятъ. Но хозяинъ деревъ не взялъ за нихъ ничего, а выразилъ желаніе пожертвовать ихъ такъ, на храмъ [1]). „Богъ да благословитъ доброхота, давшаго дубовый вѣнецъ подъ стѣпы церкви“, писалъ по этому поводу владыка [2]).

Работа по возстановленію церкви и вообще по построенію скита шла очень быстро. Постановка церкви на приго-

[1]) Этотъ разсказъ записанъ со словъ намѣстника Чудова монастыря о. архимандрита Товіи, бывшаго долгое время архидіакономъ Лавры, гдѣ не разъ и слышалъ о семъ отъ казначея Лавры архимандрита Авдія, съ которымъ находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ: отецъ же Авдій самъ былъ очевидцемъ этого происшествія, такъ какъ состоялъ въ то время въ званіи послушника надсмотрщикомъ надъ производившимися на Корбухѣ постройками, и о событіи этомъ долго послѣ того носилась молва въ братіи.

[2]) Письмо 395.

товленный съ осени фундаментъ производилась зимой. Зимой же строились на столбахъ и кельи при ней для митрополита, такъ какъ фундаментъ для нихъ не былъ приготовленъ съ осени: онъ подведенъ послѣ. На то и другое имѣются указанія въ письмахъ владыки. О церкви онъ писалъ отъ 21 января 1844 г.: „Слава Богу, что созиданіе храма восходитъ... Что церковь становится повыше, это можетъ быть еще лучше.“ А о кельяхъ говорится въ письмѣ отъ 17 мая. Одновременно съ этимъ были выстроены еще три деревянныхъ корпуса: одинъ намѣстническій и два братскихъ. Церковь внутри тѣмъ же лѣтомъ была вся отдѣлана дщицами изъ кедра, певка и кипариса. Иконостасъ также устроенъ весь изъ кипариса, пожертвованнаго для сего Московскимъ купцомъ Кувшиновымъ[1]). При всѣхъ этихъ работахъ владыка хотя лично не присутствовалъ, но зорко слѣдилъ за всѣмъ, входилъ въ всѣ подробности, и на все давалъ указанія. Его непремѣннымъ желаніемъ было сохранить церковь въ прежнемъ видѣ, и скитъ—въ простотѣ и нестяжаніи. „О какихъ говорите вы фронтонахъ, писалъ онъ въ приведенномъ письмѣ отъ 21 января. Были ли они прежде? Если были: то надобно имъ быть, какъ были. А если это что нибудь новое: не приставьте плата нова къ ризѣ ветсѣй.“ Онъ не позволилъ даже, чтобы иконы въ иконостасѣ были написаны съ обѣихъ сторонъ, какъ это предполагалъ сдѣлать о. намѣстникъ, находя и это великолѣпіемъ несообразнымъ съ простотой всего остальнаго[2]). Самое облаченіе для священнослужащихъ установлено имъ употреблять въ скитѣ не парчевое, а просто шелковое, безъ всякой примѣси серебра и золота[3]).

Въ теченіе одного лѣта всѣ необходимыя постройки

[1]) Письма 402 и 407.
[2]) Письмо 409.
[3]) Письмо 430.

скита были окончены, и къ концу сентября 1844 года все уже было готово къ освященію.

IV.

Общій взглядъ на первоначальный видъ скита. Внутренній видъ Успенской Церкви. Освященіе. Слово, произнесенное при этомъ.

Въ предыдущихъ главахъ изложена по возможности подробно исторія возникновенія Геѳсиманскаго скита, до момента его освященія. Теперь бросимъ на него общій взглядъ въ тогдашнемъ его состояніи. Для этого не будемъ составлять никакихъ своихъ представленій или мечтаній о немъ, а взглянемъ лишь на то изображеніе его, которое художественно начертала мастерская рука современнаго просвѣщеннаго наблюдателя, стоявшаго весьма близко къ дѣлу, и внесшаго въ него не малую долю и своего участія. Это—извѣстный въ свое время писатель и путешественникъ по святымъ мѣстамъ Россіи и Востока, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, состоявшій въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ митрополиту Филарету, нерѣдко упоминаемый имъ въ письмахъ, и привезшій отъ Іерусалимскаго патріарха въ благословеніе вновь устрояемому Геѳсиманскому скиту не малую частицу святыхъ мощей святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона, какъ видно изъ помѣщаемыхъ ниже грамотъ Патріарха. Вотъ что писалъ А. Н. о Геѳсиманскомъ скитѣ [1]).

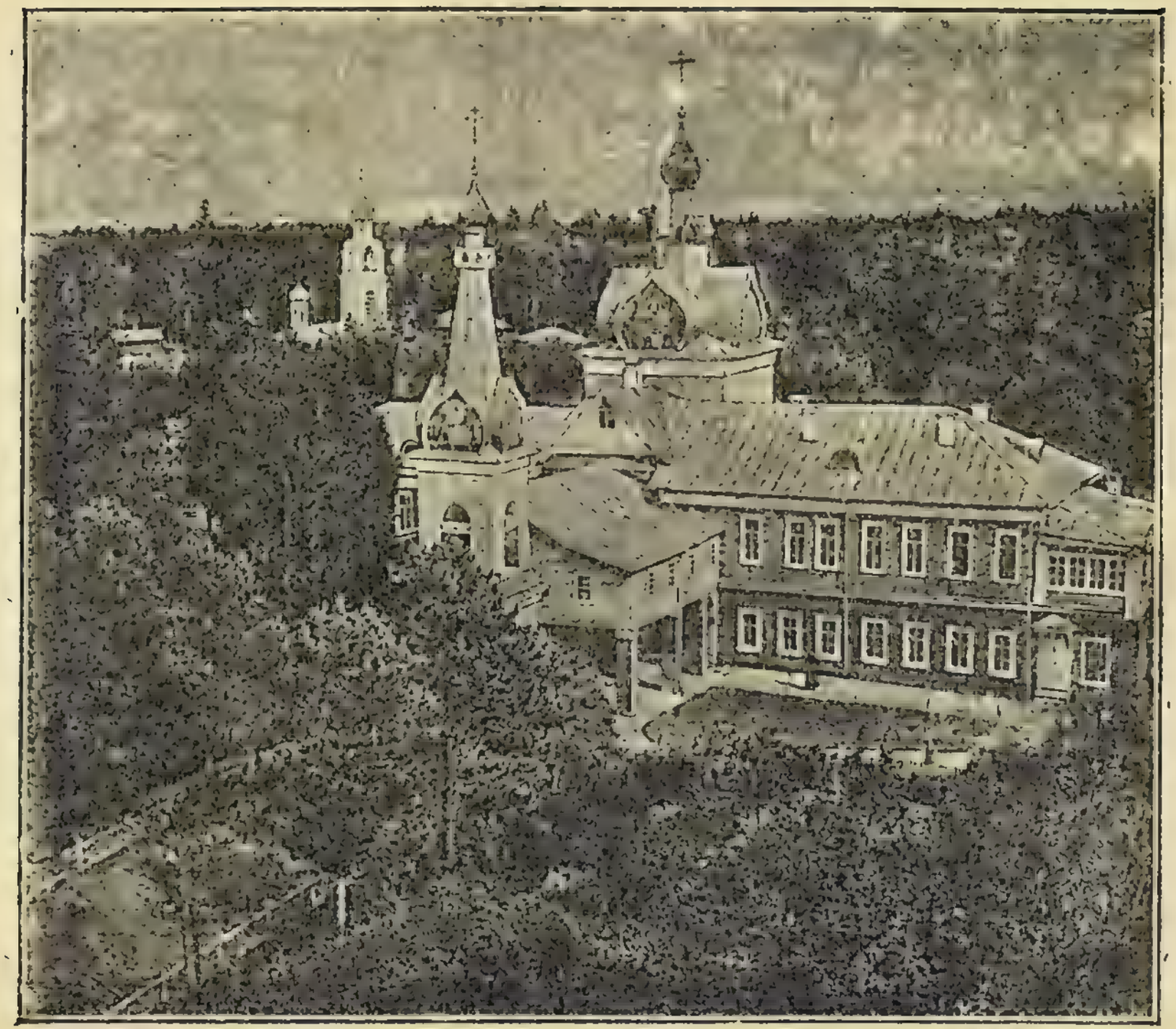
[1]) Слѣдующая статья, принадлежащая А. Н. Муравьеву, сохранилась въ рукописи при дѣлѣ о построеніи Геѳсим. скита съ собственноручными поправками митрополита Филарета.

„Геѳсиманскій скитъ“.

„Когда пришедшіе на поклоненіе св. мѣстъ Іерусалимскихъ, напитавъ душу свою великою святынею Гроба Господня, пожелаютъ видѣть и мѣсто величайшаго изъ чудесъ Христовыхъ—упраздненный гробъ четверодневнаго мертвеца Лазаря, они исходятъ изъ стѣнъ св. Града къ востоку, путемъ горы Масличной. Но прежде, нежели достигнуть Виѳаніи, спускаются въ глубокое русло потока Кедрскаго, среди мертваго безмолвія долины Іосафатовой: направо лежитъ путь къ селенію Лазаря, вдоль потока, еще нѣсколько осѣненнаго остатками тѣхъ маслиничныхъ рощей, которыя нѣкогда покрывали всю гору, и оставили ей свое имя; налѣво, при самомъ подъемѣ горы, въ виду священнаго вертограда, гдѣ молился Господь съ кровавымъ по́томъ и слезами въ ночь, когда былъ преданъ ученикомъ своимъ, вертепъ Геѳсиманскій. Тамъ упраздненная гробница Матери воскресшаго Сына, Который также положилъ трехдневный предѣлъ для Ея гробоваго покоя; ибо погребавшіе Ее съ плачемъ Апостолы, на третій день Ея успѣнія уже не обрѣли дѣвственнаго Ея тѣла: Она была взята Ангелами на нѳбо, волею Сына Ея и Бога.

„Такъ въ Палестинѣ. Нѣчто подобное мѣстностію и близкими сердцу именами видимъ мы и въ отечествѣ нашемъ, подъ сѣнію священной Лавры, столько разъ его ограждавшей отъ временныхъ бѣдъ. Усердный богомолецъ въ храмѣ Живоначальныя Троицы, сложивъ бремя сердечныхъ заботъ у раки великаго заступника земли Русской, и освѣжась духовно общеніемъ молитвы Сергіевой, идетъ также къ Виѳаніи и Ѳавору [1]) восточными вратами, оставивъ за собою зубчатыя твердыни Лавры, напоминающія

[1]) Въ Виѳаніи главная церковь посвящена Преображенію Господню, и въ ней устроено возвышеніе, представляющее собою видъ Ѳавора, гдѣ и находится алтарь.



Деревянный храмъ Успенія Богоматери съ западной стороны.

древнія бойницы Іерусалимскія. Онъ долженъ также спуститься на дно живописной долины, прежде нежели достигнуть осѣненныхъ рощею высотъ Виѳанскихъ. Но какая новая Геѳсиманія представляется влѣво, по ту сторону большаго пруда, мимо котораго лежитъ путь въ Виѳанію. Одни только убогія врата на краю рощи и дороги обличаютъ существованіе пустыннаго скита, углубившагося въ чащу деревъ, на уединенный берегъ мирнаго пруда.

„Посреди обширнаго двора, примыкающаго къ прудамъ, и съ трехъ сторонъ обнесеннаго оградою, возвышается деревянная церковь, и къ ней примыкаютъ келліи настоятеля скитскаго, простыя, убогія какъ и все устройство сего уединеннаго мѣста. Нѣсколько деревянныхъ келлій раскинуто внутри ограды; длинная аллея липъ, остатокъ прежняго сада, пресѣкаетъ пустоту обширнаго двора: это путь, болѣе никуда не ведущій; ибо здѣсь кончается всякая земная стезя для отшельниковъ. Мысли ихъ обращены къ иной отчизнѣ, къ которой ведетъ дорога чрезъ Сіонъ и Іерусалимъ, непрестанно исторгающіяся изъ устъ ихъ словами псалмовъ, неумолкающихъ. Въ церкви одна только литургія субботняя и воскресная[1]) прерываетъ чтеніе Псалтири, поперемѣнно совершаемое двѣнадцатью братіями, по обычаю прочихъ скитовъ нашего отечества. Въ прочіе дни недѣли утреня, часы, вечерня и правила монашескія, совершаются въ нарочно устроенной для сего храминѣ подъ самою церковію[2]), также по древнему чину церковному, дабы не каждый отдѣльно въ своей келліи, но всѣ вкупѣ соединялись на молитву.

„Замѣчательна своею простотою церковь скита, не вновь сооруженная, но только перенесенная на новое мѣсто изъ сосѣдняго села, гдѣ оказалась излишнею. Руки преподобныхъ ее основали, и здѣсь возвратилась она къ своему первобытному назначенію. Ибо послѣ разоренія

[1]) Такъ было поначалу, а теперь ежедневно совершаются двѣ литургіи.
[2]) Впослѣдствіи „храмина“ эта обращена въ церковь; см. ниже.

литовскаго, святый архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ, освободители своего отечества, воздвигли ее на мѣсто сгорѣвшей церкви въ селѣ Подсосеньи для женской обители, которая впослѣдствіи была упразднена и присоединена къ Хотьковской. Чрезвычайное благовоніе поражаетъ всякаго входящаго во внутренность церкви изъ крытой паперти, ее окружающей по образцу древнихъ храмовъ: престолъ ея и жертвенникъ и весь иконостасъ устроены изъ кипариса, и вся она обложена внутри по стѣнамъ кедромъ, певкомъ и кипарисомъ. Ибо изъ сихъ трехъ древъ сооружено было, по мѣстнымъ преданіямъ Іерусалимскимъ и по слову пророческому, честное древо Креста Господня. Нѣтъ никакого убранства, или металла въ церкви; всѣ ея украшенія рѣзныя, деревянныя, и самыя паникадила и подсвѣчники изъ дерева, съ соблюденіемъ всей строгости скитской. Царскія и сѣверныя двери, съ нѣкоторыми иконами, уцѣлѣли еще отъ древней церкви. Достойно вниманія, что Евангелисту Іоанну данъ символомъ крылатый левъ Марка, а Марку—его орелъ; но особенно замѣчательна сѣверная дверь. На ней изображена вся повѣсть нашего паденія, искушеніе праотцевъ нашихъ зміемъ въ образѣ жены, и ихъ изгнаніе изъ рая, и потомъ послѣ изгнанія—Ангелъ, вручающій Адаму заступъ для земледѣлія; а наверху праведные Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, держащіе въ лонѣ своемъ души младенческія.

„Въ утѣшительную противоположность сей двери, напоминающей намъ горькое изгнаніе, изображено на южной первое радостное возвращеніе въ утраченный эдемъ благоразумнаго разбойника, вооруженнаго древомъ Креста. Подлѣ сей двери, въ ряду мѣстныхъ иконъ, написанъ преподобный Сергій, окруженный сотрудниками постнической его жизни и начальниками обителей, которыя произрастила его Лавра, какъ тѣнистое древо, насажденное при водахъ. Здѣсь цѣлый соборъ иноковъ и святителей, живая лѣтопись посмертныхъ подвиговъ Сергія. Здѣсь,

кромѣ ближайшихъ учениковъ, означенныхъ въ его житіи, Стефанъ, братъ его, и племянникъ Ѳеодоръ, епископъ Ростова, и Михей, свидѣтель чуднаго посѣщенія Богоматери, списатель житія его Епифаній и первый преемникъ Никонъ, Максимъ Грекъ, страдалецъ за правду, и два другихъ изгнанника, лишенные каѳедръ, архіепископъ Серапіонъ и митрополитъ Іоасафъ; защитникъ Лавры архимандритъ Діонисій и основатели обителей: Савва Звенигородскій, Андроникъ, Авраамій Чухломскій, Сергій и Павелъ Обнорскіе, Романъ, уединившійся на Киржачѣ, и Меѳодій на Пѣшношѣ, и въ Серпуховѣ Аѳанасій, и Стефанъ Махрищскій, доселѣ соблюдшій въ своей обители подчиненіе Лаврѣ, какъ послушное чадо матери, и много еще иныхъ, записанныхъ свѣтлою строкою въ книгѣ жизни на скрижаляхъ нашего отечества. Здѣсь они, съ Сергіемъ и Никономъ, представлены, водружающими Крестъ Господень, и на противоположной сторонѣ соотвѣтствуетъ имъ ликъ Всѣхъ Святыхъ, торжествуемыхъ православною Церковью, дабы всѣ они имѣли участіе въ молитвѣ сего новаго дома молитвы. Лики Сергія, Никона и святыхъ, почивающихъ подъ сѣнію ихъ обители, Михея, Максима, Діонисія, Серапіона и Іоасафа, изображены еще и со входа на кипарисныхъ стѣнахъ трапезы, а большое изображеніе перваго основателя храма сего, архимандрита Діонисія, списанное съ подлиннаго его портрета въ Лаврѣ, блюдетъ сѣверныя врата церкви, противъ которыхъ устроено одно лишь малое оконце въ келліи настоятельскія.

„Въ правомъ участкѣ благообразнаго алтаря, который выдается тремя полукружіями, по подобію древнихъ каменныхъ храмовъ, устроенъ былъ малый придѣлъ во имя нерукотвореннаго Спаса, знаменитымъ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ; но придѣлъ сей упраздненъ нынѣ по тѣснотѣ, главный же престолъ теперь, какъ и прежде, празднуетъ Успенію Богоматери; ибо отъ самаго начала Церковь Греческая и Россійская любили учреждать свои

соборные храмы въ городахъ и обителяхъ, на память чуднаго собора Апостоловъ, соединившихся внезапно на Сіонѣ, для возданія погребальнаго долга Матери проповѣданнаго ими Бога.—Однако же не самому дню Успенія будетъ праздновать церковь скитская, дабы не отставить благоговѣйныхъ поклонниковъ отъ храмоваго праздника Лавры, но на третій день Успенія совершаемо будетъ торжественное воспоминаніе взятія на небо Божіей Матери, когда не обрѣли Ее во гробѣ Апостолы, хотѣвшіе утѣшить одного изъ своего лика—Ѳому, опоздавшаго къ Ея погребенію. Только въ день сего праздника допускаемы будутъ въ скитъ посѣтительницы, ибо женскому полу возбраненъ входъ въ сіе мѣсто подвига отшельническаго.

„Трогательно было и освященіе сей новой Геѳсиманіи. Оно совершалось въ день преподобнаго Харитона, перваго отшельника Палестинскаго, и на память блаженныхъ родителей преподобнаго Сергія, Кирилла и Маріи. Для сего освященія собрано было все древнее изъ священной Лавры, дабы благословеніе Сергіево, Никоново и Діонисіево видимо перешло на новое ихъ селеніе въ вещахъ, непосредственно къ нимъ близкихъ, чрезъ самую утварь, которую освятили они своимъ употребленіемъ. Опять явились въ священнодѣйствіи обрадованнымъ взорамъ, убогая риза Сергіева, въ которой нерѣдко иной знаменитый святитель, митрополитъ Платонъ, встрѣчалъ державныхъ посѣтителей Лавры, будучи облеченъ посреди великолѣпія своего клира во всеубожество Сергіево! И тотъ убогій посохъ, которымъ чудодѣйственно упасъ онъ всю землю Русскую послѣ блаженной своей кончины, отказавшись при жизни отъ пастырскаго жезла митрополита Алексія, былъ опять въ рукахъ преемника обоихъ; древнѣйшій крестъ и древнѣйшая панагія изъ складныхъ мѣдныхъ иконъ, осѣняли грудь его, а главу—скромная митра перваго архимандрита Лавры Елевѳерія, которую послалъ и преподобный Діонисій, когда молился о спасеніи своей

родины, и самъ защищалъ ее словомъ и дѣломъ. Воздвизательный крестъ съ частію чудотворнаго жезла Моисеева, Евангеліе преподобнаго Никона и убогіе древніе сосуды, въ коихъ совершалъ онъ Божественную службу, освятили собою новый престолъ древней церкви Діонисіевой. До такой степени сблизились между собою былое съ настоящимъ, давно минувшее съ недавнимъ, что въ этомъ смѣшеніи разнообразныхъ воспоминаній отрадно забывалось сердце, и окрыленная ими душа свободно опускалась и подымалась внизъ и верхъ по дивной лѣствицѣ временъ и событій, какъ бы уже за предѣлами времени, подражая восходу и нисхожденію видѣнныхъ древле патріархомъ Іаковомъ въ Веѳили[1]). Самъ облаченный въ одежды Сергіевы, казалось, былъ проникнутъ духомъ его молитвы отъ прикосновенія ризъ его, и когда съ воздѣтыми къ небу руками предстоялъ страшному престолу Царя Христа въ часъ совершенія Его безкровной жертвы, онъ представлялся восхищеннымъ взорамъ какъ-бы одинъ изъ древнихъ, вставшій на молитву. И вотъ, по совершеніи Божественной службы, въ сладостной рѣчи и въ горькомъ потокѣ слезъ излилась сотрясенная чрезъ мѣру душа его, устами и очами пролагая путь избытку чувствъ своихъ, которыя съ тою-же силою откликнулись въ сердцахъ всѣхъ окружающихъ его каѳедру.

Слово на обновленіе древняго храма Успенія Пресвятыя Богородицы, въ Геѳсиманскомъ Скитѣ (28 сентября 1844 г.), произнесенное митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ.

Ты воскресъ ущедрити Сіона: яко время ущедрити его, яко пріиде время. Яко благоволиша раби Твои каменіе его, и персть его ущедрятъ. Пс. 101, 14. 15.

Что это за камни Сіона, о которыхъ благоволятъ рабы Господни? Что за персть, которая имъ любезна?— Это камни и персть разрушеннаго Іерусалима, и особенно

[1]) Быт. 35, 1.

разрушеннаго древняго святаго храма Іерусалимскаго. Пророкъ смотритъ на сіи развалины во времена плѣненія Вавилонскаго; смотритъ въ тоже время на душевныя расположенія народа Іудейскаго: и на семъ воззрѣніи основываетъ надежду новаго благоволенія Божія къ Іерусалиму и храму.

„*Ты воскресъ ущедриши Сіона.* То есть: Богъ умилосердится надъ Іерусалимомъ, и возстановитъ Свой храмъ.

„Пророкъ дерзаетъ даже опредѣлить, что сіе должно совершиться вскорѣ. *Яко время ущедрити его, яко пріиде время.*

„Но почему онъ знаетъ, что сіе будетъ, и должно быть вскорѣ? — *Яко благоволиша раби Твои каменіе его, и персть его ущедрятъ.* То есть: поелику Іудеи, своими душевными расположеніями, являютъ теперь себя достойными наименованія рабовъ Божіихъ; поелику они даже предъ развалинами храма Божія благоговѣютъ къ его древней святынѣ; съ любовію, съ умиленіемъ взираютъ на самые камни и персть, какъ на остатки святилища, въ которомъ обитала благодать Божія: то должно уповать, что Богъ вскорѣ умилосердится надъ Іерусалимомъ, возстановитъ храмъ свой, и вновь будетъ обитать въ немъ Своею благодатію.

„Надежда сія самымъ дѣломъ исполнилась при первосвященникѣ Іисусѣ и князѣ Зоровавелѣ.

„Но умѣстно ли говорю я о судьбѣ столь великаго храма, когда думаю о судьбѣ столь малаго храма, какъ сей, въ которомъ теперь мы находимся?—Думаю, что не совсѣмъ неумѣстно. Тотъ и другой суть храмы единаго истиннаго Бога: потому естественно предполагать нѣкое въ судьбѣ ихъ единство, хотя и при разности многихъ обстоятельствъ. Притомъ и малый храмъ христіанскихъ таинствъ и христіанской истины не слишкомъ малъ предъ великимъ храмомъ сѣней и гаданій.

„Двѣсти двадцать семь лѣтъ стоялъ сей древній храмъ, бывъ созданъ Лаврою преподобнаго отца нашего

Сергія, въ начальствованіе преподобнаго отца нашего Діонисія; и тогда еще представленъ въ покровительство Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, въ память славнаго Ея Успенія, дабы, по сей памяти, Она со благоволеніемъ призирала на него, какъ-бы на Свою Геѳсиманію. Время, съ своимъ закономъ истлѣнія, осторожно прикасалось къ тлѣнному веществу, на которомъ положено было благословеніе святыхъ. Но какъ человѣкъ иногда самъ не довольно бережетъ то, что бережетъ для него природа и Провидѣніе: то наконецъ храмъ сей обреченъ былъ опустѣнію, а въ слѣдъ за тѣмъ и конечному разрушенію огнемъ. Въ сіе время воспомянули мы древнихъ почитателей древняго Іерусалимскаго храма: и какъ они *благоволиша каменіе его*, такъ и намъ самое древо сего нашего храма, и нѣкоторые въ немъ остатки древнихъ священныхъ изображеній, показались драгоцѣнными, достойными благоговѣйнаго сохраненія. Но какъ уже не можно было сохранить сей храмъ на прежнемъ его мѣстѣ: то здѣсь, древнее купно и новое мы *обрѣли мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю* (Пс. 131, 5).

„Боже отецъ нашихъ! *Ты воскресъ ущедриши Сіона.* Ты *воскресиши* во храмѣ семъ древнее благословеніе, и *ущедриши* его новою благодатію. Да будетъ, Господи!

„Но что далѣе будетъ съ симъ обновленнымъ храмомъ, и съ новыми окрестъ его смиренными жилищами? Ты вѣси, Господи! Будетъ то, чему повелитъ быть Твое вседѣтельное Слово, которое нарицаетъ не сущая, яко сущая, возсозидаетъ разрушенное, возставляетъ падшее, возвышаетъ смиренное, воскрешаетъ умершее, спасаетъ погибшее. Будетъ то, что испросятъ молитвы святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ Сергія, Никона, Михея, Іоасафа, Серапіона, Максима, Діонисія, и прочихъ сподвижниковъ ихъ и сообитателей въ земной, и въ небесныхъ обителяхъ. Будетъ то, чему не воспрепятствуютъ быть наши грѣхи, наши немощи, наше недостоинство.

„Нѣкто изъ отцевъ вопросилъ нѣкоего великаго изъ отцевъ: какое есть доброе дѣло, которое бы мнѣ сдѣлать, такъ чтобы оно было дѣломъ моей жизни? Авва отвѣтствовалъ: не всѣ дѣла равны для всякаго. Книги говорятъ, что Авраамъ былъ страннолюбивъ, и Богъ былъ съ нимъ. Илія любилъ безмолвіе, и Богъ былъ съ нимъ. Давидъ былъ смиренъ, и Богъ былъ съ нимъ. Итакъ въ чемъ душа видитъ для себя хотѣніе Божіе: то и дѣлай. Наипаче же храни сердце свое.

„Кто хочетъ подражать Авраамову страннолюбію, Давидову смиренію: тотъ, какъ самые сіи примѣры показываютъ, можетъ упражняться въ сихъ добродѣтеляхъ повсюду: на пути, въ домѣ, въ деревнѣ, въ городѣ, на престолѣ. Такъ ли легко найдетъ себѣ открытое и нестѣсненное поприще тотъ, кто изберетъ дѣломъ жизни своей Иліину любовь къ безмолвію? Гдѣ теперь Иліинъ Кармилъ, или Хоривъ? Гдѣ Іоаннова пустыня? Гдѣ дикія мѣста Палестинскія и Египетскія, которыя чуднымъ образомъ угождающая благодати природа сдѣлала неспособными для обыкновенныхъ селеній человѣческихъ, чтобы сберечь для жительства земныхъ Ангеловъ? Сонмы сихъ Ангеловъ переселились въ сродное небо; земныя жилища ихъ, едва не безъ остатка, пришли въ запустѣніе; и на поприщѣ духовнаго безмолвія вновь рыщетъ одинокій звѣрь, или скитается полудикій человѣкъ. Переселилась любовь къ безмолвію и въ наши страны, и избрала для себя пещеры, лѣса, мѣста, удаленныя не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ, чего близкій примѣръ имѣемъ въ преподобномъ Сергіи: но какъ, по непреложному слову Христову, *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѳ. 5, 14): то высоко возрасшая и созрѣвшая любовь къ безмолвію, обыкновенно не оставалась сокрытою; привлекала учениковъ, почитателей, посѣтителей; и отъ самаго множества любителей или почитателей безмолвія, кромѣ другихъ причинъ, почти по необходимости, стало тѣсно безмолвію.

Между тѣмъ и пустыни нашихъ странъ, по самой природѣ, менѣе южныхъ удобныя для безустройственнаго пустынножительства, съ теченіемъ времени сдѣлались для него менѣе прежняго пространными и свободными, по дѣйствію распространившагося народонаселенія.

„Чего же по сему ожидать? Путь Иліи, путь Іоанна Крестителя, путь Антонія Великаго, долженъ ли увидѣть себя оставленнымъ, и возрыдать, подобно какъ нѣкогда, по сказанію Іереміи, *путіе Сіони рыдали, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ* (Плач. Іер. 1, 4)? Міръ, вѣроятно, не почелъ бы сей потери тяжкою: но не такъ думать поучастъ опытъ вѣковъ. Никто въ городахъ и селеніяхъ Израилевыхъ не нашелъ столько силы,—одинъ Илія въ пустынѣ нашелъ столько силы,—чтобы одному, одною силою духа, побѣдоносно сражаться съ господствовавшимъ въ его время идолопоклонствомъ. Пустыня, а не вселенная, должна была уготовать Іоанна, чтобы онъ сдѣлался способнымъ уготовать путь Господень для спасенія вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвіе воспитали Антонія, до возраста великаго, чтобы онъ могъ потомъ духовно родить, такъ сказать, племя и поколѣніе земныхъ Ангеловъ, пустынножительствовавшихъ, общежительствовавшихъ, священноначальствовавшихъ въ Церкви. Сказанное теперь о святомъ Антоніи можемъ сказать въ другой разъ, если на мѣсто его имени поставимъ имя святаго Сергія.

„Итакъ, если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не совсѣмъ свободно, а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде: то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семъ вѣкѣ молвы многія? Не будетъ-ли, можетъ быть, не пріятно поселиться въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой, подобно какъ нѣкогда безмолвствующій Варсанофій

Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи, подъ тѣнью обители аввы Серида?

„Пріиди благословенная любовь къ безмолвію Пліина, Іоаннова, Антоніева, Сергіева! Скрывайся отъ молвы: но не скрывайся отъ ищущихъ путей твоихъ, и слѣдовъ твоихъ,— твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ. Являйся иногда и не ищущимъ, способнымъ принять тебя. Ты устраняешь человѣка отъ видѣнія другихъ, и тѣмъ удобнѣе даешь ему увидѣть самаго себя; а „сподобившійся увидѣти себе“, по слову одного изъ твоихъ таинниковъ, „лучшій есть сподобльшагося увидѣти Ангеловъ“ (Исаака Сир. сл. 41). Ты пресѣкаешь бесѣды съ человѣками, и тѣмъ искреннѣе вводишь въ бесѣду со Христомъ. Ты затворяешь дверь внѣшнія храмины, и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь, и научаешь употреблять оружіе противъ страстей. Ты собираешь разсѣянные помыслы. Ты погружаешь умъ во глубину Писанія, и почерпаешь свѣтъ. Ты совершенствуешь покаяніе. Ты обрѣтаешь источникъ слезъ. Ты возводишь къ чистой молитвѣ. Ты учишь „молчанію“, которое есть таинство будущаго вѣка“ (Исаака Сир. сл. 42).

„Не для всѣхъ равно призываю любовь къ безмолвію: жизнь безмолвія не для многихъ. Но посѣщеніе безмолвія для всякаго должно быть вожделѣнно. Кто не упраздняетъ себя, хотя однажды въ день, хотя на непродолжительное время, отъ всякаго внѣшняго земнаго занятія, попеченія, пристрастія, и не вводитъ своей души въ благоговѣйное безмолвіе предъ Богомъ: тотъ еще не позналъ пути мира для души своей. Ибо тако глаголетъ Господь: *упраздните́ся, и разумѣ́йте, яко Азъ есмь Богъ* (Пс. 45, 11). Аминь“.

V.

Особенныя достопримѣчательности и святыни Успенскаго скитскаго храма. „Подцерковная храмина“. Мѣсто посмертнаго покоя митрополита Филарета.

Въ Успенскомъ храмѣ имѣется не мало достопримѣчательныхъ иконъ и другихъ святынь. Такъ: 1. Въ притворѣ старинныя иконы во весь ростъ святителей,

почивающихъ въ Троицкой лаврѣ: Іоасафа, Серапіона и архимандрита Діонисія, тѣ самыя, которыя прежде стояли въ лаврѣ надъ ихъ гробницами. 2. Въ церкви на лѣвой стѣнѣ — икона Божіей Матери, именуемая Іорданскою, которая по преданію принадлежала святому Іоанну Дамаскину и привезена со св. горы Аѳонской А. Н. Муравьевымъ. 3. Здѣсь же подлинное, писанное на полотнѣ изображеніе первоначальнаго создателя сего храма, преподобнаго Діонисія. 4. На правой сторонѣ образъ распятія Спасителя, принадлежавшій, какъ говоритъ преданіе, святому Ѳеодору Студиту. Онъ также привезенъ А. Н. Муравьевымъ съ Аѳонской горы, гдѣ стоялъ въ келліи патріарха Іерусалимскаго Іереміи, жившаго тамъ на покоѣ въ половинѣ XVI вѣка. 5. Близъ южныхъ дверей, въ иконѣ преподобнаго Сергія съ учениками вложенъ деревянный крестъ съ частицами св. мощей многихъ угодниковъ Божіихъ и золотымъ сосудцемъ съ каплей крови Господней; на нижней части креста надпись: „1844 года, октября 25 дня, устроенъ крестъ сей, со вложеніемъ св. мощей, изъ доски, бывшей на святомъ престолѣ 227 лѣтъ въ храмѣ Успенія Богоматери въ селѣ Подсосеньѣ, построенномъ въ 1616 году преподобнымъ Діонисіемъ, архимандритомъ лавры“. Лики святыхъ, которыхъ честныя мощи въ крестѣ обрѣтаются, изображены на особой иконѣ, сдѣланной изъ крыши съ раки преподобнаго Сергія и помѣщенной на южной стѣнѣ у иконостаса Успенскаго храма. 6. На аналогіи въ ковчегѣ—часть древа животворящаго креста Господня, крестъ съ мощами, устроенный изъ доски престола древняго Подсосенскаго храма. 7. Также на аналогіи древняя икона Успенія Божіей Матери греческаго письма съ приложеніемъ печати намѣстника Іерусалимскаго патріарха и надписью на греческомъ языкѣ, изъ которой видно: „Сія икона изъ древней церкви Геѳсиманской, что въ Іерусалимѣ, посвящается въ новоустроенный скитъ Геѳсиманскій близъ

Свято-Троицкія Сергіевы лавры, вблизи Москвы, 1850 года 8 января. Митрополитъ Петръ Мелетій и намѣстникъ Іерусалимскій". 8. За правымъ клиросомъ находится: а) Камень отъ гроба Пресвятыя Богородицы изъ Геѳсиманскоѣ пещеры въ Палестинѣ, съ четверокопечнымъ крестомъ и греческою надписью: „изъ древней Геѳсиманіи въ 1850 году доставленъ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ". Камень вставленъ въ кипарисную раму, на коей надпись: „камень взятый изъ Палестинской Геѳсиманіи на благословеніе въ сѣверную новую Геѳсиманію". б) Корень масличнаго древа съ мѣста, гдѣ молился въ послѣдній вечеръ *съ воплемъ крѣпкимъ,* съ кровавымъ потомъ *и со слезами* Господь нашъ Іисусъ Христосъ; доставленъ монахомъ Щербаковымъ въ 1852 г., в) Крестъ четвероконечный, небольшой, взятый изъ катакомбъ, что близъ Рима, гдѣ погребены христіанскіе мученики, на мраморномъ камнѣ, вдѣлашомъ въ кипарисную доску; на оборотной сторонѣ камня имѣется надпись: „Крестъ изъ земли, именуемой Пуццолапскою, взятый мною въ 1833 году изъ катакомбъ близъ Рима, гдѣ погребены 176 тысячь св. мучениковъ и гдѣ лежали нѣкоторое время тѣла св. апостоловъ Петра и Павла. Мраморъ сей отъ одной изъ 132 колоннъ базилики св. Павла, основанной первоначально Константиномъ Великимъ и разрушенной въ 1823 г. пожаромъ". Внизу подъ крестомъ имѣется о семъ латинская надпись. Доставленъ намѣстникомъ лавры архимандритомъ Антоніемъ отъ А. Н. Муравьева въ 1858 году. Подъ симъ крестомъ гробница съ частицами святыхъ мощей числомъ до 89-ти. 9. По обѣимъ стѣнамъ храма находятся икопы, вставленныя въ рамы съ переплетами, древней иконописи, большинство которыхъ греческаго письма, принесенныя изъ ризницы Московскаго Успенскаго собора. 10. На южной сторонѣ икона святаго Аѳанасія Лубенскаго съ частію мощей и слѣдующею надписью внизу: „Сей святитель бѣ патріархъ Константина града".

Въ алтарѣ сего храма находятся: 1. Запрестольный крестъ и образъ Божіей Матери древняго письма, взятые изъ Подсосенскаго храма; 2. на стѣнѣ за стекломъ висятъ холщевые антиминсы, взятые также изъ Подсосенской церкви; одинъ 1616, другой 1619 года. На первомъ антиминсѣ слѣдующая падпись: „Лѣта 7124 (1616) мѣсяца маія въ 12 день, на память иже во святыхъ отца нашего Епифанія, освятися алтарь Пречистыя Богородицы, честнаго Ея Успенія, при благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Русіи, при митрополитѣ Филаретѣ, при архимандритѣ Діонисіѣ и при священникѣ Ѳеодорѣ, освятися сей алтарь Пречистыя Богородицы, честнаго Ея Успенія.“ На другомъ: „Освятися алтарь во имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, во храмѣ Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, при благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Русіи и при Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ и всея Русіи, и при келарѣ Авраамѣ Палицынѣ, и при казначеѣ Іосифѣ Панинѣ, въ лѣто 7127 (1619), марта въ 21 день, на память св. мученика Іакова Исповѣдника индикта въ 1 день“.—3. На стѣнѣ близь жертвенника, въ кипарисовой рамѣ за стекломъ, виситъ еще антиминсъ греческой печати на шелковой матеріи, съ частію св. мощей и съ слѣдующею полууставною надписью: „Сей антиминсъ привезенъ въ 1850 году изъ Іерусалима, на коемъ была совершена божественная литургія на Іорданѣ“.

Внизу, подъ Успенскимъ храмомъ, съ самаго начала была устроена, по выраженію митрополита Филарета, „подцерковная храмина“, для неусыпаемаго чтенія въ ней псалтири, которое заведено въ скитѣ съ самаго открытія, его и впервые было начато самимъ преосвященнымъ владыкою (см. прилож. къ письму 443). Здѣсь же, въ этой подцерковной храминѣ, вскорѣ по освященіи Успенской церкви, по желанію митрополита Филарета, устроено

было мѣсто его смертнаго покоища, которое ранѣе того предполагалось имъ въ Виѳаніи. „Когда придетъ время землѣ отойти въ землю, писалъ по этому поводу владыка, добро было бы, если бы моя земля отъ грѣховъ тлѣющая, очистительными подвигами не уготовляемая къ лучшему, сошла въ землю, и осталась въ земномъ поклоненіи при ногахъ молящихся скитянъ. Но есть прекословящій сему помыслъ, можетъ быть, это и помыслъ невѣрія, но то вѣрно, что это помыслъ познанія моего недостоинства. Скитъ съ его деревянными храминами, будетъ ли упроченъ и долговѣченъ? Продолжится ли въ немъ молитва и безкровная жертва? Достойно моему недостойному праху лежать въ опустѣлой пустынѣ; но что другимъ усвояется по достоинству, того я желалъ бы ради милости моему недостоинству,—близости молитвы, близости безкровной жертвы. Святитель Платонъ почилъ въ Виѳаніи, и утвердилъ ее,—отъ меня скитъ можетъ ожидать только того, что себѣ ищетъ утвержденія отъ утвержденнаго крѣпльше. Кажется, я уже указывалъ вамъ на одно мѣсто въ Виѳаніи. Правда, что тогда еще не было въ мысляхъ скита. Въ ожиданіи, что Господь устроитъ, не худо приготовить въ скитѣ мѣсто, или мнѣ, или, можетъ быть, кому-нибудь, кто достойнѣе обрящется. Не на срединѣ зданія, а лучше къ правой сторонѣ, только не очень близко къ фундаменту стѣны, чтобы не повредить его. О церкви внизу думать не нужно, такъ какъ и едва ли было-бы удобно устроить; есть церковь вверху близко“ [1]).

Хотя и не предполагалось по началу устроивать внизу церкви, и владыка писалъ, что объ этомъ „думать не нужно“: однако самое указаніе имъ себѣ здѣсь мѣста посмертнаго покоя и высказанное при этомъ желаніе „близости безкровной жертвы“ къ сему мѣсту, служило сильнымъ побужденіемъ къ устройству здѣсь церкви. Это же найдено было и удобнымъ.

[1]) Письмо 463.

Впрочемъ Геѳсиманскому скиту не суждено было принять въ себя, для хранения, посмертныхъ остатковъ уважаемаго архипастыря, и тѣло его обрѣло себѣ покой не въ скитѣ, а въ самой лаврѣ преподобнаго Сергія. Совершилось это по убѣдительнымъ настояніямъ сердечнаго друга его, намѣстника лавры архимандрита Антонія. Незадолго предъ кончиною владыки, о. намѣстникъ, зная горячую любовь къ нему его паствы, и предвидя большое стеченіе къ его могилѣ многочисленныхъ его почитателей, между коими бо́льшую половину, какъ это всегда бываетъ, составляетъ женскій полъ, сталъ предлагать владыкѣ, что въ виду запрещенія входа въ скитъ женскому полу, погребеніе его тамъ сопряжено съ большими затрудненіями и съ молвою для скита, и потому просилъ его согласія на погребеніе его, по смерти, въ лаврѣ. Владыка, соглашаясь съ доводами о. намѣстника, поручилъ ему изложить свои сужденія о семъ на бумагѣ. По этому о. намѣстникъ представилъ докладъ владыкѣ (отъ 24 іюня 1867 г.), въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

„Въ скитѣ Геѳсиманіи быть положену по смерти тѣлу вашему есть слѣдующее препятствіе: сами вы разсудили для монашескаго уединенія сдѣлать скитъ невходнымъ женскому полу, за исключеніемъ одного только дня въ году—17 августа. Когда же Богу угодно будетъ призвать душу вашу въ вѣчный покой, то трудно и даже жестоко будетъ отказать цѣлой половинѣ людей, то есть, женскому полу, приносить о васъ молитву надъ гробницею вашею, а допустить сіе значило бы разрушить уединенность и безмолвіе скита, чего боголюбивая душа ваша не пожелаетъ ни здѣсь, ни въ вѣчности.

„Большая часть настоятелей обители преподобнаго Сергія, покоящемъ тѣлу своему избирали его обитель, и желали быть положенными въ землѣ, освященной подвигами и молитвами его.

„Однажды старцу лавры Варлааму предъ смертію явился преподобный Никонъ, и сказалъ, что служащему обители надо быть въ ней и положену по смерти, дабы въ общее воскресеніе явиться въ сонмѣ подвижниковъ обители [1]).

„Какъ настоятелю лавры преподобнаго Сергія благословите въ покоище тѣла вашего устроить часовню на южной сторонѣ Сошественской церкви, подобно какъ устроена часовня для гробницы преподобнаго Максима Грека“....

На этомъ докладѣ владыка написалъ такую резолюцію: „1867. Октября 5. Да сохранится безмолвіе Геѳсиманскаго скита, и да не будетъ отъ меня причины къ нарушенію онаго. Преподобный отецъ нашъ Сергій да призритъ милостивно, и да благословитъ мой послѣдній покой въ обители его, подъ кровомъ молитвъ его и другихъ по немъ здѣсь богоугодно подвизавшихся. Прошу о семъ и завѣщаю сіе“.

Тотчасъ же было приступлено къ сооруженію часовни на южной сторонѣ Сошественской церкви, и едва только она была окончена кирпичною кладкой, какъ и послѣдовала (19 ноября 1867 г.) кончина святителя. Тѣло его, привезенное въ лавру, было положено въ этой часовнѣ, гдѣ тогда еще не убраны были лѣса. На слѣдующее лѣто часовня освящена въ церковь во имя праведнаго Филарета Милостиваго (празднуемаго 1 декабря).

Возратимся, однако, къ Геѳсиманскому скиту.

VI.

Церковь въ память Геѳсиманскаго моленія Господа нашего Іисуса Христа. Слово на ея освященіе.

Церковь внизу подъ Успенскимъ храмомъ была устроена вскорѣ послѣ освященія верхней церкви, въ 1845 году, и освящена въ память Геѳсиманскаго моленія

[1]) См. „Монастырскія письма“, письмо 3.

Спасителя въ ночь спасительныхъ Его страданій, и богослуженіе всей страстной седмицы почитается храмовымъ ея празднествомъ.

Иконостасъ въ семъ храмѣ сдѣланъ изъ дуба, съ рѣзьбою изъ чернаго дерева. Царскія врата имѣютъ видъ креста, а иконы представляютъ изображенія страданій Спасителя. Въ правомъ столбикѣ у царскихъ вратъ врѣзанъ камень отъ того мѣста, гдѣ молился Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ саду Геѳсиманскомъ предъ страданіями Своими. На аналогіи икона святаго Іоанна Предтечи, съ частію мощей его. И въ семъ храмѣ, какъ и въ верхнемъ, вездѣ простота, чуждая блеска и украшенія. Паникадила, выносные подсвѣчники, блюда и прочія принадлежности, также всѣ деревянныя. Освященіе сей церкви совершено было митрополитомъ Филаретомъ 8 іюля 1845 г., при чемъ владыка, въ словѣ своемъ по освященіи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Созидающіе храмы во славу Господа нашего Іисуса Христа, для ихъ наименованія и торжественнаго въ нихъ воспоминанія, обыкновенно избираютъ славныя и радостныя событія Его земной жизни.

„Но не должно быть ни для кого страннымъ и то, что храмъ, нынѣ освященный, посвящается благоговѣйному воспоминанію Геѳсиманскаго моленія Іисуса Христа, принесеннаго со скорбію и тугою, и съ подвигомъ, простертымъ до кроваваго пота. Ибо какъ радостныя и торжественныя событія земной жизни Спасителя нашего имѣютъ дѣйствительное отношеніе къ нашему спасенію, такъ равно и скорбныя и страдательныя, сопряженныя съ состояніемъ совершеннаго истощанія или уничиженія, которое Онъ благоволилъ на Себя принять. Благопотребно и совершенно необходимо для нашего спасенія со Апостоломъ мудрствовать о Христѣ Іисусѣ, что Онъ, *во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филип. 2, 6.): ибо безъ естества Божественнаго и

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

силы Творческой, какимъ образомъ могло бы совершиться спасеніе человѣчества, грѣхомъ погибшаго, низверженнаго ниже ничтожества? Но также благопотребно и совершенно необходимо мудрствовать о единомъ и томъ же Христѣ Іисусѣ, что онъ *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (ст. 7. 8.): ибо какимъ образомъ низверженное, немощное и недостойное человѣчество возникло бы и достигло къ общенію съ Божественною и спасающею силою, если бы Сынъ Божій не низшелъ въ глубину нашей немощи и недостоинства Своимъ воплощеніемъ, не очистилъ нашей смертной заразы грѣха, не загладилъ нашей смертной виновности, Своимъ неистлѣннымъ страданіемъ въ соестественномъ намъ, но безгрѣшномъ тѣлѣ, и Своею смертію и воскресеніемъ не отверзъ намъ заключенныхъ вратъ благодати и жизни Божественной? Апостолъ, поставляя цѣлію стремленія для себя, безъ всякаго сомнѣнія также и для насъ, *сущую отъ Бога правду вѣрѣ*, относитъ къ сему совершенству хрістіанскому два образа познанія Іисуса Христа,—одинъ болѣе торжественный: *еже разумѣти Его и силу воскресенія Его;* другой болѣе страдательный: *еже разумѣти сообщеніе страсти Его, сообразуяся смерти Его* (Филип. 3, 9. 10.). Сему послѣднему разумѣнію Іисуса Христа споспѣшествовать, да даруетъ благодать освященному нынѣ храму Онъ Самъ, благословляяй всяческая, Христосъ Богъ нашъ!

„Не можемъ обѣщать себѣ полнаго постиженія тайны Геѳсиманскаго событія, которой неприкосновенность нашему испытанію Господь самъ ознаменовалъ тѣмъ, что изъ самыхъ Апостоловъ только не многихъ къ ней приближилъ, и только что приближилъ. Но поелику въ Геѳсиманіи, также какъ и на Голгоѳѣ, *Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. 2, 21.): то въ какія особенныя помышленія и расположенія долженъ вводить насъ образъ Геѳсиманскаго многострадальнаго моленія Іисусъ Христова?

„Во первыхъ, онъ даетъ руководительныя мысли о молитвѣ уединенной. Когда Господь глаголетъ ученикамъ Своимъ: *яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, иже на небесѣхъ: идѣже бо еста два, или трiе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. 18, 19. 20.): тогда Онъ показуетъ потребность и пользу молитвы общественной, въ которой соединеніе многихъ подкрѣпляетъ каждаго. Но когда Онъ Самъ, среди Своего великаго служенія спасенію человѣческому, прерывая Свою проповѣдь и свои чудодѣйствія, *бѣ отходя въ пустыню и моляся* (Лук. 5, 16.); и когда, наконецъ, приближаясь къ предѣлу Своего земнаго поприща, дабы принести Богу Отцу молитву, сколь важную и таинственную по предмету, столь же трудную по обстоятельствамъ, удалился сперва съ тремя избранными учениками отъ собора прочихъ, а потомъ и отъ трехъ избранныхъ, въ совершенное уединеніе, рекши: *сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо:* тогда показалъ намъ потребность и важность молитвы уединенной, во всевозможномъ отлученіи отъ всего сотвореннаго, погружающимъ душу въ единое присутствіе Божіе.

„Братія! съ надеждою да входимъ въ молитву общественную; поелику она благословлена словомъ обѣтованія Христова; съ любовію да входимъ въ уединенную молитву; поелику она освящена примѣромъ Христовымъ.

„Во вторыхъ, Геѳсиманское моленіе Христово должно вводить насъ въ умилительныя помышленія о глубоко смиренномъ образѣ моленія Христова. *Поклонь колѣна, молящеся* (Лук. 22, 41). *Паде на лицѣ Своемъ моляся* (Матѳ. 26, 39). *Паде на земли, и молящеся* (Марк. 14, 35). Когда подумаешь, что это Единородный Сынъ Божій, отъ вѣчности со Отцемъ и Святымъ Духомъ царствующій на пренебесномъ престолѣ, и теперь сего престола не оставившій,—что Онъ, облекшись въ нашу нищету, немощь, низость, повергается въ молитвѣ на землю, чтобы молитвою исходатайствовать намъ спасеніе,

а смиреніемъ обличить, загладить и уврачевать нашу гордость: тогда пораженная мысль ищетъ, есть ли въ мірѣ довольно униженное мѣсто или положеніе, въ которое бы человѣкъ могъ себя уничижительно повергнуть, дабы ему не слишкомъ стыдно было предъ симъ Божественнымъ уничиженіемъ.

„При такомъ размышленіи, какъ должны быть для насъ легки и сладостны наши молитвенныя колѣнопреклоненія и земнопоклоненія, которыя такъ тяжкими кажутся иногда для нашей немощи, и, можетъ быть, для нашей лѣности!

„Въ третьихъ, Геѳсиманія, исполненная духомъ моленія Христова, орошенная кровавымъ потомъ Его Богочеловѣческаго молитвеннаго подвига въ навечеріе дня Его распятія, представляетъ благопріятнѣйшее и благонадежнѣйшее мысленное мѣсто молитвы, для сокрушеннаго грѣшника, для возмущаемаго скорбію, тугою, унынiемъ, страхомъ, для боримаго всякимъ искушеніемъ. Ибо тамъ сила всѣхъ возможныхъ искушеній побѣждена силою молитвы Христовой: и сія побѣдоносная сила не прешла, но пребываетъ и пребудетъ; потому что *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8). Отъ чего Онъ, вступая на Геѳсиманское поприще, *начатъ скорбѣти и тужити* (Матѳ. 26, 37), *ужасатися и тужити* (Марк. 14, 33)? Отъ предусмотрѣнія ли приближающихся оскорбленій и тѣлесныхъ страданій въ Іерусалимѣ и на Голгоѳѣ? Но Онъ самыя сіи оскорбленія и страданія, не въ воображеніи, а въ самомъ ихъ дѣйствіи, въ продолженіе многихъ часовъ сей же ночи и слѣдующаго дня, предъ синагогою и предъ Пилатомъ, въ Іерусалимѣ и на Голгоѳѣ, переносилъ, не изъявляя никакого страха, съ побѣдоносною твердостію, съ высокимъ спокойствіемъ, то съ величіемъ молчанія, то съ словомъ любви и молитвы о другихъ, а не скорби о Себѣ. И если въ одну новую таинственную минуту допустилъ услышаться воплю: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?* (Матѳ. 27, 46): то немедленно покрылъ оный торжественнымъ

гласомъ: *совершишася* (Іоан. 19, 30). Отъ чего же еще прежде видимыхъ страданій—скорбь, туга, ужасное прискорбіе души даже до смерти? Какую горечь, какую тягость заключала въ себѣ сія таинственная чаша, о которой Онъ молился, да мимоидетъ, являя тѣмъ истинное воспріятое человѣчество, не чуждое немощи, хотя чуждое грѣха, и которую въ тоже время принималъ по предвѣчной волѣ Отца Своего, глаголя: *не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. 26, 39)? Увы! это горечь нашихъ грѣховъ, это тягость нашей виновности предъ Богомъ, и заслуженныхъ нами казней, которыя всѣ принялъ на себя *Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29); и такимъ образомъ Онъ скорбѣлъ, тужилъ, ужасался, прискорбенъ былъ душею до смерти, не потому, чтобы истощалось Его терпѣніе, но потому, что Своими внутренними страданіями очищалъ Онъ наши внутреннія нечистоты, заглаждалъ нашу виновность, удовлетворялъ раздраженному на насъ правосудію Божію, и съ тѣмъ вмѣстѣ молился о нашемъ помилованіи, прощеніи и спасеніи,—и былъ услышанъ. Такъ изъясняетъ апостолъ Павелъ Геѳсиманское моленіе Іисуса Христа, когда пишетъ къ Евреямъ, что Онъ *во днѣхъ плоти Своея, моленія и молитвы къ могущему спасти Его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣйнства* (5, 7). Какъ услышанъ, когда не избавленъ отъ смерти крестныя? Услышанъ тѣмъ образомъ, что Ему предоставлено Своею крестною смертію и воскресеніемъ избавить насъ отъ владычества грѣха и смерти вѣчныя. И такъ, не правда ли, что въ Геѳсиманіи сила всѣхъ возможныхъ искушеній побѣждена молитвою Христовою?

„И потому, кто бы ты ни былъ немоществующій и бѣдствующій вмѣстѣ со мною братъ мой, если ты уязвляешься печалью грѣха; если стѣсняешься тугою души, не удобно возвышаемой вѣрою, не удобно разширяемой любовію, не благоподвижной на добродѣтель; если поражаешься страхомъ суда Божія; если искушаешься прискорбіемъ души,

простирающимся, по видимому, даже до смерти: не предавайся унынію безнадежному; не дай скорби, тугѣ и страху совсѣмъ одолѣть тебя; собери останки твоихъ изнемогающихъ силъ, бѣги мысленно на побѣдоносное Геѳсиманское поприще Іисусово, и тамъ, гдѣ Сынъ благоволенія и любви Отчей *паде на лицѣ своемъ моляся;* гдѣ потъ Его молитвеннаго труда, *яко капли крове* каплетъ на землю; гдѣ Ангелъ укрѣпляетъ Его въ превышающемъ силу человѣчества подвигѣ, а двенадесять легіоновъ другихъ Ангеловъ ожидаютъ повелѣнія для Него, и отъ Него; откуда діаволъ бѣжитъ, поражаемый многообразною Божественною силою послушанія Богу Отцу, человѣколюбія, смиренія, молитвы, самопожертвованія,—тамъ, недалеко отъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, повергнись съ твоими грѣхами, скорбію, тугою, страхомъ отъ разверстыхъ челюстей смерти и ада; и помяни, что горечь твоей чаши уже наибольшею частію испита въ великой чашѣ Христовыхъ страданій; что подъ бремя, на тебѣ тяготѣющее, уже подложилъ Свою облегчающую руку Геѳсиманскій Подвижникъ; что твой Спаситель, совершившій для тебя всецѣлое дѣло твоего спасенія, ожидаетъ отъ тебя только *сообщенія страстей Его*, какое возможно для твоей, хотя немощной, вѣры, любви и благодарности. Предайся же сему благодатному общенію и не переставай предаваться всѣмъ сердцемъ. Если хотя съ малою вѣрою, упованіемъ и любовію къ сему приступишь: отъ самаго сего упражненія получишь приращеніе вѣры, упованія и любви, а съ ними и побѣду надъ искушеніями; потому что *вѣра есть побѣда, побѣждающая міръ* (1 Іоан. 5, 4); потому что *упованіе не посрамляетъ* (Рим. 5, 5); потому что *ни высота*, по видимому, для насъ недоступная, *ни глубина*, по видимому, насъ поглощающася, *ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ* (Рим. 8, 39).

„Благодарнымъ ко Христу Господу сердцемъ да памятуемъ, братія, что *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ*

бысть за беззаконія наша, что наказаніе мира Нашего на немъ было (Иса. 53, 5). И посему да блюдемся всемѣрно, чтобы не нарушать нашего въ Немъ мира, и не наносить Ему новыхъ язвъ, дѣлами, уязвляющими нашу совѣсть, но внимательнымъ храненіемъ заповѣдей и вѣрностію къ благодати, да утверждаемъ себя въ мирѣ и общеніи со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ! Аминь".

VII.

Постепенное развитіе и утвержденіе скита. Трапезная церковь; достопримѣчательныя въ ней святыни. Патріаршія грамоты. Ризница. Кладбищенская церковь. Колокольня.

Сначала, когда возникала мысль о перенесеніи на Корбуху Подсосенской церкви, владыка спрашивалъ: „не найдутся ли человѣка два-три безмолвствовать при ней?„ За тѣмъ, по его-же словамъ, „въ скиту предположено было имѣть 15 человѣкъ"; столько было приготовлено поначалу и келлій тамъ. „Когда потомъ сдѣлалось 30, продолжаетъ владыка, я не возражалъ. Когда теперь вы сказываете, что уже болѣе 40: то мнѣ представляется вопросъ: не много ли это, не только въ отношеніи къ помѣщенію, но и въ отношеніи къ тихому устроенію скитскому". Такъ разсуждалъ владыка Филаретъ въ 1847 году[1]). Спустя много лѣтъ, когда возникли въ скитѣ новый корпусъ и новыя церкви, владыка, вспоминая объ этомъ въ бесѣдѣ по освященіи нижняго храма трапезной церкви, между прочимъ, сказалъ: „Наши желанія и надежды ограничивались малыми жилищами, не многими братіями; но видно, *рече Господь: разшири мѣсто кущи твоея, и покрововъ твоихъ* (Иса. 54, 2). Сверхъ ожиданія, братство возросло; жилища разширились; даже храмы умножились, не потому, чтобы

[1]) Письмо 573.

мы сего домогались, но потому, что Богъ посылалъ боголюбивыхъ, которые, увидѣвъ подвизающихся въ молитвѣ, желали созданіемъ храма споспѣшествовать молитвѣ ихъ, и себя сдѣлать причастниками плодовъ молитвы ихъ. И вотъ въ теченіи шестнадцати лѣтъ бытія сей обители, уже девятый таинственный престолъ Царю Христу нынѣ мы здѣсь посвятили!

Такимъ образомъ исполнились пророческія, можно сказать, слова владыки, сказанныя имъ при освященіи первоначальнаго храма, окрестъ котораго создался скитъ. „Что будетъ далѣе съ симъ обновленнымъ храмомъ, восклицалъ вдохновенный проповѣдникъ, и съ новыми окрестъ его смиренными жилищами? Будетъ то, чему повелитъ быть Твое вседѣтельное Слово, которое нарицаетъ не сущая, яко сущая... будетъ то, что испросятъ молитвы преподобныхъ отецъ нашихъ Сергія, Никона, Діонисія... чему не воспрепятствуютъ быть наши грѣхи, наши немощи, наше недостоинство.“ И стало то, что предвѣщалъ сему мѣсту владыка, когда въ томъ же вдохновенномъ словѣ взывалъ: „Пріиди благословенная любовь къ безмолвію Иліина, Іоаннова, Антоніева, Сергіева!“ Поселись въ этой „малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой.... Скрывайся отъ молвы, но не скрывайся отъ ищущихъ путей твоихъ и слѣдовъ твоихъ—твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ!“ И пришла эта любовь къ уединенію, заселила все мѣсто, и стало ей тѣсно. *И рече Господь* начальствующему мѣстомъ симъ: *разшири мѣсто кущи твоея, и покрововъ твоихъ.*

Въ 1851 году послѣдовало упроченіе существованія скита, дотолѣ еще не имѣвшаго какъ бы законнаго, оффиціальнаго права на это существованіе. Произошло это по случаю ходатайства объ укрѣпленіи за скитомъ участка земли съ строеніями въ Москвѣ, у Сухаревской башни, жертвованнаго почетнымъ гражданиномъ

Симеономъ Логгиновичемъ Лепешкинымъ (сконч. 10 августа 1855 г.) отъ имени супруги его Анны Васильевны. Въ донесеніи своемъ Св. Синоду при этомъ митрополитъ Филаретъ отъ 15 апрѣля означеннаго 1851 года писалъ: „О Геѳсиманскомъ скитѣ долгомъ поставляю представить слѣдующія свѣдѣнія: не въ дальнемъ разстояніи отъ лавры, въ селѣ Подсосеньѣ, была деревянная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная преподобнымъ Діонисіемъ, архимандритомъ лавры, въ лаврѣ почивающимъ, и освященная въ 1616 году, что доказывается сохранившимся съ того времени антиминсомъ. По построеніи, вмѣсто оной, каменной церкви, священникъ и церковный староста Подсосенскіе просили разрѣшенія распилить зданіе деревянной церкви на дрова для отопленія каменной, и для обжиганія кирпича. Зная древность и примѣчательную архитектуру деревянной церкви, и руководствуясь Высочайшею волею о сохраненіи древнихъ памятниковъ, я нашелъ себя обязаннымъ сохранить сей памятникъ; но сего нельзя было достигнуть чрезъ Подсосенскихъ прихожанъ, которые руководствовались и принуждены были руководствоваться только хозяйственными разсчетами. Надлежало при томъ охранить обреченное ими на погибель зданіе отъ ихъ небрежности и отъ нечаянности. Ища для сего средства, обратилъ я вниманіе на принадлежащее лаврѣ урочище, гдѣ былъ прежде садъ съ загороднымъ домомъ, обратившійся съ теченіемъ времени въ рощу, мѣсто достопамятное потому, что оно бывало посѣщаемо Императрицами Елисаветою Петровною и Екатериною Второю. Съ достоинствомъ и уединеннымъ положеніемъ сего мѣста сообразнымъ представилось перенести сюда древній храмъ, съ предположеніемъ поселить при немъ небольшое число желающихъ изъ братіи лавры, для болѣе уединенной жизни, и, между прочимъ, учредить здѣсь неусыпаемое чтеніе псалтири, съ молитвами о упокоеніи душъ усопшихъ благочестивѣйшихъ

государей, братіи лавры и благотворителей. Въ замѣнъ ожидаемыхъ изъ матеріала деревянной церкви дровъ внесена въ сохранную казну сумма, съ которой проценты должны поступать въ Подсосенскую церковь на ея отопленіе, а деревянная церковь поспѣшно перенесена на упомянутое урочище, получила дополненіе внутренняго устройства въ простотѣ, безъ употребленія драгоцѣнныхъ металловъ, и освящена подъ прежнимъ наименованіемъ въ 1844 году, съ вышеозначеннымъ назначеніемъ. Число желающихъ жить при сей церкви, въ образѣ скита, сперва малое, съ теченіемъ времени возрастало. Соотвѣтственно сему построено и потребное число келлій и ограда. Здѣшнему братству даны общежительныя правила. Богослуженіе сообразено съ образцами болѣе древними; введено болѣе столповое пѣніе, чтенія изъ святыхъ отецъ на утрени, вечернее правило съ поклонами и неусыпающее чтеніе псалтири. Братія довольствуется всѣмъ потребнымъ отъ обители; поручныхъ денегъ не получаютъ; вино и пиво въ сей обители не употребляются; въ одеждѣ наблюдается простота; женскій полъ въ ограду ея не допускается, кромѣ одного дня храмоваго праздника, для слушанія богослуженія. Кромѣ богослуженія, братія занимаются рукодѣліями и трудами на общую и взаимную пользу. Хлѣбъ, пища, одежда, обувь, содержаніе въ чистотѣ и отопленіе зданій, садоводство и разведеніе овощей, производятся, большею частію, руками братіи, что́ также служитъ къ устраненію мірскихъ людей. Не смотря на такое непривлекательное положеніе, братство сей обители, числящееся въ штатѣ Сергіевой лавры, донынѣ возросло до 24 монашествующихъ и 21 послушника, кромѣ немалаго числа живущихъ на испытаніи съ письменными видами, не получившихъ рѣшительнаго опредѣленія въ послушники. По храму Успенія Божіей Матери обитель сія прозвалась Геѳсиманскимъ скитомъ. Въ 1849 году она удостоена была

посѣщенія государей великихъ князей Константина Николаевича и Николая Николаевича. Въ 1850 г. блаженнѣйшій патріархъ Іерусалимскій Кириллъ, препровождая въ благословеніе сей обители часть мощей св. великомученика Пантелеимона, въ грамотѣ своей наименовалъ оную новою Геѳсиманіею. Если Богу угодно будетъ благословить сію отрасль лавры, въ продолженіи времени, какъ въ началѣ, то оная можетъ споспѣшествовать основательному образованію въ монашеской жизни съ большимъ удобствомъ, нежели иныя обители, по своему положенію не такъ устраненныя отъ соприкосновенія съ міромъ“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ 23 апрѣля тогоже года владыка писалъ оберъ-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову: „При увѣренности моей въ готовности вашего сіятельства споспѣшествовать общеполезному, когда оно несомнительно, позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на поступившее отъ меня представленіе Святѣйшему Сѵноду относительно Геѳсиманскаго скита. Вамъ извѣстно, что такъ прозвано общежительное отдѣленіе Троицкой Сергіевой лавры, устроившееся на особомъ уединенномъ урочищѣ. Вы изволили видѣть сіе мѣсто, напомните себѣ его исторію, прочитавъ прилагаемый при семъ списокъ вышеупомянутаго донесенія Святѣйшему Сѵноду. Не знаю, сподобитъ ли насъ Богъ милосердія Своего впредь, но до сихъ поръ нельзя не признать, что Онъ милосердо призрѣлъ на мѣсто, о которомъ говорю. Не смотря на строгія правила, люди охотно туда идутъ, и подчиняются правиламъ. Не смотря на краткое время своего существованія, скитъ имѣетъ людей, взирающихъ на него благимъ окомъ, и при томъ людей благочестивыхъ. По временамъ съ именемъ и безъ имени посылающихъ, получаю я свѣчи, ладанъ, и другое, для препровожденія

[1]) *Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Моск. Филарета*, т. дополнит. стран. 309—311. Спб. 1887.

въ скитъ, чтобы тамъ поминались. Если милость Божія продлится, скитъ не безполезенъ будетъ для монашескаго образованія. И потому небезполезно, думаю, обратить вниманіе на то, чтобы упрочилось его существованіе.

„Не думаю просить, чтобы онъ сдѣлался отдѣльнымъ монастыремъ. Хорошо ему оставаться, какъ есть, отдѣленіемъ лавры. Надобно только, чтобы будущіе настоятели лавры имѣли побужденіе и удобство поддерживать его въ его характерѣ, и чтобы онъ не былъ такъ легко разрушенъ, какъ легко устроенъ. Для сего нужно, чтобы онъ имѣлъ нѣкоторые способы содержанія, собственно ему принадлежащіе, чтобы лавра не захотѣла закрыть скитъ, жалѣя издержекъ на него, и чтобы не могла завладѣть принадлежащимъ собственно ему, хотя и подъ ея управленіемъ.

„Случай къ такому устроенію отчасти представился. Почетный гражданинъ Семенъ Логгиновичъ Лепешкинъ, отъ имени своей супруги, предложилъ скиту землю съ строеніями, ограничивая свое предложеніе условіемъ, чтобы земля упрочена была именно скиту на его общежительное содержаніе, и предоставляя себѣ сдѣлать о своей собственности иное распоряженіе, еслибы предложенное условіе почему-либо не было принято.

„Вотъ дѣло, которому прошу отъ вашего сіятельства благосклоннаго вниманія и споспѣшествовательнаго предстательства предъ Высочайшимъ престоломъ Его Императорскаго Величества“ [1]).

30-го мая того же 1851 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ укрѣпленіи за скитомъ жертвованной земли, и тѣмъ самымъ утверждено оффиціальное существованіе самаго скита. Это радостное событіе митрополитъ ознаменовалъ новою бесѣдою, произнесенною въ Геѳсиманскомъ скитѣ 17 августа 1852 года, въ которой предметъ для проповѣди взятъ изъ словъ самой

[1]) Тамъ же, стран. 312. 313.

Трапезная церковь въ Гевсиманскомъ скиту съ восточной стороны.

Къ стр. 53.

Богоматери, явившейся апостоламъ послѣ своего успенія: *радуйтеся, яко съ вами есмь во вся дни* [1]).

По мѣрѣ умноженія братіи, требовалось для нихъ и помѣщеніе. Поэтому еще въ пятидесятыхъ годахъ, вдоль западной стороны скита, нѣсколько лѣвѣе отъ святыхъ воротъ, былъ выстроенъ большой каменный двухъ—этажный корпусъ, съ пространною церковію посрединѣ. Церковь эта двухъ—ярусная, съ особыми престолами вверху и внизу и съ большимъ пролетомъ посрединѣ, почему служба, гдѣ бы она ни совершалась, вверху или внизу, одинаково слышна въ обоихъ ярусахъ. Въ верхнемъ ярусѣ престолъ во имя преподобныхъ отецъ Сергія и Никона, Радонежскихъ чудотворцевъ; освященъ митрополитомъ Филаретомъ 27-го сентября 1853 года; въ нижнемъ—во имя праведнаго Филарета Милостиваго, освященъ тѣмъ же владыкой 27-го сентября 1860 года. Здѣсь внизу съ западной стороны храма, братская трапеза, отъ чего вся церковь извѣстна подъ названіемъ „Трапезной“. Столы въ трапезѣ установлены въ видѣ креста. Устроена эта церковь на пожертвованную Московскимъ купечествомъ сумму, въ количествѣ 50,000 руб. серебромъ. Придѣлъ внизу сего храма устроенъ впослѣдствіи по желанію того же купечества, тщаніемъ купца Владиміра Андреевича Сапелкина, обратившагося въ православіе изъ раскола, и принявшаго въ Гевсиманскомъ скитѣ таинство муропомазанія [2]). На устройство сего придѣла Сапелкинымъ было собрано девятнадцать тысячь рублей серебромъ. А какъ для придѣла сего должна была отойти къ церкви часть трапезы: то къ западной сторонѣ храма было пристроено новое двухъ—этажное зданіе, въ которомъ внизу была помѣщена трапеза, а вверху надъ ней устроена ризница;

---

[1]) *Слова и рѣчи митр. Филарета*, т. V, стран. 163 и далѣе. Москва. 1885.

[2]) Письмо 1138.

прежнее же помѣщеніе ризницы вошло въ составъ верхней церкви, для удобнѣйшаго помѣщенія братіи, которой въ это время было уже полтораста человѣкъ [1]).

Въ трапезной церкви иконостасъ вверху изъ орѣховаго дерева, а внизу—изъ королевскаго. Замѣчательные священные предметы сего храма слѣдующіе: 1) Ковчегъ съ частицей ризы Господней и съ мощами святыхъ. 2) Схима, въ которой былъ погребенъ преподобный Сергій. 3) Схима, бывшая 16 лѣтъ на мощахъ святителя Митрофана Воронежскаго. 4) Схима патріарха Никона. 5) Писанное на полотнѣ изображеніе Воскресенія Христова, присланное въ даръ скиту въ 1854 году Государыней Цесаревной (впослѣдствіи Императрицею) Маріею Александровною. 6) На правомъ аналогіи икона разныхъ святыхъ, въ коей устроенъ крестъ съ сребропозлащеннымъ рукоятіемъ: въ крестѣ находятся: часть древа животворящаго Креста Господня, на древѣ литое изъ золота изображеніе распятія Спасителя, вокругъ оправа тоже изъ золота, а по бокамъ сребропозлащеннаго футляра рѣзная надпись о томъ, какимъ образомъ часть древа Креста Господня досталась Грузинскимъ царямъ, и отъ нихъ перешла въ домъ князей Цицiановыхъ, приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Вскорѣ послѣ обрѣтенія Креста Господня, Константинъ Великій послалъ часть онаго въ даръ Грузинскому царю Міріану. Правнукъ сего царя, царь Вахтангъ Гурусланъ, будучи зять Греческаго императора, получилъ отъ него части святаго древа Креста Господня, а когда былъ самъ въ Іерусалимѣ, то привезъ и еще другія части онаго. Въ домъ князей Цицiановыхъ святое оное древо досталось отъ царевича Грузинскаго Георгія Вахтанговича дочери его—Варварѣ Георгіевнѣ, которая была за княземъ Дмитріемъ Евсѣевичемъ Цицiановымъ, а она

[1]) Дѣло Учрежденнаго Собора Лавры, 1859 г. № 225.

передала сіи части дочери своей княжнѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Циціановой, которою одна изъ сихъ частей по усердію приложена въ храмъ Успенія Богоматери 1844 года, сентября мѣсяца. Да помянетъ ее Господь по милости Своей за даръ св. церкви. Собралъ оное описаніе намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній".

7) Подъ тѣмъ же крестомъ находится часть мощей святаго мученика Пантелеимона, одна изъ большихъ, какія только имѣются въ Россіи, присланная отъ патріарха Іерусалимскаго Кирилла, чрезъ А. Н. Муравьева, митрополиту Филарету, въ благословеніе новоустроенному Геѳсиманскому скиту, при особыхъ двухъ грамотахъ. Подлинныя эти грамоты писаны по гречески, хранятся въ ризницѣ лавры, а въ Геѳсиманскомъ скитѣ имѣется точный переводъ ихъ, который и помѣщается здѣсь.

Грамоты Патріарха Іерусалимскаго Кирилла.

I. „Принося симъ вашему высокопреосвященству братское о Христѣ цѣлованіе наше, обявляемъ, что во изъявленіе особенной признательности за пламенное усердіе ваше о Бозѣ къ старѣйшей церкви патріаршаго престола нашего и за особенную къ намъ братскую любовь вашу, вкупѣ съ молитвами отъ сердца и благословеніями даруемъ основанному вами св. скиту новой Геѳсиманіи подлинную часть св. мощей святаго славнаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона, которую и препровождаемъ въ руки вашего высокопреосвященства чрезъ его превосходительство г. Андрея Муравьева, да положится въ упомянутомъ св. скитѣ и пребудетъ во вѣки неотлучно его собственнымъ стяжаніемъ и драгоцѣннымъ душеспасительнымъ сокровищемъ. Въ Константинополѣ. 1850 г. Марта 12 дня.

Патріархъ Іерусалимскій Кириллъ свидѣтельствуетъ.“ Приложена печать.

„Высокопреосвященнѣйшему и досточтимѣйшему
митрополиту Московскому и Коломенскому господину
Филарету, во Св. Дусѣ возлюбленному и вожделѣннѣйшему
брату и сослужителю нашего смиренія“.

II. „Кириллъ, Божіею милостію патріархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины.

„Высокопреосвященнѣйшій и досточтимѣйшій митрополитъ Московскій и Коломенскій, господинъ Филаретъ, возлюбленнѣйшій о Господѣ братъ и сослужитель нашего смиренія! Братски о Господѣ лобызая ваше высокопреосвященство, привѣтствуемъ васъ возлюбленнѣйше.

„Лишь только прибыли мы сюда изъ Іерусалима, какъ открылись радостною душею въ письмѣ святительской главѣ вашей, блистающей лучами добродѣтелей, и принесши братское о Христѣ цѣлованіе, изъяснили горячую любовь нашу къ вамъ. И теперь, пользуясь благопріятнымъ случаемъ возвращенія въ отечество возлюбленнаго о Господѣ сына нашего его превосходительства г. А. Муравьева, настоящимъ письмомъ являемся къ вашему высокопреосвященству, и объемля васъ съ братскою любовію, желаемъ знать о многовожделѣнномъ для насъ здравіи вашемъ, егоже да даруетъ всеблагій Богъ ненарушима на должайшія лѣта!

„Потомъ увѣдомляемъ васъ, что получили мы съ благодарностію посланныя намъ отъ братской любви вашей чрезъ его превосходительство четки, и держа ихъ въ рукахъ, какъ особенный знакъ дружескаго вашего къ намъ расположенія, мнимъ видѣть предъ собою пославшаго ихъ, и чудимся непрестанно всякаго слова достойнымъ святительскимъ совершенствамъ, которыми изобильно обогащена святительская глава ваша.

„Но, что́ вознесло сердце наше на верхъ духовной радости, это—сообщенное намъ его превосходительствомъ отрадное извѣстіе, что ваше высокопреосвященство, питая крайнее

благоговѣніе ко всечестному гробу Владычицы нашея Богородицы во св. землѣ, и желая живѣе переноситься умомъ въ св. Геѳсиманію Іерусалимскую, создали близь св. храма преподоб. Сергія церковь въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы, и освятивъ оную наименовали новою Геѳсиманіею. Съ радостію услышавъ о семъ, и вспомнивъ, что приснопамятный предшественникъ нашъ Ѳеофанъ лично посѣщалъ св. храмъ пр. Сергія и поклонился ему, перенеслись мысленно и мы въ святѣйшую вашу митрополію и поклонились духомъ св. храму пр. Сергія и сущей близь него св. Геѳсиманіи, изображующей оную древнюю и собственную Геѳсиманію при нашемъ престолѣ.

Могущественнѣйшая и православнѣйшая держава Всероссійская, содержа нынѣ въ нѣдрахъ своихъ новый Іерусалимъ и новую Геѳсиманію, да соблюдаетъ во вѣки обновляющуюся ревность о благочестіи и особенное благоговѣніе ко всечестнымъ и первѣйшимъ достопоклоняемымъ мѣстамъ при нашемъ престолѣ и да продолжаетъ являть неоскудно Матери всѣхъ церквей державное свое заступленіе и помощь.

„Изъяснивъ сіе настоящимъ письмомъ вашему высокопреосвященству, изливаемъ предъ вами неистощимую любовь братскаго сердца нашего, съ которою и молимъ Господа, да умножатся, сколько можно болѣе, священныя лѣта жизни вашей во всякомъ благополучіи. Въ Константинополѣ. 1850. Марта 12 дня.

Вашего высокопреосвященства
во Христѣ возлюбленный братъ и всеусердный богомолецъ
патріархъ Іерусалимскій Кириллъ“.

8) Въ томъ же трапезномъ храмѣ на аналогіи на лѣвой сторонѣ икона преподобнаго Сергія въ житіи, иконописная; въ ней часть мощей преподобнаго Сергія и части отъ его гроба и одежды, помѣщающіяся въ маленькихъ ковчежцахъ.

На западной сторонѣ верхней трапезной церкви, какъ сказано выше, помѣщается ризница; въ ней болѣе замѣчательные предметы — слѣдующіе: 1) Деревянные сосуды преподобнаго Діонисія, въ которыхъ онъ совершалъ св. Евхаристію. 2) Его же фелонь изъ старинной льняной набойчатой матеріи. 3) Кипарисный потиръ работы Николая Максимиліановича, сына Великой Княгини Маріи Николаевны. 4) Евангеліе, пожертвованное въ скитъ покойной Государыней Маріею Александровною, когда она была еще Цесаревною, на которомъ въ началѣ Евангелія отъ Матѳея, на листѣ 1-мъ имѣется собственноручная Высочайшей жертвовательницы подпись: „Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна Марія. 3-го сентября 1851 года“. Евангеліе печатано залотыми литерами на пергаменѣ съ бордюромъ художественной работы, въ переплетѣ изъ орѣховаго дерева съ рѣзными клеймами. На послѣднемъ листѣ свидѣтельство оберъ-гофмейстера Василія Дмитріевича Олсуфьева: „Повелѣніемъ благовѣрныя Государыни Цесаревны Великія Княгини Маріи Александровны устроено сіе святое Евангеліе въ Геѳсиманскій скитъ, во . храмъ честнаго славнаго Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присподѣвы Маріи, въ лѣто отъ воплощенія Единороднаго Сына Божія Христа Бога нашего тысяча восемьсотъ пятьдесятъ первое, и собственною Ея Императорскаго Высочества рукою на первомъ листѣ святаго отъ Матѳея благовѣствованія подписано“. Подписался оберъ-гофмейстеръ Василій Олсуфьевъ.—5) Дарохранительница деревянная, четырехъугольная въ видѣ церкви, обложена перламутромъ съ рѣзными изображеніями изъ слоновой кости, весьма искусной работы монаха Геѳсиманскаго скита Гавріила. 6) Напрестольный крестъ съ надписью: „Преосвященный Иннокентій архіепископъ Камчатскій даетъ въ скитскую церковь крестъ изъ китовой кости, устроенный искусствомъ Алеутскихъ христіанъ“.

Церковь Воскресенія Христова на кладбищѣ Гевсиманскаго скита.

Къ стр. 59

На восточной сторонѣ скита находится братское скитское кладбище. Церковь здѣсь каменная, начата постройкой еще въ 1847 году, а освящена 27 сентября 1853 года, во славу Воскресенія Христова, намѣстникомъ лавры архимандритомъ Антоніемъ. Въ этой церкви отпѣваются усопшіе братія скита, которые и погребаются тутъ, близъ нея. Иконостасъ здѣсь устроенъ изъ желѣза, и имѣетъ видъ зеленыхъ пальмовыхъ деревъ. Митрополитъ Филаретъ очень заботливо относился къ построенію сей церкви, входилъ во всѣ подробности устройства для нея иконостаса и разныхъ утварей. Стѣнное писаніе этой церкви было подробно предначертано владыкой. Вотъ его предначертанія:

„Въ Воскресенской церкви написать на стѣнѣ немногія пальмы ближе къ икопостасу, хорошо. А далѣе просторъ оставить для картинъ, для которыхъ не желаю ни рамъ, ни раздѣленій, чтобы не подавать мысли о стѣнахъ, когда картины должны представлять природу. Правая сторона храма могла бы назначена быть для усопшихъ святыхъ, воставшихъ, и, по Евангелисту, идущихъ въ Іерусалимъ *явитися многимъ*. Предъ ними, къ востоку, врата и видъ части Іерусалима, за ними, къ западу, кладбище, на которомъ они востали. Надъ ними свѣтъ ранняго яснаго утра; на ихъ лицахъ и одеждахъ свѣтъ воскресенія.

„Лѣвая сторона храма могла бы представлять поле видѣнія Іезекіилева, раздѣленное на три части, но не инымъ чѣмъ, какъ только постепенностію свѣта. Въ западной сумрачной части, подъ облакомъ, лежатъ на полѣ кости сухія. На западной сторонѣ Іезекіиль. Къ нему съ востока сквозь облако лучъ свѣта. По линіи свѣта слова: *Сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія?* Въ средней части менѣе сумрачной пророкъ зритъ и простираетъ руку на кости. Предъ нимъ слова: *Кости сухія, слышите слово Господне. Се азъ возведу на васъ плоть.* И кости должны быть представлены одѣвающіяся, и частію одѣтыя плотію, но

еще лежащія. Въ восточной свѣтлой части пророкъ смотритъ и простираетъ руку не на кости, а на высоту. Предъ нимъ слова: *Пріиди душе и вдуни на мертвыя сія, и оживутъ*. И мертвые должны быть представлены частію оживающими и поднимающимися съ земли, частію совсѣмъ возставшими. Нижняя часть картины аршина полтора, или аршинъ съ чѣмъ нибудь отъ земли должна быть отдана только на изображеніе поля, песка, травы, на западѣ блеклой, въ серединѣ зеленой, къ востоку съ цвѣтами. Выше должна начинаться картина лицъ. Какъ ихъ должно быть не мало, то мѣра ихъ, думаю, должна быть уменьшенная. Что много останется простора для неба, тѣмъ лучше. То не достоинство картинъ, что на нихъ небо бываетъ меньше человѣка.

„Картину вземлемыхъ въ пришествіе Господне на воздусѣ не расположить ли на сводѣ съ верхнею частію западной стѣны?“ [1]) Въ слѣдующемъ письмѣ [2]) владыка извѣщаетъ, что „въ скитъ даютъ шитое изображеніе Спасителя въ Геѳсиманіи молящагося“, и предлагаетъ поставить его за жертвенникомъ въ новой церкви.

Близь Воскресенской церкви, на холмѣ, воздвигнута деревянная часовня, въ которой поставленъ деревянный крестъ, перенесенный сюда изъ часовни „Креста“, находящейся на большой Московской дорогѣ, въ 9 верстахъ отъ лавры, на мѣстѣ заочнаго привѣтствія святителемъ Стефаномъ, епископомъ Пермскимъ, преподобнаго Сергія.

Колокольня по началу была устроена при Успенской церкви—деревянная, и на ней были установлены боевые часы. Но впослѣдствіи была устроена, въ 1871 году, при входѣ въ скитъ, каменная колокольня съ святыми воротами подъ ней. На эту колокольню перенесены съ деревянной и боевые часы.

---

[1]) Письмо 659.
[2]) Письмо 661.

Пещеры Гевсиманскаго скита съ юго-восточной стороны.

Къ стр. 61.

При Успенской церкви, вмѣсто бывшей колокольни, съ сѣверной стороны, параллельно митрополичьимъ кельямъ, въ 1877 году сдѣлана двухъэтажная пристройка, низъ каменный, а верхъ деревянный, для келлій строителя скита.

VIII.

Скитскія пещеры. Схимонахъ Филиппъ (Филиппушка)—основатель пещеръ и киновіи.

На сѣверной сторонѣ скита, за оврагомъ, составляющимъ часть скитскаго пруда, находится другая обитель, именуемая Пещеры, и извѣстная болѣе подъ названіемъ „Черниговской“, по находящейся здѣсь, въ пещерномъ храмѣ архистратига Михаила, чудотворной иконѣ Божіей Матери Черниговско-Ильинской. Множество чудесъ, источаемыхъ отъ иконы Богоматери, привлекаетъ сюда тысячи богомольцевъ,—и подземный храмъ сей, слабо освѣщенный лишь свѣтомъ лампадъ, во множествѣ увѣшанныхъ предъ ликомъ Богоматери, и восковыхъ свѣчъ, теплящихся на подсвѣчникѣ, почти всегда съ утра до ночи полонъ молящимися.

Пещерная обитель сія, хотя и отдѣляется отъ скита небольшимъ прудомъ, но по управленію и хозяйственному обиходу составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое, отличаясь отъ него нѣсколько лишь порядкомъ богослуженія и, главное, тѣмъ, что сюда свободенъ входъ и женскому полу, тогда какъ въ скитъ входъ этотъ воспрещенъ.

Своимъ происхожденіемъ пещеры и устроившаяся надъ ними обитель обязаны извѣстному въ свое время всей Москвѣ и большей части Россіи—юродивому Филиппушкѣ (въ монашествѣ Филаретъ и въ схимѣ Филиппъ), долгое время ходившему зимою и лѣтомъ по улицамъ

Москвы и по многимъ городамъ обширной Россіи—босымъ, съ обнаженной головой, въ веригахъ и съ пудовымъ почти посохомъ въ рукахъ.

Филиппъ Андреевичъ Хоревъ [1]),—такъ было мірское имя схимонаха Филиппа,—происходилъ изъ крестьянъ Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, деревни Стряпкова. Родился онъ 9 ноября 1802 года. Родители его Андрей и Февронія были крѣпостными помѣщицы Бажановой, и отличались набожностію и благочестіемъ. Съ ранняго возраста Филиппъ отличался особенною религіозностію и усердіемъ къ посѣщенію храма Божія. На 22-мъ году, по настоянію родителей и противъ своего желанія, Филиппъ вступилъ въ бракъ съ крестьянскою дѣвицею Евдокіею Степановою, отъ которой родилось у него четверо дѣтей: три сына—Игнатій, Порфирій и Василій, и дочь Синклитикія [2]). Спустя десять лѣтъ, жена умерла, и Филиппъ остался одинъ съ малыми дѣтьми. Вскорѣ къ этому семейному горю присоединилось другое, еще болѣе сильное: помѣщица отдала средняго сына его въ приданое за своею дочерью въ другое имѣніе. Хотя это было и обычно во время крѣпостнаго права; но всякій пойметъ скорбь отца при потерѣ живаго сына. Съ этого времени, и всегда-то тихій, богомольный и не любившій веселія и празднословія, Филиппъ сталъ еще болѣе замкнутымъ и сдѣлался еще набожнѣе и усерднѣе къ посѣщенію храма Божія. Родители его, бывшіе еще въ живыхъ, приписывая образъ жизни Филиппа—его грусти вслѣдствіе потери жены, употребляли всѣ мѣры опять его женить. Долго не соглашался Филиппъ, наконецъ былъ вынужденъ уступить волѣ родителей, и вступилъ во второй бракъ съ крестьянскою дѣвицею Гликеріей Трофимовой.

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ заимствованы изъ жизнеописанія его, составленнаго С. А. Кельцевымъ, изд. 1884 года.

[2]) Скончалась послушницей въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Но и новая женитьба не оправдала надеждъ родителей Филиппа: онъ, не смотря на ласковость жены и рожденіе отъ нея дочери Варвары [1]), не выходилъ изъ своего замкнутаго состоянія, и все болѣе и болѣе углублялся въ себя и, кромѣ того, сталъ обнаруживать бо́льшую наклонность къ подвижничеству: началъ поститься по нѣсколько дней сряду, ходить постоянно безъ обуви и съ открытой головой, спать на землѣ и камняхъ и нести другія лишенія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ старался вести себя такъ, чтобы подвергаться насмѣшкамъ, брани, даже побоямъ, вообще получать всевозможныя непріятности. Для этого онъ ходилъ часто неумытымъ, нечесанымъ, иногда даже нарочно маралъ себя грязью или чѣмъ либо другимъ. Такъ, увидѣвъ, однажды, что сосѣдъ его мажетъ дегтемъ колеса, подошелъ къ нему и, указывая на ноги, сталъ просить помазать ихъ, и несмотря на отказъ его, продолжалъ упрашивать: „молодушка! [2]) помазуй мнѣ ходульки,“—такъ что тотъ уступилъ и исполнилъ его желаніе. Когда домашніе и односельчане стали бранить его и спрашивать, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, Филиппъ отвѣчалъ: „онѣ бѣгать будутъ ходче“.

Вообще въ поступкахъ Филиппа стали появляться большія странности, за которыя онъ нерѣдко подвергался брани и даже побоямъ, и въ довершеніе всего явилось у него отчужденіе отъ своей семьи и желаніе куда-либо уйти: одно только замѣтно удерживало его—жалость къ дѣтямъ. Готовясь разстаться съ ними, Филиппъ собиралъ ихъ около себя, дѣлался съ ними ласковымъ, разговорчивымъ, и съ отеческимъ участіемъ внушалъ, что если у нихъ не будетъ отца, то они должны быть въ мирѣ и согласіи между собою, и не ссориться, какъ другіе дѣлаютъ, изъза пожитковъ, потому что все въ мірѣ суета и ничтожество, ради котораго губить свою душу непростительно...

[1]) Скончалась послушницей въ Хотьковомъ монастырѣ.

[2]) Молодушками онъ называлъ вообще женщинъ, иногда же и мужчинъ.

Всѣмъ этимъ онъ приготовлялъ себя и ихъ къ предстоящей разлукѣ, которая вскорѣ и послѣдовала.

Однажды лѣтомъ въ рабочую пору, улучивъ удобное время, Филиппъ тайно скрылся изъ дома, и пропадалъ неизвѣстно гдѣ четыре дня, въ теченіи коихъ всѣ поиски встревожившихся родныхъ оставались тщетными. Только на пятый день односельчане увидѣли его бродящимъ по задворкамъ своей деревни, и стали убѣждать идти домой. Молча, одними движеніями головы, отказывался Филиппъ, и смотрѣлъ на своихъ сосѣдей такъ, какъ бы въ первый разъ ихъ видѣлъ. Узнали объ этомъ его родные, выбѣжали всѣ отъ мала до велика, и взяли его домой. Какъ ребенокъ шелъ Филиппъ, возвращаемый въ домъ отцовскій. Радовались родные его возвращенію, но и недоумѣвали, что съ нимъ случилось за эти дни, видя, что онъ былъ сильно изнуренъ, полураздѣтъ и босъ, но главное—сталъ какъ бы глухъ и нѣмъ. Всѣ распросы о томъ, куда онъ отлучался, что видѣлъ, ѣлъ-ли, гдѣ дѣвалъ верхнее платье и сапоги, оставались безъ отвѣта. Филиппъ не говорилъ ни слова. Послѣ долгихъ тщетныхъ стараній добиться отъ него чего-нибудь, родные оставили его въ покоѣ, на волю Божію. Потомъ, спустя уже недѣлю, они узнали, что Филиппа видѣли въ 37 верстахъ отъ ихъ деревни—въ пустыхъ каменоломняхъ близь села Жайска, Нижегородскаго уѣзда; но зачѣмъ онъ туда пробрался, осталось неизвѣстнымъ.

Послѣ этой отлучки, онъ еще больше сталъ изумлять родныхъ страннымъ видомъ и подвигами самоотверженія. Прежняго Филиппа какъ бы не бывало,—остался Филиппъ безмолвный, предававшійся посту безъ границъ и не желавшій даже носить какое либо одѣяніе. Безмолвіе, молитва, кротость, терпѣніе—вотъ свойства, которыя ярко были видны въ немъ. Образъ жизни онъ велъ самый суровый: спалъ только подъ открытымъ небомъ, прямо на землѣ или на камняхъ, не смотря ни на какія перемѣны погоды; ходилъ безъ обуви, почти нагой, едва прикрытый

ветхою одеждою, принималъ пищу очень рѣдко—чрезъ три, пять, даже чрезъ семь дней; кромѣ всего этого онъ возложилъ на себя тяжелыя вериги. Больно было семьѣ видѣть такое поведеніе Филиппа. Братья и жена съ дѣтьми принимали всѣ мѣры, чтобы возвратить его къ прежней жизни: неоднократно заново одѣвали и обували его, но вскорѣ Филиппъ являлся опять полунагой, отдавъ одежды первому попавшемуся нищему; убѣждали его чаще ѣсть и ставили предъ нимъ пищу, но онъ бралъ посуду съ нею и относилъ къ нищимъ; настилали солому на землю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видѣли его спящимъ не одинъ разъ, но Филиппъ уходилъ и выбиралъ новое мѣсто, еще болѣе неудобное—сырое или неровное. Приписывая все это помѣшательству или „порчѣ“, родственники возили его къ священникамъ для отчитыванія. Такъ, священникъ недальняго отъ нихъ села Гришина нѣсколько разъ читалъ надъ нимъ молитвы, положенныя для чтенія надъ бѣсноватыми.

Много непріятностей, насмѣшекъ, нареканій приходилось выносить женѣ, дѣтямъ и братьямъ мнимо „порченаго“ Филиппа отъ своихъ сельчанъ, и на долю его самого стало выпадать чрезъ это не мало непріятностей отъ семьи. Желая, навѣрное, избавить свою семью отъ себя, какъ причины всего этого, и въ тоже время свободнѣе предаться принятому имъ образу жизни, Филиппъ вскорѣ оставилъ свою деревню совсѣмъ и ушелъ—сначала въ уѣздный городъ Вязники, а оттуда отправился странствовать по разнымъ городамъ и селамъ, и это странствованіе „Филиппушки блаженнаго“, какъ сталъ звать его народъ, продолжалось почти 10 лѣтъ. Во все время своего юродства, Филиппъ носилъ одного вида одежду—холодный крашенинный, непремѣнно ветхій подрясникъ, надѣтый на ветхое бѣлье; обуви на ногахъ не имѣлъ и ходилъ всегда съ открытой головой,—и это одинаково зимой и лѣтомъ, не взирая ни на какія перемѣны погоды. На тѣлѣ носилъ онъ вериги, вѣсомъ 21 фунтъ, а въ

рукахъ имѣлъ желѣзный посохъ въ 37 фунтовъ окрашенный подъ дубъ, съ прикрѣпленнымъ вверху литымъ изъ мѣди голубемъ. Никогда ни на одну минуту не выпускалъ онъ этотъ посохъ изъ своихъ рукъ, и даже дѣлая что-либо, или вкушая пищу, держалъ его лѣвою рукой, пока правая была занята; ложась спать клалъ его подъ бокъ, придерживая все-таки одною рукой. Замѣчательно, что никогда никому юродивый не давалъ не только подержать посоха, но даже прикоснуться къ нему, и покушавшимся на это всегда отвѣчалъ: „это—вѣсъ грѣховъ моихъ! что́ чужую тяготу грѣховную пытать?!“

О голубкѣ на посохѣ Филиппъ говаривалъ: „Духъ Святый птичку любитъ, видъ ея пріялъ. У голубка головка не величка, да умна, носокъ востеръ, на добро шустеръ; а у насъ голова величка, да дурочка, и носъ тупъ,—адскій нюхаетъ путь“. Этотъ голубь былъ для Филиппа символомъ добра и кротости,—и самъ онъ дѣйствительно былъ добръ, кротокъ, терпѣливъ; незлобивый взглядъ его глазъ производилъ какое-то особое, влекущее къ себѣ чувство. Поэтому-то и звали его въ годы юродства „Божіимъ человѣкомъ, Филиппушкой блаженненькимъ съ голубкомъ“. Въ теченіе десяти лѣтъ своего странствованія, не малую часть этого времени провелъ Филиппушка въ различныхъ тюрьмахъ и пересылкахъ по этапу, такъ какъ его много разъ арестовывали какъ безпаспортнаго, не имѣющаго при себѣ никакого вида, и отправляли на родину, гдѣ онъ оставался одинъ или два дня, и затѣмъ скрывался. Умъ, находчивость и при этомъ полнѣйшая кротость юродиваго неоднократно ставила въ недоумѣніе полицейскихъ чиновниковъ, которымъ приходилось допрашивать его по поводу неимѣнія письменнаго вида. Не Филиппушка становился въ тупикъ отъ слѣдственныхъ вопросовъ, ему предлаемыхъ, а чиновники были поражаемы прикрытыми образностію отвѣтами его въ духѣ юродства. Такъ, однажды

столоначальникъ полиціи въ г. Арзамасѣ допрашивалъ Филиппа, имѣя перо за ухомъ. Раздраженный его замысловатыми отвѣтами и желая чѣмъ либо испугать Филиппа, чиновникъ выхватилъ у него изъ рукъ его тяжелый посохъ, едва приподнявъ отъ земли, и началъ кричать на него: „Какъ ты смѣешь таскать такой ослопъ? ты имъ человѣка легко убить можешь!“—„Братъ мой! тѣмъ перышкомъ, которое у тебя торчитъ изъ-за уха, ты скорѣе, будь увѣренъ, можешь убить нѣсколько человѣкъ, нежели я своей опорой“, возразилъ Филиппъ, намекая на убійственныя послѣдствія бумажныхъ приказничьихъ кляузъ.

Въ другой разъ, полицейскій чиновникъ г. Кіева, встрѣтивъ Филиппа въ томъ страшномъ видѣ, въ которомъ онъ ходилъ, спросилъ его: „откуда ты?“—„До Живаго Царя животомъ далеконекъ, а къ смертному царю приблизиться не успѣлъ“, отвѣтилъ тотъ. Удивленный такими словами, полицейскій потребовалъ отъ него паспортъ.—„Отъ смертнаго царя мертвыхъ словъ у меня нѣтъ, а вотъ отъ Живаго Царя живыя слова есть“, сказалъ Филиппъ, вынувъ изъ кармана карты трефовой или крестовой масти, которыя постоянно имѣлъ при себѣ, и показывая ихъ чиновнику.—„Что ты, съ ума-ли сошелъ? засмѣялся чиновникъ: развѣ это паспортъ? это карты, въ которыя играютъ“.—„Играютъ крестами только жиды христопродавцы, а мы христіане чтимъ ихъ и молимся, смиренно возразилъ Филиппъ, цѣлуя крестъ на картѣ.

Однажды, будучи въ Москвѣ, Филиппъ отправился въ кремль. Былъ царскій день, и звонъ раздавался по всей Москвѣ. „Куда ты идешь?“ спрашиваетъ его городовой.—„Иду къ царю обѣдать!“ отвѣтилъ онъ, а шелъ въ соборъ къ обѣднѣ. Его тотчасъ арестовали и посадили въ часть. Объ этомъ вскорѣ узнала графиня Толстая, особенно ему благодѣтельствовавшая, и пріѣхала туда. Ее проводили туда, гдѣ былъ заключенъ Филиппъ. „Тебѣ чай не хорошо

здѣсь?“ спросила графиня. — „Лучше ада, молодушка! Видишь, меня здѣсь берегутъ, да стерегутъ“, съ улыбкой отвѣтилъ Филиппъ. По просьбѣ графини, его тотчасъ освободили.

Нерѣдко дѣйствія и слова юродиваго Филиппа носили пророчественный характеръ. Такъ, въ г. Вязникахъ онъ пришелъ однажды въ знакомый ему домъ и говоритъ хозяйкѣ: „молодушка! дай мнѣ кровяный (красный) платокъ!“ Та подала. Юродивый началъ вытирать платкомъ стѣны и дуть на нихъ. Удивлялись хозяева и недоумѣвали; но чрезъ нѣсколько дней поняли, что это значило: домъ ихъ загорѣлся отъ молніи, и былъ уничтоженъ пожаромъ.

Въ г. Владимірѣ, стоя однажды у каѳедральнаго собора, Филиппъ былъ спрошенъ проходившимъ мимо него въ соборъ однимъ духовнымъ лицемъ: „что ты здѣсь дѣлаешь?“ „Бумажками на мѣста торгую, отецъ святой!“ отвѣчалъ Филиппъ. Вскорѣ было обнаружено, что это лице, будучи вліятельнымъ въ духовномъ вѣдомствѣ, позволяло себѣ брать деньги и подарки за содѣйствіе къ опредѣленію на священническія и діаконскія мѣста въ хорошіе приходы, и подверглось за это непріятности.

Бывая нерѣдко въ Москвѣ, Филиппъ былъ извѣстенъ лично владыкѣ Филарету, и въ началѣ 1847 года получилъ отъ него благословеніе пойти на поклоненіе въ Сергіево-Троицкую лавру и остаться тамъ пожить. Владыка Филаретъ, уважавшій всякій родъ христіанскаго подвижничества, смотрѣлъ, какъ извѣстно, и на юродивыхъ глазами большинства хорошихъ христіанъ—какъ на рабовъ Божіихъ. Поэтому, посылая юродиваго Филиппа въ лавру, онъ писалъ о. намѣстнику: „Богъ благословитъ раба своего Филиппа, и да сотворитъ благое душѣ его“ [1]).

По прибытіи въ лавру, Филиппъ явился въ келлію къ

[1]) Письмо 577-е, отъ 23 мая 1847 г.

о. намѣстнику Антонію въ своемъ костюмѣ юродиваго, съ босыми ногами и сумкою чрезъ плечо, держа въ одной рукѣ посохъ, а въ другой нѣсколько луковицъ.—„Зачѣмъ это ты, рабъ Божій, луку-то принесъ?“ спросилъ его, благословляя о. намѣстникъ. — „Да такъ, широкій [1])! Хорошіе христіане всегда лукъ медомъ поливали, заговорилъ иносказательно Филиппъ: — поливали и здравы бывали; на полосу свою часто посматривали, себя узнавали и повѣряли, за то и къ Царю небесному часто ходили и свѣтъ имѣли. А я вотъ вѣкъ гуляю, да своими грѣхами людей соблазняю; дурака-то потерялъ, а умнаго не нашелъ. Вотъ бѣлый ангелъ (митрополитъ) и послалъ меня сюда: молитесь, широкій, чтобы Богъ меня на разумъ наставилъ“.—„Такъ ты въ лаврѣ останешься?“ спросилъ о. намѣстникъ. — „Да, походилъ, сокола половилъ, все думалъ поймаю, чтобы легче съ нимъ въ Іерусалимъ идти, продолжалъ Филиппъ, да вмѣсто сокола-то пса ловилъ; говорятъ, и плохо-бы было, если-бы пса-то я въ Іерусалимъ принесъ. Вотъ я и пришелъ сокола ловить у Сергія подъ крылышкомъ“.

Итакъ, послѣ десятилѣтняго многотруднаго странствованія, соединеннаго съ неимовѣрными лишеніями и трудностями, съ постояннымъ перенесеніемъ голода, холода, частыхъ насмѣшекъ, униженій, побоевъ; послѣ многократныхъ арестовъ, заключеній въ тюрьмахъ, пересылокъ по этапу съ конвоемъ, въ качествѣ „бродяги безпаспортнаго“, что все великодушно переносилъ ради Христа твердый духомъ Филиппъ,—онъ наконецъ рѣшился, по благословенію святителя Филарета, остановиться на жительство въ Сергіевой лаврѣ.

Впрочемъ, вступивъ въ лавру, Филиппъ только мѣсяцъ съ нѣсколькими днями прожилъ въ ней: тысячи

---

[1]) „Широкимъ“ нерѣдко и впослѣдствіи онъ называлъ о. архимандрита Антонія.

богомольцевъ, постоянно наполняющихъ лавру, многочисленное братство, и обращаемое на него, какъ на юродиваго, вниманіе всѣхъ, побудили его искать болѣе уединеннаго мѣста. Онъ сообщилъ объ этомъ о. намѣстнику, который и указалъ ему перейти во вновь зарождавшійся въ то время Гевсиманскій скитъ. Но душа Филиппа жаждала еще большаго уединенія, и потому онъ испросилъ разрѣшеніе о. намѣстника поселиться вблизи скита, за прудомъ, въ ветхой необитаемой лѣсной сторожкѣ, въ густой чащи лѣса. Здѣсь онъ вполнѣ предался трудамъ подвижничества. Для безопасности, ему былъ данъ изъ скита послушникъ.

Во время одного посѣщенія скита о. намѣстникомъ, къ нему явился Филиппъ, и сталъ просить благословеніе ископать близь сторожки погребокъ. Страннымъ показалось намѣстнику это желаніе пустынника — имѣть при своей келльи погребъ, и онъ съ удивленіемъ спросилъ: „Зачѣмъ это тебѣ понадобился погребокъ?“ — „А ты ужъ только благослови, — погребокъ-то нуженъ“, продолжалъ настаивать Филиппъ. — „Ну, Богъ благословитъ, копай!“ сказалъ о. намѣстникъ, и велѣлъ дать ему въ помощь еще двухъ послушниковъ изъ скита. Возвратясь въ келлію, Филиппъ съ своими сотрудниками принялся копать небольшую подземную квадратную яму, которую впослѣдствіи началъ разширять, дѣлалъ отъ нея подземные коридоры и въ нихъ отдѣльныя небольшія пещерки для келлій; средняя же большая предназначалась мѣстомъ собранія пещерниковъ на общую молитву. Спустя три недѣли послѣ начатія этихъ работъ, о. намѣстникъ посѣтилъ Филиппа, и увидѣлъ, что копается не погребъ, а пещеры, по подобію Кіевопечерскихъ. Онъ сообщилъ объ этомъ митрополиту. „Господь да просвѣщаетъ ищущихъ Его въ темнотѣ пещерной“ [1]), — былъ отвѣтъ на это владыки;

[1]) Письмо 597.

а нѣсколько спустя, владыка писалъ: „хорошо, если трудятся въ пещерахъ по усердію, но мнѣ кажется, не надобно сіе распространять и дѣлать гласнымъ“ [1]).

Такъ было положено начало пещерамъ Гефсиманскаго скита! Работа была трудная, потому что землю приходилось вытаскивать на себѣ въ мѣшкахъ; кромѣ того, по причинѣ слабости грунта, стѣны безпрестанно обваливались, и постоянно прибавляли еще работы и труда; пещерники принуждены были подпирать стѣны досками, но и это не избавило ихъ отъ слѣдующаго печальнаго случая, предупрежденнаго, впрочемъ, особеннымъ явленіемъ. Во время одного вечерняго правила, на которомъ былъ Филиппъ и трое его сотрудниковъ, двое изъ нихъ, Митрофанъ и Андрей, увидѣли, что Ангелъ пронесъ надъ ихъ головами два вѣнца. Они сообщили объ этомъ Филиппу. „Воля Божія! молитесь!“ отвѣтилъ онъ. На другой день, когда они работали въ пещерѣ, надъ ними вдругъ обрушилась земля, и оба они были задавлены на смерть, удостоившись, такимъ образомъ, тѣхъ мученическихъ вѣнцевъ, которые видѣли въ рукахъ Ангела. „Не безъ слезъ пропѣлось мнѣ, писалъ владыка, когда узналъ о семъ, со святыми упокой, Христе, души рабъ Твоихъ, Митрофана и Андрея. Можно вѣровать, что Господь принялъ доброе начало ихъ подвига, какъ совершеніе... Господь дастъ слышащимъ о семъ доброе разумѣніе подвига и наставленіе содержать себя въ готовности къ смерти, неожидаемо близкой“ [2]). Владыка, по видимому, опасался, что событіе это смутитъ слышащихъ, и самыхъ пещерниковъ заставитъ покинуть предпринятый ими подвигъ; но этого однако не случилось. Напротивъ, подвижничество Филиппа все болѣе привлекало желающихъ перейти къ нему изъ скита, и число пещерниковъ стало быстро

[1]) Письмо 610.
[2]) Письмо 602.

умножаться, такъ что явилось опасеніе противоположнаго свойства. „Не много-ли переселяющихся изъ скита на ту сторону пруда, и не сдѣлается ли тамъ другой монастырь вмѣсто пустынножительства?“ писалъ по этому поводу владыка Филаретъ [1]),—что̀ дѣйствительно впослѣдствіи и случилось.

Собираясь въ среднюю пещеру на молитву, пещерники совершали правило по псалтири, и пѣли „дванадесять псалмовъ“, прибавляя къ каждому стиху трижды „аллилуіа“. Впослѣдствіи къ этому присовокупили полунощницу и конецъ утрени, начиная съ осьмой пророческой пѣсни, такъ что составился особый новый чинъ пещернаго богослуженія, подъ названіемъ „полунощницы съ аллилуія“, совершаемаго доселѣ ежедневно съ 8 часовъ вечера, кромѣ дней, когда положено бдѣніе. Владыка Филаретъ, хотя и находилъ болѣе соотвѣтствующимъ пѣть вечерню, утреню и часы обыкновеннымъ порядкомъ, но не противился и принятому пещерниками способу молитвословія [2]), который такимъ образомъ вошелъ въ обыкновеніе и продолжается доселѣ.

Около трехъ лѣтъ спустя послѣ основанія пещеръ, къ Филиппу пришли его дѣти — Игнатій, Порфирій и Василій [3]), и пожелали остаться при немъ и жить въ пещерахъ. Всѣхъ пещерниковъ вмѣстѣ съ ними набралось 14 человѣкъ. Каждый жилъ въ отдѣльной келліи, ископанной подъ землей и имѣвшей не болѣе сажени въ длину и ширину; печей въ этихъ подземныхъ келліяхъ не было, и даже зимой они нагрѣвались однимъ дыханіемъ и тремя лампадками, которыя замѣняли и дневной свѣтъ. Каждый изъ вновь пришедшихъ въ пещеры жить, обязанъ былъ самъ ископать себѣ келлію. Въ корридорѣ висѣлъ

[1]) Письмо 611.
[2]) Тоже письмо 611.
[3]) Нынѣ іеромонахи Боголюбовской киновіи: Галактіонъ, Прокопій и Лазарь.

небольшой колоколъ, по зову котораго пещерники собирались на общую молитву въ среднюю первоначальную пещеру. Трапеза пещерникамъ поставлялась общая отъ скита, который и самъ въ это время еще продовольствовался отъ лавры. „Трапеза пустынножительствующихъ не должна ли поставляться нѣсколько позже, нежели въ монастырѣ“, писалъ владыка о пещерникахъ къ о. намѣстнику [1]).

Средняя пещера, служившая пещерникамъ мѣстомъ общей молитвы, вскорѣ была обращена въ церковь, которая 27-го сентября 1851 года и освящена самимъ митрополитомъ Филаретомъ во имя святаго архистратига Михаила. Не много времени спустя, вверху надъ этою пещерною церковію была устроена другая церковь деревянная, во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и святаго Василія Парійскаго, и освящена тѣмъ же владыкой 7-го іюля 1857 года. Самъ Филиппъ незадолго до освященія нижней церкви, по случаю постигшей его болѣзни, согласно его желанію, былъ постриженъ въ монашество, и при этомъ нареченъ Филаретомъ, а впослѣдствіи, уже по переселеніи его изъ пещеръ на новое мѣсто, онъ принялъ схиму, съ прежнимъ именемъ Филиппа.

Живя въ пещерахъ, Филиппъ въ тоже время не оставлялъ совсѣмъ своего подвига юродства. Въ началѣ этой жизни онъ нерѣдко еще появлялся предъ воротами лавры на Красной площади, опираясь на свой неизмѣнный посохъ съ голубкомъ. И лишь только появится Филиппъ, его тотчасъ окружали толпы народа. „Съ ангеломъ! съ ангеломъ! съ Божіимъ вѣстникомъ!“ привѣтствовалъ онъ всѣхъ, обращаясь въ разныя стороны. И съ какою любовію обращались всѣ къ „Филиппушкѣ, человѣку Божію“, слушая его образныя, полныя глубокаго христіанскаго духа рѣчи! Каждый, имѣвшій какую либо скорбь на душѣ,

[1]) Письмо 611.

старался хоть что нибудь услышать отъ него себѣ въ утѣшеніе и назиданіе, съ полною увѣренностію, что „его устами слова съ неба идутъ“.—Иногда, встрѣтивъ на площади посада торговца калачами или чѣмъ либо другимъ съѣстнымъ, Филиппъ собиралъ „богатыхъ купцовъ“, какъ онъ называлъ нищихъ, и начиналъ раздавать имъ все, что было у торговца. Боясь обидѣть „человѣка Божіяго“, торговцы ему не препятствовали, тѣмъ болѣе, что Филиппъ почти всегда тотчасъ же приводилъ какого либо человѣка, который платилъ за все розданное.

Вскорѣ послѣ постриженія въ монашество, въ болѣзни о. Филарета сдѣлался переломъ къ лучшему, и онъ, хотя и не быстро, поправился и сталъ по прежнему трудиться надъ улучшеніемъ пещеръ и поучать ближнихъ. Одно только долженъ былъ онъ, съ принятіемъ монашескаго чина, измѣнить въ своемъ образѣ жизни, это—оставить свой посохъ съ голубкомъ и носить обувь. „Владыко святый! обуваться-то я больно лѣнивъ, все не хочется!“ упрашивалъ онъ благословлявшаго его на новый образъ жизни святителя Филарета. Но владыка, разрѣшивъ ему носить вмѣсто сапогъ ботинки и замѣнить посохъ съ голубкомъ посохомъ съ головкою изъ мѣди, покрытой священными изреченіями, не позволилъ ему сохранить прежній видъ юродиваго, „да не соблазняются другіе монахи“. Съ этого времени о. Филаретъ оставилъ наружное юродство, и предъ лаврою на Красной площади уже болѣе не появлялся; но обыкновенія выражаться образно и загадочно онъ не покидалъ и въ послѣдствіи, и даже съ дѣтьми держалъ себя такимъ образомъ. Только въ концѣ своего подвига земнаго онъ сталъ обращаться съ ними просто, безъ юродства и образности въ рѣчахъ.

Вскорѣ по принятіи монашества, отецъ Филаретъ принужденъ былъ оставить пещеры и переселиться на другое мѣсто. Причиною сему послужило непріязненное отношеніе къ нему нѣкоторыхъ изъ старшей братіи скита, и въ

особенности двойхъ, которые обнаруживая и сами особенную склонность къ безмолвію и пустынножительству, по нѣкоторой тайной зависти бѣсовской начали враждебно относиться къ о. Филарету за то, что къ нему во множествѣ стекались посѣтители для назиданія и духовной пользы, и потому стали распускать о немъ разные нелѣпые слухи. Къ нимъ присоединился и одинъ изъ живших съ старцемъ въ пещерахъ послушникъ, который началъ часто безпокоить о. намѣстника анонимными письмами на старца, въ чемъ впослѣдствіи предъ несчастною[1]) кончиною своею самъ сознался. Какъ ни старался о. намѣстникъ умиротворить враждующихъ, но непріязнь ихъ не уменьшалась, и потому о. Филаретъ, уступая мѣсто гнѣву, оставилъ пещеры и переселился на другое мѣсто. Сперва онъ перешелъ ненадолго въ лавру, а затѣмъ, найдя удобное мѣсто на берегу пруда, въ полуверстѣ отъ пещеръ, поселился тамъ. О. намѣстникъ распорядился поставить для него келлію, въ которую перешли къ нему и его дѣти. Впослѣдствіи здѣсь образовалась новая обитель, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Боголюбовской киновіи[2]).

Не было конца изумленію почитателей о. Филарета, когда онъ вышелъ изъ пещеръ въ лавру; но ни одного слова неудовольствія никто не слыхалъ отъ него.—„Ушелъ отчего? съ землей поссорился, не ужился, съ унылой разбранился,“ иносказательно говорилъ всѣмъ незлобивый о. Филаретъ. Почитателями же его были во множествѣ люди высокопоставленные. Даже въ царствующемъ домѣ было извѣстно о юродствующемъ старцѣ, и когда, въ сентябрѣ 1855 года, лавру и скитъ съ пещерами посѣтилъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, то изъявилъ желаніе видѣть о. Филарета, говоря, что давно знаетъ о семъ старцѣ.

---

[1]) Онъ нечаянно отравился, употребивъ въ пищу приготовленную имъ же для истребленія крысъ булку съ мышьякомъ, которую онъ по ошибкѣ принялъ за другую, бывшую у него безъ мышьяка.

[2]) Описаніе ея имѣется отдѣльною брошюрой.

О. Филаретъ, жившій уже въ это время въ уединенной келліи вдали отъ пещеръ, пришелъ въ скитъ и предсталъ предъ Государя въ монашеской одеждѣ. „Да ты уже монахъ теперь?“ спросилъ его Государь.—„Не знаю, монахъ ли, смиренно отвѣтилъ старецъ, а хотѣлъ бы монахомъ побыть хоть одинъ часъ, Государь!“

IX.

Черниговская икона Божіей Матери; сказаніе о ней; чудотворенія.

Труды о. Филарета по ископанію пещеръ, не смотря на его удаленіе оттуда, не остались тщетными. Пещеры разрослись, превратились въ особый монастырь, а средняя подземная яма, куда по началу собирались на молитву одни лишь пещерники, содѣлалась воистину домомъ Пречистой Богоматери и мѣстомъ молитвеннаго притеканія къ Ней безчисленныхъ богомольцевъ, не только изъ ближайшей столицы, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ православной Россіи. Кому изъ посѣтителей лавры преподобнаго Сергія неизвѣстно это тихое пристанище для обуреваемыхъ волнами житейскаго моря, и кто изъ нихъ, помолившись у раки мощей угодника Божія и въ другихъ храмахъ его обители, не спѣшитъ „къ Черниговской,“ чтобы и здѣсь напитать алчущую свою душу тѣмъ же духовнымъ брашномъ, и утолить жажду души тѣмъ же духовнымъ пивомъ?!... Отправляться „къ Черниговской“ — и значитъ именно отправляться въ ту пещерную обитель, которая находится позади Геѳсиманскаго скита, и гдѣ въ нижней подземной церкви, въ пещерахъ, находится чудотворная икона Божіей Матери „Черниговско-Ильинская,“ проще именуемая „Черниговскою.“

Только мѣсяцъ спустя послѣ оставленія о. Филаретомъ пещеръ, сія чудная икона была дана вкладомъ въ пещерный

Черниговская икона Богоматери, находящаяся въ пещерномъ храмѣ Гевсиманскаго скита.

Къ стр. 77.

храмъ святаго архистратига Михаила одною благородною и благочестивою дѣвицею, Александрою Григорьевною Филипповою. Это было въ 1852 году; а 1-го сентября 1869 г. Господу благоугодно было прославить сію святую икону чудотвореніями.

Изъ сказанія о сей иконѣ извѣстно, что сначала она дана была въ благословеніе священнику Хотькова женскаго монастыря, о. Іоанну Алексѣеву, однимъ изъ монашествующихъ Троице-Сергіевой лавры, и въ домѣ о. Іоанна она находилась до 1824 года, а въ это время дана имъ, также въ благословеніе, названной дѣвицѣ А. Г. Филипповой, которою потомъ и дана вкладомъ въ пещерный храмъ. Случилось это такъ. Родитель Александры Григорьевны—Григорій Алексѣевичъ Филипповъ, состоя на коронной службѣ въ Москвѣ, былъ переведенъ въ 1823 году на такую же службу въ г. Архангельскъ, куда и переѣхалъ со всѣмъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены—Натальи Григорьевны, и четырехъ дѣтей: сына Димитрія и трехъ дочерей: Александры, Варвары и Екатерины. Вскорѣ, однако, мать съ дѣтьми, не вынося суроваго климата Архангельска, принуждена была вернуться въ Москву; отецъ оставался тамъ еще полтора года, потомъ по болѣзни вышелъ въ отставку, и на возвратномъ пути къ Москвѣ скончался. Наталья Григорьевна, проѣзжая съ дѣтьми изъ Архангельска, остановилась на богомолье въ Троице-Сергіевой лаврѣ; отсюда она заѣхала въ Хотьковъ монастырь, гдѣ у нихъ была одна знакомая монахиня. Здѣсь, у этой монахини мать на время оставила своихъ дѣтей, а сама по дѣламъ отправилась въ Москву. Предполагая пробыть въ Москвѣ очень не долго, она неожиданно и опасно тамъ заболѣла, и принуждена была пробыть около трехъ мѣсяцевъ. Въ отсутствіе матери, дѣти вскорѣ перешли отъ монахини въ домъ священника, о. Іоанна Алексѣева, который отвелъ имъ особую комнату. Въ этой комнатѣ и находилась въ то время прославленная нынѣ чудотвореніями

икона Божіей Матери—Черниговская. Не получая долго отъ матери своей никакихъ извѣстій, дѣти весьма скорбѣли о ней и плакали, особенно старшая дочь Александра, которой въ то время было уже 23 года. О. Іоаннъ, утѣшая ее, указывалъ ей на икону Богоматери и совѣтовалъ прибѣгать съ молитвою къ Заступницѣ скорбящихъ. Александра Григорьевна и прежде ежедневно обращалать съ усердною молитвою къ Богоматери; теперь же она усилила свои молитвы, и взирая на икону Ея, часто проливала теплыя слезы. Кромѣ добраго совѣта, священникъ, утѣшая дѣтей, обѣщался самъ поѣхать въ Москву и отыскать тамъ ихъ мать. И дѣйствительно, чрезъ три дня по отъѣздѣ священника, мать возвратилась въ Хотьковъ къ своимъ дѣтямъ совершенно здоровою. Дѣти узрѣли чудную помощь Богоматери, и еще большее возымѣли благоговѣніе къ Ея иконѣ: они просили священника отслужить предъ иконою благодарственный молебенъ, и при этомъ Александра Григорьевна выразила желаніе имѣть у себя съ этой иконы копію. Священникъ, зря ея усердіе, благословилъ ее самою этою иконою, и сказалъ, что отдастъ ее ей, како только онѣ совсѣмъ устроятся въ Москвѣ. По пріѣздѣ въ Москву, семья Филипповыхъ поселилась въ домѣ князя Бориса Черкасскаго[1]), на Никитской улицѣ, а чрезъ нѣкоторое время, именно въ сентябрѣ 1826 года, имп была получена отъ священника и икона Богоматери. Александра Григорьевна пригласила живописца, который очистилъ ликъ и одежду на иконѣ и возстановилъ вокругъ главы сіяніе.

Черниговская икона Богоматери писана на полотнѣ въ

[1]) За сына этого князя—Александра Борисовича, одна изъ дочерей Филипповыхъ—Варвара вышла замужъ; по этому-то княжна Черкасская и явилась впослѣдствіи главною жертвовательницею на устроеніе новаго пещернаго храма; младшая дочь Филипповыхъ—Екатерина поступила въ Московскій Зачатіевскій монастырь, гдѣ и скончалась монахиней; Александра Григорьевна оставалась дѣвицей до кончины своей, послѣдовавшей въ 1862 году, на 62 году ея жизни, и погребена за алтаремъ пещернаго храма.

прошедшемъ (XVIII) столѣтіи, и имѣетъ въ вышину одинъ аршинъ двѣнадцать вершковъ, а въ ширину одинъ аршинъ пять вершковъ. Она представляетъ собою списокъ съ чудотворной иконы Божіей Матери Черниговской-Ильинской, находящейся въ каѳедральномъ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ, въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, и писанной въ 1658 году икономъ Геннадіемъ. По времени, Александра Григорьевна украсила икону сребропозлащенной короной съ драгоцѣнными камнями и фермуаромъ [1]), и частію покрыла ее серебряными оплечьями съ позлащенными лучами. По смерти же матери своей, Натальи Григорьевны, дочь ея Александра Григорьевна, глубоко благоговѣя предъ священнымъ изображеніемъ Божіей Матери и сама уже приближаясь къ лѣтамъ старости, пожелала помѣстить сію святую икону въ такое мѣсто, гдѣ бы она была достойно чтима и хранима. Бывая часто на богомольѣ въ Троице-Сергіевой лаврѣ, она обратилась однажды къ о. намѣстнику лавры архимандриту Антонію за совѣтомъ, гдѣ бы приличнѣе помѣстить святую икону? О. намѣстникъ сначала указалъ было на лаврскую Смоленскую церковь, но потомъ посовѣтовалъ поставить ее въ церкви архистратига Михаила, въ пещерахъ Геѳсиманскаго скита, незадолго предъ симъ освященной. Этотъ совѣтъ былъ принятъ Александрой Григорьевной съ радостью, и о. намѣстникъ послалъ съ нею въ Москву за иконой одного изъ скитскихъ іеромонаховъ, съ которымъ жертвовательница и перевезла икону прямо въ пещеры.

1-го сентября 1869 года совершилось предъ сею иконою первое чудо. Въ этотъ день при иконѣ Богоматери внезапно исцѣлилась отъ тягчайшей болѣзни крестьянская жена Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда, Дѣдловской

[1]) Фермуаръ этотъ полученъ ею отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны въ награду за отличное прохожденіе ею должности классной дамы при малолѣтнемъ отдѣленіи Московскаго кадетскаго корпуса, въ каковой должности она состояла съ 1831 по 1840 годъ.

волости, деревни Черной Грязи, Ѳекла Адріанова, 28 лѣтъ. Подробности этого чуда слѣдующія. Ѳекла Адріанова, простая по происхожденію и состоянію, но замѣчательная по силѣ вѣры и терпѣнію, отъ ранней юности какъ бы предназначена была Промысломъ Божіимъ къ тому, да явятся дѣла Божіи на ней. Съ отрочества своего любила она ходить въ храмъ Божій на молитву, и постоянно имѣла желаніе побывать въ обители преподобнаго Сергія. Кромѣ молитвы, душевнымъ утѣшеніемъ для нея было помогать страннікамъ, чѣмъ и какъ могла. Рукодѣліемъ ея было вязаніе четокъ, и этимъ добывала она себѣ средства къ пропитанію. До выхода въ замужество она пользовалась полнымъ здоровьемъ и никогда не чувствовала никакой болѣзни; но въ день брака ощутила сильное головокруженіе и изнеможеніе силъ. Съ этого времени началось ея десятилѣтнее мучительное страданіе. Чрезъ полтора мѣсяца послѣ брака подверглась она совершенному разслабленію всѣхъ членовъ тѣла; шесть лѣтъ лежала неподвижно на одномъ боку, руки и ноги ея не дѣйствовали, голова не подымалась, и пищу принимала она лежа, изъ рукъ другихъ. Неоднократно обращались съ больной къ медицинской помощи, но болѣзнь не уступала усиліямъ врачей, а напротивъ, все болѣе и болѣе усиливалась и дѣлалась мучительнѣе. Въ скорби души своей больная находила одно утѣшеніе въ молитвѣ, отъ одного только Господа вѣровала и надѣялась получить исцѣленіе. По истеченіи слишкомъ шести лѣтъ, проведенныхъ въ такомъ болѣзненномъ состояніи, родные ея, по неотступной ея просьбѣ, предприняли съ нею путешествіе по разнымъ святымъ мѣстамъ; въ 1866 году была она въ лаврѣ преподобнаго Сергія, а затѣмъ была въ Задонскѣ и въ Воронежѣ, гдѣ остановилась въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; по свидѣтельству тамошней игумены Анастасіи, которая приняла ее въ свою келлію, Ѳеклу принесли къ ней въ келлію на рукахъ;

она не могла даже сидѣть, но постоянно лежала, больше на лѣвомъ боку, въ разслабленіи всего тѣла; руки ея были такъ слабы, что она чашки съ чаемъ не могла держать ими. Изъ Воронежа 16 августа она поѣхала въ Кіевъ; на пути была въ Борисовской пустыни, Курской губерніи; въ Кіевѣ прожила восемь мѣсяцевъ, и 25 мая 1867 г., на обратномъ пути, пріѣхала въ Воронежскій Покровскій монастырь и убѣдительно просила игуменью Анастасію дозволить ей хотя временно пожить въ обители, въ надеждѣ исходатайствовать себѣ увольнительную для поступленія въ монастырь бумагу; при себѣ же она имѣла годовой паспортъ, съ которымъ и осталась въ монастырѣ.

Въ это время, по свидѣтельству игуменьи Анастасіи, замѣтно было, что силы ея нѣсколько укрѣпились, руки окрѣпли, ногами же она по прежнему не владѣла, и при томъ жаловалась часто на головную боль; игумешья предлагала ей пригласить доктора, но она рѣшительно отказалась, говоря что ее лѣчили доктора, но пользы никогда не было, а еще хуже при лѣченіи себя чувствовала; послѣ этого игумешья оставила ее на волю Божію, тѣмъ болѣе, что Ѳекла съ терпѣніемъ несла свой крестъ. Въ такомъ положеніи Ѳекла провела въ Покровскомъ монастырѣ два года, и въ маѣ 1869 г., по дѣлу объ ея увольненіи въ монастырь, вытребована была въ свою деревню. Въ августѣ того же года она опять привезена была въ лавру преподобнаго Сергія; здѣсь она пожелала быть въ окружающихъ Лавру обителяхъ. 1-го сентября въ $9^1/_2$ час. утра подвезли ее къ пещерамъ Геѳсиманскаго скита; она просила, чтобы снесли ее въ пещеры, въ которыхъ прежде она не бывала. Привезшій ее на своей лошади крестьянинъ Богородицкаго же уѣзда, дер. Березовки, Анастасій Яковлевъ, съ помощью сопровождавшей ее крестьянской дѣвицы того же уѣзда дер. Сухановки, Дарьи Евдокимовой, снялъ болящую съ повозки и въ сопровожденіи

проводника пещернаго, послушника Николая Сергѣева, и нѣкоторыхъ богомольцевъ, понесли больную въ пещеры. Когда она внесена была въ храмъ архистратига Михаила, то почувствовала въ себѣ нѣчто необыкновенное: ею овладѣлъ какой-то страхъ, соединенный съ радостію; ей казалось, что она въ Кіевѣ, и стала она съ благоговѣйнымъ трепетомъ и со слезами прикладываться къ иконамъ пещернаго храма. Когда же поднесли ее къ Черниговской иконѣ Богоматери, больная вдругъ громко возопила: „пустите, пустите меня!“ Державшіе ее, крестьянинъ Анастасій и дѣвица Дарья, отъ страха недоумѣвали, что дѣлается съ больной, и чувствовали, что будто какая-то сила тянетъ ее изъ ихъ рукъ къ иконѣ, кости и суставы въ тѣлѣ больной хрустѣли; ее выпустили изъ рукъ, и къ общему изумленію больная внезапно становится на ноги и падаетъ потомъ ницъ предъ иконою Богоматери, утопая въ слезахъ умиленія и изливая предъ иконою чувство благодарности. Вопли ея и рыданія привели всѣхъ бывшихъ тутъ въ умилительно благоговѣйный страхъ; всѣ видѣли, что предъ глазами ихъ совершилось чудное дѣйствіе милосердія Царицы небесной. По молитвѣ, поднявшись съ помощію сопутствовавшихъ, исцѣлившаяся могла уже сама идти, слегка поддерживаемая, къ прочимъ мѣстамъ пещеръ. Послѣ того она стала ходить свободно безъ посторонней помощи, и дѣйствовать руками также свободно; только въ ногахъ ощущала еще нѣкоторую слабость. Она пробыла послѣ того въ гостинницѣ при пещерахъ и потомъ въ Лаврѣ три недѣли, и все это время чувствовала себя совершенно здоровою, и теперь пребываетъ въ Воронежскомъ Покровскомъ монастырѣ въ полномъ здравіи.

Въ дополненіе къ описанію сего чуда авторъ присовокупляетъ разсказъ, сообщенный Московскому митрополиту Иннокентію его дочерью, бывшею казначеей Борисовской пустыни, монахиней Поликсеніей: „Въ августѣ

1866 г., разсказывала она, въ одну ночь, предъ заутренею, во снѣ вдругъ усышала я въ келліи голосъ, говорившій мнѣ: „приготовься нынѣ принять къ себѣ Θеклу.“ Я встала въ изумленіи: вижу, никого нѣтъ въ келліи; стала думать о названномъ мнѣ имени, и не нашла никого, ни въ монастырѣ, ни изъ посторонихъ знакомыхъ мнѣ съ именемъ Θеклы, кто бы могъ придти ко мнѣ. Въ раздумьи и смущеніая сходила къ заутрени. Когда же я пошла къ ранней обѣднѣ, вижу близь церкви на носилкахъ лежитъ женщина, и при ней никого нѣтъ. Я спросила, почему-жъ нейдетъ она въ церковь? Она мнѣ отвѣчала, что не можетъ ходить, и что женщины, которыя ее принесли, пошли въ церковь отыскать тамъ мѣсто, гдѣ бы было удобнѣе помѣстить ее на время службы. Я пришла въ церковь; спустя четверть часа внесли въ церковь женщину, которую я видѣла, и положили ее на полъ. Тогда подумала я: ахъ, какъ согрѣшила я! Что бы мнѣ принять участіе въ этой больной женщинѣ и велѣть послушницамъ внести ее раньше, и избавить ее отъ холода? Движимая сожалѣніемъ къ этой больной женщинѣ, велѣла я послушницамъ спросить ее объ имени и, подавъ просфору для вынутія за ея здравіе, отдать ей. Я видѣла, какъ послушница исполнила это, и когда она возвратилась ко мнѣ, я спросила: какъ зовутъ больную?—„Θекла“, отвѣчала она. Тогда я пришла въ великое изумленіе и едва могла достоять литургію, и по благословенію игуменьи Макаріи, въ кельяхъ которой я жила, пригласила къ себѣ эту больную женщину, о которой предвозвѣщено мнѣ было во снѣ. Здѣсь я узнала отъ нея исторію ея страданій. Отъ меня изъ келліи она отнесена была въ гостинницу на носилкахъ. Пробывши въ гостинницѣ двое сутокъ, Θекла Адріанова съ другими, прислуживавшими ей, отправилась на лошади въ Кіевъ на богомолье“.

Услышавъ этотъ разсказъ отъ своей дочери, митрополитъ,

по прибытіи въ Лавру къ празднику преподобнаго Сергія чудотворца, пожелалъ видѣть прибывшую на сей праздникъ въ Лавру Ѳеклу Адріанову, лично распрашивалъ ее о ея жизни и болѣзни, которою она страдала, и чудесномъ ея исцѣленіи. На другой день, 26 сентября 1869 г., митрополитъ прибылъ въ Гевсиманскій скитъ и въ пещерномъ храмѣ, приказавъ совершить молебное пѣніе предъ чудотворною иконою Богоматери, молился со слезами [1]).

Чрезъ двѣ недѣли послѣ исцѣленія Ѳеклы Адріановой, 14 сентября, въ день Воздвиженія честнаго Креста, совершилось другое чудо отъ сей иконы: исцѣлился страдавшій восемь мѣсяцевъ изступленіемъ ума, крестьянинъ Владимірской губ., Александровскаго уѣзда, Порѣцкой вол., дер. Подсосиной, Иванъ Тимоѳеевъ, отъ роду сорока лѣтъ. Припадки его были такъ сильны и онъ приходилъ въ такое ожесточеніе противъ всего его окружающаго, что домашніе вынуждены были сковывать его цѣпью. Когда совѣтовали ему сходить куда-нибудь помолиться, онъ не хотѣлъ того слышать, и осыпалъ говорившихъ бранью, даже готовъ былъ нанести имъ удары. Когда же въ деревнѣ разнесся слухъ о исцѣленіи разслабленной въ пещерномъ храмѣ, жена больнаго, послѣ долгой перѣшительности и боязни, предложила ему сходить въ Гевсиманскій скитъ, разсказавъ ему о недавно совершившемся тамъ чудѣ отъ иконы Богоматери. Больной, къ немалому удивленію жены и домашнихъ, охотно согласился идти въ скитъ, а на другой день самъ напомнилъ объ этомъ, и 14 сентября пришли они въ пещеры. Во всю дорогу въ немъ не замѣтно было никакого тревожнаго состоянія, и въ пещерномъ храмѣ, во время молебнаго

[1]) Нужно замѣтить, что у митрополита Иннокентія была еще дочь, по имени Ѳекла, младшая изъ всѣхъ дѣтей его. Можетъ быть, и это обстоятельство имѣло значеніе для возбужденія въ немъ силы чувства по поводу исцѣленія Ѳеклы Адріановой.

пѣнія Богоматери, онъ молился усердно, съ чувствомъ прикладывался къ святой иконѣ и тутъ же ощутилъ, что ему становится очень легко. Переночевавъ въ пещерной гостинницѣ, онъ на другой день отправился съ женою и съ крестьяниномъ Алексѣемъ Михайловымъ въ Лавру, затѣмъ пришелъ къ живущему въ посадѣ подрядчику Мирону Акиѳіеву, у котораго ночевалъ двѣ ночи, и затѣмъ совершенно здоровый возвратился въ деревню.

На другой день, 15 сентября, послѣдовало новое знаменіе милости Богоматери отъ Ея святой иконы: получили исцѣленіе двѣ малолѣтнія дочери проживавшаго въ Сергіевскомъ посадѣ губернскаго секретаря И. П. Бологова: Софія одного года и Елена трехъ лѣтъ. Первая была въ совершенно безнадежномъ состояніи, и родители обрекли ее уже на смерть, а другая больна была глазами; обѣ послѣ молебна и помазанія елеемъ изъ лампады отъ иконы Богоматери внезапно и совершенно выздоровѣли, и благодарная мать послѣ того, многократно посѣщая пещерный храмъ, воздавала благодареніе Богоматери за Ея чудодѣйственную помощь.

Съ этого времени отъ Черниговской иконы Божіей Матери потекли исцѣленія обильной струей. Въ книжицѣ о сей чудной иконѣ, составленной священникомъ о. Іоанномъ Миловидовымъ, описано 86 чудотвореній, изъ коихъ послѣднее относится по времени къ 6 мая 1884 года. А сколько еще подобныхъ чудесныхъ знаменій, восклицаетъ помянутый авторъ, остались сокрытыми въ неизвѣстности! Слава о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ иконы Богоматери привлекаетъ въ пещерный храмъ многочисленныхъ богомольцевъ, и пожертвованія на украшеніе иконы отъ усердствующихъ притекаютъ обильно. Такъ, въ 1870 году, усердіемъ князя Г. И. Грузинскаго, по случаю исцѣленія предъ сею иконою больной его дочери, сдѣлана была на икону серебряная изящной работы риза, а въ 1882 году, усердіемъ крестьянина

Александровскаго уѣзда, села Кипрова, Д. В. Киселева. чудотворная икона украсилась новою сребропозлащенною ризою съ эмалью, со звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней и множествомъ дорогихъ брилліантовъ. Кромѣ богатыхъ украшеній самой иконы, предъ нею висятъ нѣсколько десятковъ неугасимыхъ дорогихъ лампадъ, разной величины и вида.

X.

Новый храмъ во имя Черниговской иконы Божіей Матери. Празднованіе въ честь сего чудотворнаго образа. Прочія зданія Пещерной обители.

По причинѣ множества и постоянно увеличивающагося числа притекающихъ къ сему чудотворному образу богомольцевъ, самые храмы, какъ нижній, въ которомъ помѣщается чудотворная икона, и гдѣ постоянно совершаются молебствія, такъ и верхній надъ нимъ, гдѣ отправляется ежедневное богослуженіе, оказались тѣсными и не соотвѣтствующими болѣе потребности. Поэтому явилась необходимая потребность устроить на этомъ мѣстѣ болѣе обширный храмъ, при чемъ главный придѣлъ новаго храма предположено было освятить въ честь самой чудотворной Черниговской иконы Богоматери. Построеніе новаго храма предположено было вести такъ, чтобы нижній храмъ во имя архистратига Михаила, гдѣ пребываетъ самая чудотворная икона, оставался до времени неприкосновеннымъ, и служба въ немъ, по возможности, не прекращалась бы во все время производства работъ по возведенію новаго храма.

Составленіе проекта новаго храма, равно какъ и наблюденіе за постройкою его, поручено было архитектору, гражданскому инженеру Николаю Владиміровичу Султанову. Выборъ этотъ нельзя не признать въ высшей степени удачнымъ, какъ показываетъ самый созданный храмъ, который по изяществу своему является единственнымъ въ

Надпещерная церковь Гевсиманскаго скита съ западной стороны.

Къ стр. 86.

своемъ родѣ. Для завѣдыванія хозяйственною частію по постройкѣ, была образована строительная коммиссія, въ составъ которой вошли: ризничій Лавры архимандритъ Аѳанасій, помощникъ лаврскаго эконома іеромонахъ Геннадій, строитель Геѳсиманскаго скита соборный іеромонахъ (нынѣ игуменъ) Даніилъ и завѣдующій пещерною обителію іеромонахъ Нектарій. Но главнымъ и почти единственнымъ дѣятелемъ во всемъ этомъ предпріятіи былъ строитель скита о. Даніилъ. Его энергіи, заботамъ, труду, находчивости и вкусу пещерная обитель по преимуществу обязана какъ существованіемъ въ ней сего новаго храма, такъ и тѣмъ величіемъ его и изяществомъ отдѣлки, которыя такъ пріятно удивляютъ и поражаютъ собою всѣхъ любителей благолѣпія дома Божія.

По первоначальному предположенію архитектора Султанова, вся постройка должна была окончиться въ теченіе трехъ лѣтъ (1886—1888); изъ нихъ первые два года назначались на возведеніе зданія вчернѣ, а послѣдній—на внутреннюю отдѣлку. На дѣлѣ же однако для одной только работы вчернѣ потребовалось четыре года. Замедленіе это, по объясненію архитектора, произошло отъ того, что уже послѣ первоначальнаго предположенія, скитскимъ начальствомъ было заявлено ему желаніе—по возможности долѣе не разбирать старой церкви и не требовать прекращенія въ ней богослуженія. Между тѣмъ, по освидѣтельствованіи фундамента этой церкви, оказалось, что онъ имѣетъ глубины всего только 12 вершковъ, вслѣдствіе чего устройство фундамента новой церкви вокругъ старой являлось дѣломъ крайне опаснымъ и затруднительнымъ, бутовую кладку пришлось выводить не сразу, а постепенно, малыми частями, почему устройство новаго фундамента затянулось на цѣлое лѣто, а предположенную первоначально въ этотъ же періодъ выкладку стѣнъ пришлось отложить до слѣдующаго года. За тѣмъ, въ виду крайней ветхости старой церкви и необходимости

не прекращать возможно долѣе богослуженіе въ ней, оказалось нужнымъ вести кладку стѣнъ и столбовъ съ исключительными мѣрами предосторожности, которыя крайне замедляли работу. Цѣлесообразность и необходимость всѣхъ предпринятыхъ мѣръ предосторожности вполнѣ оправдалась тѣмъ, что это труднѣйшее въ строительномъ отношеніи дѣло обошлось, благодареніе Богу, вполнѣ благополучно, не смотря на то, что богослуженіе въ нижнемъ храмѣ не прекращалось до послѣдней возможности, именно, до Пасхи 1889 года [1]).

Первоначальная смѣта по сооруженію новаго храма составлена была архитекторомъ Султановымъ въ суммѣ 103,494 рубля 92 коп. Въ дѣйствительности же стоимость эта, по причинѣ изящества внутренней отдѣлки, потребовавшей и большаго времени, доведена, усердіемъ благотворителей, до суммы свыше 400,000 рублей. Главными жертвователями при этомъ были: 1) княгиня Елена Петровна Черкасская, которая лишь только освѣдомилась (въ мартѣ 1886 г.), что „по ветхости и тѣснотѣ пещернаго храма составляется благотворителями капиталъ для возведенія на мѣсто его новаго храма“, представила отъ себя въ лаврскій Учрежденный Соборъ 10,000 рублей, при чемъ объяснила, что съ сѣверной стороны пещерной церкви въ прошломъ (1885) году предано землѣ тѣло мужа ея, князя Бориса Александровича Черкасскаго, и съ нимъ въ одномъ склепѣ пріуготовлено мѣсто и для нея, которое, при сооруженіи новаго храма, должно войти въ его зданіе, а потому она просила, чтобы придѣлъ, имѣющій быть по мѣстоположенію надъ ихъ могилой, былъ освященъ во имя святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, съ учрежденіемъ вѣчнаго поминовенія рабовъ Божіихъ князя Бориса и княгини Елены. Впослѣдствіи въ той же усыпальницѣ похоронена и дочь ихъ, баронесса

[1]) Дѣло Учрежд. Соб. Лавры 1886 г. № 38.

Марія Борисовна Бюлеръ, а затѣмъ и самая эта усыпальница обращена въ придѣльный подземный храмъ во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, который и устроенъ на средства той же княгини Черкасской. 2) Отъ продажи завѣщаннаго на сей предметъ Маріей Кирилловной Нарышкиной имѣнія поступило на устроеніе новаго пещернаго храма 20,000 рублей.—3) Потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Сергѣемъ Павловичемъ Патрикѣевымъ израсходовано на устройство въ томъ-же храмѣ вверху, съ южной стороны, придѣла во имя святаго пророка Иліи, 25,000 рублей.—4) Московскою купеческою вдовою, Александрою Игнатьевною Осиповою пожертвовано на построеніе храма 11,000 рублей, и употреблено на внутреннюю отдѣлку, а главное на устройство иконостаса средняго главнаго придѣла во имя Черниговской иконы Божіей Матери 91,000 рублей, а всего ею пожертвовано на этотъ храмъ 102,000 рублей.—5) Купецъ Михаилъ Васильевичъ Моргуновъ уплатилъ за устройство крестовъ на главахъ храма 8,000 рублей.—6) Крестьянинъ Владимірской губерніи Даніилъ Васильевичъ Киселевъ пожертвовалъ на построеніе храма 2,000 рублей, и на колоколъ 8,500 рублей, всего 10,500 рублей.—7) Купецъ Василій Петровичъ Аигинъ пожертвовалъ кирпичу 200,000, и устроилъ отъ себя металлическую одежду на престолъ,—всего на сумму болѣе 6,000 рублей.

Все это,—„дары богатые“ богатыхъ, отъ избытковъ своихъ ввергшихъ „въ храмъ имѣнія своя“. А сколько было лептъ убогихъ вдовицъ, которыя „отъ лишенія своего“, трудовую свою копѣйку, составляющую всю ихъ жизнь, ввергали „въ даръ Богови“,—это вѣдомо единому Богу!...

По наружному своему виду храмъ во имя Черниговской иконы Божіей Матери очень красивъ. Онъ устроенъ въ древне-русскомъ стилѣ XVI вѣка. Вся постройка

храма, какъ сказано выше, велась надъ существовавшимъ раньше надпещернымъ храмомъ, къ сломкѣ котораго было приступлено только тогда, когда стѣны новаго храма были выведены до кровли. По сломкѣ стараго надпещернаго храма было тотчасъ же приступлено къ окончанію и отдѣлкѣ внутренности новаго. Нижній пещерный храмъ во имя святаго архистратига Михаила оставленъ почти въ прежнемъ видѣ, и къ нему лишь прибавлены по бокамъ придѣлы и пристроены съ западной стороны по угламъ лѣстницы съ мраморною облицовкою внутри.

Въ длину новый храмъ имѣетъ отъ паперти до горняго мѣста восемьнадцать сажень, въ ширину съ придѣлами пятнадцать сажень, а въ вышину съ крестомъ около двадцати сажень. Придѣлы находятся въ одну линію съ главнымъ алтаремъ и соединены съ нимъ широкими арками. Внутри храмъ вообще имѣетъ крестообразную форму, такъ какъ съ восточной стороны выступаютъ отъ средней части храма алтари, а съ западной— отдѣленная глухою каменною стѣной лѣстница, ведущая въ нижнюю пещерную церковь; входныхъ дверей, по обычаю древнихъ храмовъ, три, всѣ рѣшетчатыя. Верхъ храма увѣнчанъ пятью куполами въ древне-византійскомъ стилѣ; на среднемъ изъ нихъ глава и крестъ вызолочены чрезъ огонь, а остальные увѣнчаны вызолоченными крестами и украшены такими же подзорами. На фронтонѣ храма находятся писанныя по вызолоченному фону изображенія святыхъ.

Внутренность храма поражаетъ своимъ великолѣпіемъ. Иконостасъ главнаго средняго придѣла въ честь Черниговской чудотворной иконы Божіей Матери, по своей красотѣ и богатству украшеній, принадлежитъ къ числу выдающихся сооруженій. Длиною онъ восемьнадцать аршинъ, а вышиною четырнадцать аршинъ, и весь сдѣланъ изъ красной мѣди, вызолоченной по особому способу путемъ гальванопластики, впервые примѣненной въ

такихъ обширныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ этотъ иконостасъ, по способу своего устройства, является первымъ въ Россіи. Онъ четырехъ-ярусный, и представляетъ точную копію съ иконостаса храма св. Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ, построеннаго царемъ Іоанномъ Грознымъ. Колонны, царскія врата, сѣнь надъ ними и вообще весь иконостасъ по мѣстамъ украшенъ чеканною работой и разноцвѣтною эмалью, что придаетъ ему, въ особенности при солнечномъ освѣщеніи, великолѣпный видъ. Вѣсу въ иконостасѣ до тысячи пудовъ въ мѣди; на позолоту его было употреблено золота около пуда. Царскія врата мѣдныя, вызолоченныя, чеканной работы, устроены по образцу царскихъ вратъ XVI вѣка, сохранившихся въ древнихъ храмахъ Новгорода. На нихъ помѣщены иконы Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и святыхъ Евангелистовъ, а на столбикахъ по сторонамъ ихъ, изображенія серафимовъ и святыхъ вселенскихъ святителей. По правую сторону царскихъ вратъ—икона Господа Вседержителя, сѣдящаго на престолѣ, вышиною около трехъ, а шириною болѣе одного аршина. Она украшена драгоцѣнною серебряною вызолоченною ризою художественной работы. Рядомъ съ нею помѣщается икона Живоначальныя Троицы, писанная по вызолоченному фону; далѣе—южная дверь, надъ которой помѣщены небольшія иконы святыхъ: Даніила Столпника, преподобнаго Досиѳея и мученика Іларія (имена коихъ носятъ потрудившіеся въ созиданіи храма сего—строитель скита игуменъ Даніилъ, казначей іеромонахъ Іларій и начальствующій надъ пещерами благочинный іеромонахъ Досиѳей). По лѣвую сторону царскихъ вратъ находится Черниговская икона Божіей Матери—точная копія съ чудотворной; на ней риза такая же, какъ и на иконѣ Господа Вседержителя [1]).

[1]) Обѣ эти ризы стоятъ около 10,000 рублей и сооружены изъ лампадъ, пожертвованныхъ къ чудотворному образу Богоматери, но по времени пришедшихъ въ ветхость, вѣсомъ всего около двухъ пудовъ.

Далѣе—образъ преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца, затѣмъ—сѣверная алтарная дверь, надъ которой въ особыхъ кіотахъ помѣщаются три небольшія иконы: Маріи Магдалины, царицы Елены и преподобнаго Памвы.

Надъ мѣстными иконами расположенъ широкій поясъ съ клеймами изъ разноцвѣтной эмали и изображеніями серафимовъ, а надъ царскими вратами на сѣни—образа: Тайной Вечери, Снятія Спасителя со креста и Положенія Христа Спасителя во гробъ. Во второмъ ярусѣ помѣщены писанныя по вызолоченному фону изображенія: Деисусъ съ предстоящими и святыхъ Апостоловъ. Въ слѣдующемъ ярусѣ находится посрединѣ образъ Знаменія Божіей Матери, а по сторонамъ изображенія двѣнадцати Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ. Въ четвертомъ ярусѣ посрединѣ икона Господа Саваоѳа съ херувимами и двѣнадцать иконъ святыхъ пророковъ, надъ которыми размѣщены херувимы. Верхъ иконостаса заканчивается Распятіемъ съ предстоящими.

Стѣны храма покрыты живописью, исполненною художникомъ Сафоновымъ. Внизу стѣны обложены разноцвѣтнымъ мраморомъ. Клиросы также сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. За правымъ клиросомъ, въ роскошномъ мраморномъ кіотѣ, помѣщена большая икона святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, а за лѣвымъ клиросомъ — образъ святителя Николая. Возлѣ клиросовъ помѣщены металлическія хоругви, сооруженныя въ память чудеснаго спасенія Царскаго семейства 17 октября; на нихъ изображенія: Спаса Нерукотвореннаго образа, Знаменія Божіей Матери и святыхъ, тезоименитыхъ лицамъ Царскаго семейства.

Посреди храма громадное о шести ярусахъ вызолоченное паникадило; въ притворѣ помѣщено другое, меньшихъ размѣровъ, очень красиваго рисунка, украшенное по мѣстамъ разноцвѣтною эмалью; кромѣ того предъ иконостасомъ висятъ два вызолоченныхъ паникадила,

въ которыхъ вмѣсто свѣчей вставлены разноцвѣтные стаканчики. Предъ мѣстными иконами помѣщены роскошной работы вызолоченные и украшенные по мѣстамъ разноцвѣтной эмалью массивные подсвѣчники и лампады. Вся облицовка стѣнъ храма сдѣлана изъ темнокраснаго Бельгійскаго мрамора; полъ узорчатый изъ разноцвѣтныхъ плитъ. По сторонамъ сдѣлапы сѣдалища для братіи.

Обширный свѣтлый алтарь имѣетъ полукруглую форму и соединенъ арками съ придѣльными алтарями. Престолъ украшенъ богатою металлическою вызолоченною одеждою съ эмалью. На передней сторонѣ одежды художественно вычеканено изображеніе Тайной Вечери, а на боковыхъ сторонахъ—Сошествія во адъ, Моленія о чашѣ и Снятія Христа Спасителя со креста. По краямъ одежды помѣщены иконы преподобныхъ Іоапникія Великаго и Даніила Столпника, мученицы Татіаны, Василія Новаго, Сергія Радонежскаго и другихъ святыхъ, и сдѣлана эмалью надпись: „Въ царствованіе благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго Государя Императора Александра Александровича, по благословенію высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, митрополита Московскаго и Коломенскаго, сооружена сія одежда на святый престолъ, въ храмъ во имя чудотворнаго образа Черниговской Богоматери, что въ пещерахъ, при Геѳсиманскомъ скитѣ, иждивеніемъ потомственнаго | почетнаго гражданина Василія Петровича Анпгина, въ вѣчное памятованіе о милости Божіей ему ниспосланной; работали въ царствующемъ градѣ Москвѣ, при строителѣ скита, игуменѣ Даніилѣ“. Надъ престоломъ возвышается великолѣпная вызолоченная сѣнь, украшенная по мѣстамъ разноцвѣтною эмалью. Вверху эта сѣнь увѣнчана высокимъ шатровымъ куполомъ съ крестомъ, а на сводѣ ея помѣщено чеканное изображеніе Господа Саваоѳа съ надписью: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы

Твоея". Сѣнь эта поддерживается четырьмя массивными столбами, на которыхъ помѣщены съ эмалью изображенія святителей вселенскихъ, святителей Московскихъ, преподобнаго Сергія Радонежскаго и другихъ святыхъ. Позади престола устроено изъ краснаго дерева горнее мѣсто, а по бокамъ его—сѣдалища для священнослужителей. На алтарной стѣнѣ по сторонамъ горняго мѣста размѣщены большія кіоты съ образами, пожертвованными скиту разными благотворителями. Въ числѣ этихъ иконъ, по своей древности и по богатству украшеній, замѣчательны образа: чудотворной Смоленской иконы Божіей Матери, Тихвинской иконы Божіей Матери и Христа Спасителя.

По обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря имѣется по одному придѣлу. Съ сѣверной стороны, какъ сказано выше, придѣлъ во имя святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Въ немъ наиболѣе замѣчателенъ очень тонкой работы высеребренный бронзовый иконостасъ, и иконописнаго письма образа, затѣмъ большіе эмалевой работы подсвѣчники и шитыя хоругви и плащаница. Южный придѣлъ во имя святаго пророка Иліи по своему наружному благолѣпію почти ничѣмъ не отличается отъ сѣвернаго придѣла.

Внизу подъ главнымъ алтаремъ находится храмъ во имя святаго архистратига Михаила, гдѣ въ иконостасѣ съ лѣвой стороны царскихъ вратъ помѣщается чудотворная Черниговская икона Божіей Матери, въ честь которой устроенъ верхній храмъ. Алтарь этой подземной церкви, оставшійся въ первоначальномъ своемъ видѣ, очень не великъ, и вокругъ него имѣется корридоръ, соединяющійся съ церковію и съ общимъ корридоромъ пещеръ. Въ иконостасѣ, кромѣ мѣстныхъ иконъ, имѣются только одни царскія врата; ни южныхъ, ни сѣверныхъ дверей нѣтъ, а вмѣсто ихъ входы въ алтарь сдѣланы съ обѣихъ сторонъ изъ корридора. Съ восточной стороны алтарь также соединяется съ означеннымъ корридоромъ

посредствомъ пролета, закрытаго проволочною рѣшеткой, на которой имѣется изъ проволоки же изображеніе Святыя Троицы у Мамврійскаго дуба. Самая же церковь, гдѣ помѣщаются богомольцы, сначала была также очень мала; но впослѣдствіи, когда, по причинѣ чудесъ отъ Черниговской иконы Богоматери, стеченіе народа сильно увеличилось, она была распространена въ длину и ширину, и теперь сравнительно довольно просторна. Съ сѣверной стороны этой церкви находится придѣлъ во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. Въ этомъ придѣлѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе великолѣпный мраморный иконостасъ въ русскомъ стилѣ XVII вѣка, и прекрасное паникадило съ 84-мя разноцвѣтными лампадками въ видѣ большаго бронзоваго креста, по образцу паникадила храма святаго Марка въ Венеціи. Стѣны здѣсь облицованы очень красивыми плитами металлическаго камня, на фонѣ котораго выдѣляется на сѣверной стѣнѣ близь алтаря мраморная ниша надъ могилою князя Б. А. Черкасскаго, около котораго покоится также прахъ его супруги. Могила эта со стороны церкви обнесена желѣзною рѣшеткой. Также отдѣлена рѣшетчатыми дверями и вся передняя, предъалтарная часть этого придѣльнаго храма отъ трапезной его части. У рѣшетчатыхъ дверей на правой сторонѣ помѣщается копія съ чудотворной Черниговской иконы Божіей Матери, на которую надѣта та самая серебряная риза, которая была устроена первоначально на самую чудотворную икону княземъ Грузинскимъ, какъ сказано выше.

Въ трапезной части сего придѣла на сѣверной стѣнѣ имѣются надписи, указывающія мѣсто погребенія здѣсь: I) Дѣвицы Александры Григорьевны Филипповой — жертвовательницы главнѣйшей святыни пещеръ—Черниговской иконы Богоматери; II) Болярыни дѣвицы Маріи Кирилловны Нарышкиной, пожертвовавшей свое имѣніе на построеніе новаго храма и III) Духовника братіи

Геѳсиманскаго скита іеромонаха Тихона. Тѣло сего всѣми уважаемаго старца, о жизни котораго вкратцѣ будетъ упомянуто ниже, перенесено сюда пятнадцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, такъ какъ первоначальная могила его, при построеніи новаго храма, оказалась какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ надлежало быть стѣнѣ. При копаніи рва для фундамента подъ стѣну, когда гробъ его обнаружился, то въ ногахъ доска сама собою отвалилась, и всѣ увидѣли, что тѣло старца совершенно невредимо, какъ-бы недавно погребено. Братія осторожно вынули тѣло изъ прежняго гроба, положили въ новый и похоронили внутри придѣльнаго храма, впослѣдствіи освященнаго во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ.—Далѣе къ западу находится могила дочери князей Черкасскихъ, баронессы Бюлеръ.

Съ южной стороны средняго подземнаго храма, вмѣсто придѣла, за стѣной расположены подземные корридоры и въ нихъ по мѣстамъ келліи, въ которыхъ жили первоначальные насельники пещеръ. Пещеры идутъ сперва по восточной сторонѣ вокругъ алтаря, затѣмъ раздѣляются на двѣ вѣтви, и одна изъ нихъ имѣетъ выходъ у воротъ, а другая тянется по всей южной сторонѣ храма, также и по западной до половины, и здѣсь проходя мимо подземнаго кладезя, оканчивается входомъ въ храмъ. Келліи, въ которыхъ жили пещерники, при построеніи новаго храма, по возможности оставлены въ прежнемъ видѣ, и только нѣкоторыя изъ нихъ, которыя приходились тамъ, гдѣ надлежало быть колоннамъ, подверглись измѣненію. Сзади главнаго алтаря подземный корридоръ проходитъ мимо двухъ большихъ комнатъ, изъ коихъ одна—противъ самаго алтаря, извѣстна подъ названіемъ часовни, въ которой намѣстникъ Антоній, бывая въ пещерахъ, стоялъ во время богослуженій, особенно — полунощницы съ припѣвами аллилуіа, совершавшейся первоначально въ нижней церкви. Въ этой часовнѣ на

восточной стѣнѣ находится довольно большихъ размѣровъ икона Божіей Матери Иверская; по южной и сѣверной сторонамъ имѣются изображенія святыхъ, а на западной стѣнѣ возлѣ двери изображены въ ростъ: съ одной стороны намѣстникъ Антоній, какъ бы присутствующій при богослуженіи, а съ другой—основатель пещеръ съ своими дѣтьми. Другая комната—рядомъ съ часовней, въ прежнее время служила ризницей. Въ пещерахъ вообще довольно сухо; только на западной сторонѣ, гдѣ находится кладезь, на стѣнахъ держится постоянно сырость, какъ и предвидѣлъ это покойный митрополитъ Филаретъ, который писалъ при первоначальномъ открытіи кладезя: „О кладезѣ пещерниковъ мнѣ думалось, не произведетъ ли онъ у нихъ сырости, если вода не мала? Меня сею водою благословите“ [1]). Кладезь этотъ въ настоящее время приходится какъ разъ подъ папертію, и надъ нимъ снаружи на самой паперти устроена сѣнь и поставленъ бронзовый вызолоченный бассейнъ съ крестомъ и распятіемъ. Въ этотъ бассейнъ проведена вода снизу и здѣсь бываетъ водоосвященіе въ Преполовеніе и 1-го августа; а въ день Богоявленія—6-го января, водоосвященіе, по случаю холода, бываетъ надъ самымъ кладеземъ внутри пещеръ.

Торжественное освященіе главнаго алтаря новоустроеннаго храма во имя Черниговской иконы Божіей Матери совершено было 26-го августа 1893 года, преосвященнымъ епископомъ Александромъ, который управлялъ въ то время, за смертію митрополита Леонтія, Московскою епархіей, какъ первый ея викарій. Придѣльные алтари были освящены ранѣе, по мѣрѣ окончанія устройства каждаго. Первымъ былъ освященъ 20-го декабря 1888 года нижній придѣлъ во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ—намѣстникомъ лавры о. архиман-

[1]) Письмо 676, отъ 27 января 1849 г.

дритомъ Леонидомъ. Тотчасъ по освященіи сего придѣла, въ него перенесена на время чудотворная Черниговская икона Божіей Матери, былъ сдѣланъ сюда отдѣльный временный ходъ, и здѣсь, не смотря на крайнюю тѣсноту при безчисленномъ скопленіи богомольцевъ, продолжалось богослуженіе во все время, пока въ другихъ частяхъ храма производилась отдѣлка. Изъ верхнихъ придѣловъ, одинъ—во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба—освященъ 22-го октября 1889 г., а второй—во имя святаго пророка Иліи—15-го іюля 1890 года,—оба высокопреосвященнѣйшимъ Іоанникіемъ, бывшимъ въ то время митрополитомъ Московскимъ, а нынѣ—Кіевскимъ.

Празднованіе въ честь чудотворной Черниговской иконы Божіей Матери совершается 16-го апрѣля, и на этотъ день, по случаю храмоваго праздника, чудотворная икона торжественно переносится изъ нижняго храма въ верхній, гдѣ и совершается богослуженіе. Съ такою же торжественностію совершается здѣсь и другое празднованіе въ честь сей чудотворной иконы, именно 1-го сентября,—въ воспоминаніе перваго чуда, совершившагося милостію Богоматери отъ сей иконы въ 1869 году.

Кромѣ описаннаго новаго храма, пещерная обитель, попеченіемъ строителей скита, время отъ времени благоустроялась необходимыми зданіями. Такъ, еще въ 1870 году, при строителѣ игуменѣ Анатоліи, былъ выстроенъ здѣсь большой двухъ-этажный каменный корпусъ братскихъ келлій, во всю длину линіи по южной лицевой сторонѣ обители, и частію по восточной и западной сторонамъ, съ колокольнею посрединѣ и святыми воротами подъ нею. При томъ же строителѣ сооружены четыре деревянныхъ флигеля, изъ коихъ два двухъ-этажные, одинъ одно-этажный съ мезониномъ, одинъ—съ южной стороны трехъ-этажный, нижній этажъ каменный, а два верхніе деревянные, а съ сѣверной стороны двухъ-этажный; вся обитель обнесена при немъ деревянною

оградой съ каменными столбами, а за оградой, съ западной стороны, выстроена большая каменная трехъ-этажная гостинница, съ дворомъ и водопроводомъ. На всѣ эти постройки было употреблено болѣе 115.000 рублей.

При нынѣшнемъ строителѣ, игуменѣ Даніилѣ, деревянная ограда вокругъ всей обители замѣнена каменною, весьма обширною и очень красивою, съ башнями по мѣстамъ; внѣ ограды устроена другая большая трехъ-этажная гостинница, низъ каменный, и въ этомъ этажѣ помѣщается безплатная женская странноприимная, остальные два этажа деревянные, въ которыхъ имѣются удобныя помѣщенія для пріѣзжающихъ богомольцевъ. Произведено имъ также не мало и другихъ необходимыхъ построекъ. Кромѣ построекъ, пріобрѣтено имъ для пещерной обители при посредствѣ разныхъ благотворителей три большихъ колокола: одинъ въ 1008 пудовъ, другой въ 543 и третій въ 150 п., и для помѣщенія ихъ выстроена, только-что оконченная вчернѣ, весьма обширныхъ размѣровъ и очень красивой архитектуры колокольня, имѣющая въ вышину съ крестомъ 33 сажени, расположенная съ восточной стороны, по линіи новой ограды, прямо противъ дороги, ведущей въ пустынь Параклитъ.

Такимъ образомъ малыя пещерки, ископанныя трудолюбивымъ Филиппомъ и его сподвижниками, по времени превратились въ обширную, довольно благоустроенную обитель, которая годъ отъ года все болѣе и болѣе увеличивается и украшается новыми зданіями!

Пещерная обитель, состоя подъ управленіемъ Геѳсиманскаго скита, имѣетъ для ближайшаго наблюденія за порядками особаго ,своего благочиннаго, каковымъ въ настоящее время состоитъ іеромонахъ Досиѳей.

XI

Скитская часовня въ Москвѣ и кельи при ней; домъ въ Москвѣ; прочее скитское хозяйство.

Гефсиманскому скиту принадлежитъ часовня, построенная въ Москвѣ у Ильинскихъ воротъ усердіемъ Московскихъ купцовъ и освященная митрополитомъ Филаретомъ 11 іюля 1863 года. Въ ней хранятся части мощей святителя Николая, преподобнаго Сергія, великомученика Пантелеимона и другихъ святыхъ. Избраніе мѣста для поставленія скитской часовни близъ великаго Ильинскаго торга состоитъ въ связи съ воспоминаніемъ объ одномъ чудесномъ случаѣ заступленія Москвы предстательствомъ преподобнаго Сергія во время грозившаго Москвѣ бѣдствія. Въ княженіе великаго князя Василія Іоанновича, въ 1521 году, въ послѣднихъ числахъ іюля, неожиданно явился подъ Москвою съ многочисленнымъ войскомъ Крымскій ханъ Магометъ-Гирей. Татары сожгли Угрѣшскій монастырь и показались на Воробьевыхъ горахъ. Великій князь оставилъ Москву. Городу грозила бѣда немишуемая. Въ это время одна престарѣлая слѣпая монахиня Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря сподобилась чуднаго видѣнія. Стоя на молитвѣ, она оглушена была необыкновеннымъ шумомъ и видитъ что изъ кремля въ Спасскія ворота исходитъ сонмъ святителей и другихъ святолѣпныхъ мужей, облаченныхъ въ священныя одежды. Посреди ихъ несли Владимірскую икону Богоматери. Шествіе похоже было на крестный ходъ. Между святителями (по бесѣдѣ, которую имѣли они между собою, называя другъ друга по именамъ) она могла разпознать митрополитовъ Московскихъ: Петра, Алексія и Іону, Леонтія Ростовскаго и другихъ. Когда выступилъ изъ кремля этотъ соборъ святителей, на встрѣчу имъ „отъ великаго торговища Ильинскаго“ вышелъ преподобный Сергій, а съ другой

стороны прищелъ преподобный Варлаамъ Хутынскій. Преподобные, припавъ къ ногамъ святителей, вопросили ихъ, зачѣмъ идутъ они вонъ изъ города? Святители отвѣчали, что исходятъ по волѣ Божіей, за нечестіе города. Тогда преподобные стали умолять ихъ, чтобы они умилостивили Господа и Богоматерь своимъ ходатайствомъ,—и тотчасъ вмѣстѣ съ ними начали пѣть молебенъ, послѣ котораго, осѣнивъ городъ крестообразно, всѣ возвратились въ кремль, и видѣніе кончилось. Монахиня внезапно ощутила себя прозрѣвшею и повѣдала о бывшемъ ей видѣніи и о послѣдовавшемъ затѣмъ прозрѣніи духовному своему отцу, игумену стараго Никольскаго монастыря Давиду. Въ тотъ же день татары, никѣмъ не гонимые, поспѣшно отступили отъ Москвы, и такимъ образомъ Москва была спасена. Описанное здѣсь видѣніе было внесено въ лѣтопись по повелѣнію митрополита Макарія [1]), вступившаго на Московскій святительскій престолъ чрезъ 20 лѣтъ послѣ событія.

Мѣсто подъ часовню у Ильинскихъ воротъ было отведено Московскою Думою Геѳсиманскому скиту безвозмездно, и на устроеніе въ этомъ мѣстѣ часовни было испрошено Высочайшее соизволеніе. Для помѣщенія братіи, долженствующей состоять при часовнѣ, первоначально была приспособлена старая будка, бывшая у воротъ, а также—подвалъ подъ самой часовней. Въ этомъ сыромъ, тѣсномъ и темномъ помѣщеніи, шесть человѣкъ часовенныхъ ютились въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ. И хотя въ слѣдующемъ же году послѣ освященія часовни, по неудобству помѣщенія для братіи, было возбуждено ходатайство о дозволеніи поставить для нихъ, близъ часовни у Китайской стѣны, деревянный флигель; но предположенію этому не суждено было осуществиться. И только въ послѣднее время (въ 1892—1897 г. г.) Геѳсиманскому скиту уда-

[1]) Составителя великихъ Чети-миней.

лось исходатайствовать и приспособить для помѣщенія часовенной братіи башню, что надъ Ильинскими воротами, въ которой дотолѣ помѣщался Губернскій Архивъ. Ходатайство о передачѣ этой башни въ вѣдѣніе Геѳсиманскаго скита для означенной цѣли и приспособленіе ея къ сему, а также приспособленіе взамѣнъ того для Губернскаго Архива, согласно требованію Губернскаго начальства, на счетъ скита, Арсенальной башни кремлевской стѣны, было поручено казначею скита іеромонаху Иларію. И надобно отдать ему справедливость: дѣло это, довольно сложное и трудное, ходившее по разнымъ высшимъ инстанціямъ около пяти лѣтъ и восходившее на Высочайшее утвержденіе, наконецъ, благодаря энергіи и усиленному ходатайству отца казначея Иларія, получило желанное разрѣшеніе. Губернское начальство, находя Ильинскую башню недостаточно помѣстительною для Архива, согласилось уступить ее Геѳсиманскому скиту, если скитъ приметъ на себя расходы по приспособленію для Архива Арсенальной башни, исчисленные архитекторомъ въ 4.397 руб. 31 коп.. На уступку для Архива Арсенальной башни послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что если бы эта башня впослѣдствіи потребовалась для Министерства Императорскаго Двора, то она должна быть въ назначенный срокъ очищена. Въ свою очередь и Губернское начальство поставило скиту условіе: въ случаѣ требованія Арсенальной башни обратно для Дворцоваго вѣдомства,—очистить Ильинскую башню и вновь приспособить ее на свой счетъ для Губернскаго Архива. На всѣ эти условія казначей Иларій, какъ уполномоченный скита, изъявилъ согласіе. Приспособленіе обѣихъ башенъ—Арсенальной для Губернскаго Архива, а Ильинской для помѣщенія въ ней часовенныхъ братій, стало скиту 9.600 рублей.

Геѳсиманскому скиту въ Москвѣ, близъ Сухаревой башни, принадлежитъ каменный трехъ-этажный домъ съ

значительнымъ участкомъ земли, пожертвованной въ 1851 году женою коммерціи совѣтника Семена Логгиновича Лепешкина, Анною Васильевною Лепешкиною—съ тѣмъ чтобы земля эта съ находящимися на ней строеніями принадлежала собственно скиту и доходъ съ нея, по тому времени въ количествѣ 1000 руб. сер. въ годъ [1]), употребляемъ былъ на поддержаніе въ немъ заведеннаго общежитія; при чемъ въ прошеніи означенной жертвовательницы было оговорено, что если бы земля эта съ находившимися на ней въ то время деревянными лавками почему либо не могла быть усвоена Геѳсиманскому скиту: то она предоставляетъ себѣ сдѣлать о ней другое распоряженіе. Это обстоятельство, требовавшее, для принятія и укрѣпленія за скитомъ даруемаго имущества, Высочайшаго соизволенія, побудило митрополита Филарета оффиціально объяснить въ своемъ донесеніи Святѣйшему Синоду исторію основанія скита при лаврѣ. Съ Высочайшаго соисволенія, даруемая Лепешкиною земля въ маѣ 1851 года была укрѣплена за Геѳсиманскихъ скитомъ, а чрезъ это и самое существованіе скита получило оффиціальное признаніе [2]). Спустя послѣ того слишкомъ двадцать лѣтъ, бывшія на означенной землѣ деревянныя лавки, въ октябрѣ 1873 года сгорѣли, и вмѣсто ихъ выстроенъ скитомъ нынѣ существующій каменный домъ, стоившій скиту болѣе 97.000 рублей. Получаемая съ этого дома арендная плата, согласно назначенію жертвовательницы, идетъ на содержаніе братства скита.

Недалеко отъ скита, по дорогѣ, ведущей къ Виѳанскому монастырю, находится такъ называемая скитская ферма, заключающая въ себѣ необходимыя хозяйственныя учреж-

---

[1]) См. письмо 784 митрополита Филарета къ намѣстнику лавры, архим. Антонію (ч. III, стран. 64. Москва, 1883).

[2]) См. подробности этого дѣла въ *Собраніи мнѣній и отзывовъ митр. Моск. Филарета*, т. допол., стран. 308—313. Спб. 1887.

денія скита, какъ-то: скотный дворъ, овинъ, помѣщенія для рабочихъ; здѣсь же находится прачешная для стирки братскаго бѣлья, и пчельникъ.

XII

Особенности богослуженія Геѳсиманскаго скита. Тока или удареніе въ било. Порядокъ богослуженій въ скиту и пещерахъ вообще. Неусыпаемое чтеніе псалтири.

Выше было помянуто объ особенномъ богослуженіи, совершаемомъ въ пещерахъ Геѳсиманскаго скита и извѣстномъ подъ названіемъ „полунощницы съ аллилуіа“. Эта полунощница, совершаемая ежедневно съ вечера, кромѣ дней, въ которые положено бдѣніе, заключается въ томъ, что послѣ обычнаго послѣдованія полунощницы, вмѣсто шестопсалмія и каѳизмъ, начинается протяжное чтеніе „двунадесяти псалмовъ“ съ припѣвами „аллилуіа“, по трижды послѣ каждаго стиха и съ положенными тропарями; послѣ чего присовокупляется конецъ утрени, начиная съ осьмой пророческой пѣсни. Послѣдованіе это, начинаясь съ восьми часовъ вечера, продолжается до одиннадцати часовъ ночи.

Главную же особенность собственно скитскаго богослуженія составляетъ бдѣніе совершаемое на 17 августа, когда бываетъ воспоминаніе вознесенія съ тѣломъ на небо Богоматери, о чемъ апостолы извѣстились въ третій день послѣ Ея успенія. Это и есть главный праздникъ Геѳсиманскаго скита, и бдѣніе на этотъ день совершается по особому чину или послѣдованію, совершаемому въ Палестинѣ и въ Кіево-Печерской лаврѣ въ самый день Успенія, 15 августа [1]). Особенность этого богослуженія заключается въ томъ, что къ обычному праздничному

[1]) Праздновать въ скитѣ 17 августа указано митрополитомъ Филаретомъ. Письмо 436 къ архим. Антонію.

послѣдованію на день Успенія Пресвятыя Богородицы на утрени, послѣ „Богъ Господь“, присоединяются особые тропари, составленные въ честь преставленія Божіей Матери по подобію утреннихъ тропарей великой субботы: „Благообразный Іосифъ“... и проч., а затѣмъ присоединяются „Похвалы“, также составленныя въ честь Божіей Матери по подобію того послѣдованія, которое бываетъ на утрени въ великую субботу, съ припѣвами изъ семнадцатой каѳизмы. Греческій подлинникъ этого послѣдованія былъ присланъ приснопамятнымъ митрополитомъ Филаретомъ въ лавру къ о. намѣстнику Антонію при слѣдующемъ письмѣ: „Посылаю вамъ, о. намѣстникъ, Іерусалимское послѣдованіе на Успеніе Божіей Матери. Если Холмогоровъ [1]) можетъ сдѣлать начало перевода: то пусть пишетъ въ полстраницы, чтобы мнѣ просторнѣе было поправлять. А не то,—положите въ моей келліи въ скитѣ, чтобы я, когда Богъ велитъ, могъ исполнить сіе послушаніе“ [2]).

„Спасибо Холмогорову за трудъ,—писалъ владыка вскорѣ послѣ того [3]).—Мнѣ болѣе было бы работы писать все отъ слова до слова. Нѣкоторыя слова перевелъ онъ согласно съ тѣмъ, какъ они переводятся въ церковныхъ книгахъ, а нѣкоторыя на обумъ, какъ, напримѣръ ἁγνή—*агни,—чистая,* переводилъ постоянно: *агница*. Мнѣ хотѣлось соединить словенскій видъ рѣчи съ ясностію, потому я иногда перемѣнялъ порядокъ словъ, и не многія слова употребилъ нѣсколько новыя, вмѣсто болѣе древнихъ, темныхъ или обоюдныхъ для нынѣшняго понятія“.... Затѣмъ владыка входитъ въ нѣкоторыя подробности относительно перевода, предлагаетъ отцу намѣстнику прочитать исправленный имъ переводъ, и сказать, не представится ли возраженій, и присовокупляетъ: „Надобно

[1]) Михаилъ Семеновичъ, профессоръ Казанской духовной академіи, въ то время бывшій въ отставкѣ и проживавшій въ лаврѣ († 1 янв. 1853 г).

[2]) Письмо 538, отъ 5 октяб. 1846 г.

[3]) Письмо 543, отъ 28 октяб.

будетъ подумать о продолжительности службы... Въ великую субботу, которой служба есть образъ для настоящей, стихословится одна 17 каѳизма: для чего же здѣсь три каѳизмы?“—И дѣйствительно, согласно этому указанію владыки, чтенія рядовыхъ каѳизмъ въ этотъ день въ скитѣ не бываетъ, а вмѣсто ихъ предъ шестопсалміемъ бываетъ чтеніе сказанія о успеніи Пресвятыя Владычицы Богородицы, а послѣ шестопсалмія начинается собственно Іерусалимское послѣдованіе [1]). На „Богъ Господь“ поются тропари изъ Іерусалимскаго послѣдованія — тѣмъ же напѣвомъ, какъ и „Благообразный Іосифъ“. Въ это время изъ алтаря исходятъ священнослужащіе въ облаченіяхъ, неся образъ Успенія Пресвятыя Богородицы (шитый шелками въ видѣ плащаницы), который и полагаютъ на уготованномъ для сего мѣстѣ, среди церкви. Служащимъ и братіи раздаются свѣчи, также и народу. Клиросные поютъ тропари:

„Благообразныхъ ученикъ ликъ нынѣ божественный, о честная, нескверное тѣло Твое слезами чистыми омочивъ, яко ароматы во гробѣ честнѣ погребая, положи: но тридневно преставилася еси, Владычице, подающи мірови Божественную милость.

Слава: Егда снизшла еси къ смерти, Живота Мати безсмертная, тогда адъ удивися и ужасеся страшно: егда же узрѣлася еси преставльшися на небеса, Маріамъ, отъ гроба, вся силы небесныя взываху: живоносная Мати Живота нашего, слава Тебѣ.

И нынѣ: Священнымъ ученикомъ въ Геѳсиманіи тѣло Матере Божія носящимъ, пѣснь, юже возглашаю, прилична есть. Сего ради Христа Матери воистинну, единѣй Богоотроковицѣ возопійте: возстани о Владычице, подающи всѣмъ велію милость“.

[1]) По исправленному митрополитомъ Филаретомъ тексту напечатано въ 1872 году.

Во время пѣнія тропарей настоятель кадитъ святые образа, алтарь и всю церковь.

Послѣ тропарей, канонархъ возглашаетъ: *гласъ пятый!* и клиросные, какъ и въ великую субботу, начинаютъ умилительно пѣть: *Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ*, — и потомъ первый стихъ 17-й каѳизмы, а послѣ него стихъ „похвалы“ и т. д. Все послѣдованіе дѣлится на три статьи, согласно дѣленію каѳизмы на *славы;* первые три стиха каждой статьи поются протяжно, а остальныя читаются на распѣвъ. Читаютъ двое: одинъ—стихъ каѳизмы, а другой послѣ него—стихъ похвалы, пережидая каждый разъ другъ друга. Для образца приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ съ похвалами къ нимъ:

Блажени непорочніи въ путь, ходящіи въ законъ Господни.

Жизнь во гробѣ положился еси Христе, и Матерь живота полагается: страшное видѣніе ангеломъ и человѣкомъ.

Блажени испытающіи свидѣнія его, всѣмъ сердцемъ взыщутъ его.

Величаемъ Тя, Богородице чистая, и чтимъ святое Твое успеніе, и покланяемся честному гробу Твоему.

Не дѣлающіи до беззаконія въ путяхъ Его ходиша.

Маріамъ, како умираеши, жизнь вѣрныхъ? како же гробъ вмѣсти Твое тѣло, вмѣстившее невмѣстимаго всѣми.

Ты заповѣдалъ еси заповѣди Твоя сохранити зѣло.

Небесъ Царя Бога рождшая, въ небесное царство прелагаешися, чистая, царски.

Дабы исправилися путіе мои, сохранити оправданія Твоя.

Отъ земли преставилася еси и отъ земли никакоже отлучилася еси, всесвятая Богородице, избавляя весь міръ отъ бѣдъ.

И такъ далѣе... до конца первой статьи. Затѣмъ правый клиросъ поетъ: *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.*

Воспѣваемъ, Слове, Тебе всѣхъ Бога, со Отцемъ и Святымъ Твоимъ Духомъ, и славимъ Божественный зракъ Твой.—Лѣвый: *И нынѣ...* Блажимъ Тя вси роди, Бого-

родице Приснодѣво Владычице, и славимъ успеніе Твое. Потомъ опять правый клиросъ повторяетъ первый стихъ похвалъ: *Жизнь во гробѣ...* Затѣмъ малая ектенія, и, по возгласѣ, начинаютъ вторую статью, затѣмъ третью, тѣмъ же порядкомъ. Послѣ сего поютъ „Благословенны“, по подобію тѣхъ, которыя поются на воскресныхъ утреняхъ предъ чтеніемъ Евангелія, но также приспособленныя къ настоящему празднику, при чемъ, вмѣсто припѣва „Благословенъ еси Господи“.... поется: *Благословенная Владычице, просвѣти мя свѣтомъ Сына Твоего.* Затѣмъ, по обыкновенію, антифонъ: „Отъ юности моея“... Евангеліе,— и прикладываются къ образу. Канонъ Успенію—обычный, обоихъ творцевъ, и прочее послѣдованіе утрени, все до конца. Кончается это бдѣніе обыкновенно въ исходѣ 12-го часа ночи [1]). Утромъ 17 августа, предъ водоосвященіемъ, окропляются святою водою крестики и малые хлѣбы приготовляемые на этотъ день въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ штукъ для раздачи народу; раздача крестиковъ и благословенныхъ хлѣбовъ производится по окончаніи крестнаго хода, послѣ поздней литургіи.

[1]) Въ вышепомянутомъ дѣлѣ о построеніи скита, между прочимъ, сохранилось письмо о. намѣстника Антонія къ митрополиту Филарету отъ 14 ноября 1852 года, въ которомъ по поводу сего послѣдованія въ началѣ письма говорится: „Слава Господу, что чинъ Іерусалимскаго служенія вашими молитвами возвращенъ обители, какъ древнее ея благочестивое молитвословіе Богоматери, и прилично передано скиту, какъ юнѣйшему чаду ея, какъ и родители по плоти даютъ юнѣйшимъ древнее имѣніе свое. Если бы болѣе мы имѣли простоты въ мысляхъ и чистоты въ сердцѣ, то яснѣе бы видѣли, какъ наставляютъ насъ и помогаютъ (намъ) святые Божіи въ дѣлѣ общаго спасенія. Въ 1827-мъ году былъ я въ Кіевѣ на праздникъ Успенія, и съ сего же чина Іерусалимскаго у нихъ поются похвалы во время величанія; но и наполовину не совершаются сообразно этому чину. Только помню пѣли три стихиры, отъ каждой статьи каѳизмы по стихирѣ, а каѳизму и припѣвы Богоматери такъ бормоталъ канонархъ, что и ни слова разобрать нельзя было. Нынѣ, какъ услышали, что въ скитѣ чинъ этотъ совершается сполна, то, какъ мнѣ сказывали, года два стали полнѣе и тамъ совершать. Стало быть и этимъ хорошо обращеніе къ древнему чину, что въ благую ревность привели такую древнюю обитель“. (Дѣло Учр. Соб. 1843 г. № 165 л. 67).

Въ два часа дня скитскія ворота вновь затворяются для входа женскаго пола, до слѣдующаго года.

Въ прочіе дни служба въ Гевсиманскомъ скиту и весь уставъ монастырскій соблюдаются по образцу Саровской пустыни. На повечеріи ежедневно читаются каноны: Іисусу сладчайшему, Божіей Матери и Ангелу Хранителю, при чемъ послѣдній мѣняется иногда по потребности дня. Послѣ кановновъ бываетъ правило, состоящее изъ поклоновъ, и по отпустѣ поются три стихиры Кресту: „Господи, оружіе на діавола“... „Иже крестомъ ограждаеми“... и „Точію водрузися древо“.... Послѣ вечерней трапезы читается конецъ повечерія, за тѣмъ молитвы на сонъ грядущимъ и помянникъ. Предъ поздней литургіей послѣ часовъ всегда читается акаѳистъ, когда какой положенъ. Пѣніе въ скиту „столповое“. Къ службамъ церковнымъ братія призывается иногда звономъ колокола, а иногда ударепіемъ въ току, или било — деревянную доску.

Тока или удареніе въ било знаменуетъ въ неясныхъ звукахъ своихъ таинственное пророковъ прообразованіе; звукъ же колоколовъ, какъ ясный и громкій, знаменуетъ во всю землю изшедшее вѣщаніе Евангелія *(Нов. Скрижаль* гл. 21 и 23). Въ Гевсиманскомъ скиту тока или било употребляется слѣдующимъ порядкомъ: когда всенощное бдѣніе отправляется съ вечера, то къ малой вечерни, въ назначенное время, бьютъ въ одно било, обходя церковь трижды и начинается 9-й часъ и прочее, безъ звона колоколовъ. Ко всенощной съ вечера и утромъ къ утрени, бьютъ въ било за полчаса, обходя всѣ корпуса. Братъ, учиненный для сего послушанія, принявъ било, становится предъ колокольней и, знаменавъ себя крестнымъ знаменіемъ, творитъ молитву: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвами святыхъ отецъ нашихъ помилуй и спаси мя грѣшнаго, и благослови служеніе сіе.* Потомъ ударяетъ рѣдко трижды, славословя Святую Троицу, и идетъ около

корпусовъ, непрерывно ударяя въ току. Когда же настаетъ часъ всенощнаго служенія, начинается благовѣстъ въ колоколъ и во вся, и при первомъ благовѣстѣ служащій іеромонахъ начинаетъ. Также бьютъ въ било въ концѣ полунощницы, на 9-й пѣсни, на литургіи — къ акаѳисту, и при чтеніи символа вѣры, и на повечеріи предъ канонами, при чемъ каждый разъ обходятъ съ биломъ вокругъ церкви однажды, а на 9-й пѣсни трижды.

По времени отправленія ежедневныхъ богослуженій, въ скиту и въ ближайшихъ къ нему обителяхъ соблюдается такой порядокъ: въ два часа по полудни начинается вечерня въ пещерномъ храмѣ, и какъ только окончится тамъ, начинается въ пять часовъ въ самомъ скиту: здѣсь она оканчивается въ семь часовъ. Въ восемь часовъ начинается въ пещерахъ полунощница съ утреней, и продолжается до одиннадцати часовъ, а въ два часа утра начинается утреня въ скитѣ, гдѣ вслѣдъ за утреней начинается въ пять часовъ ранняя литургія: въ пещерной церкви ранняя литургія начинается въ шесть часовъ. Поздняя литургія въ скиту бываетъ съ восьми, а въ пещерахъ съ девяти часовъ. Въ Боголюбовской киновіи, что близь скита, утреня начинается въ десять съ половиною часовъ вечера, литургія въ семь часовъ утра, вечерня въ два часа дня. Въ пустыни св. Параклита утреня начинается въ двѣнадцать часовъ ночи, обѣдня въ восемь часовъ утра, вечерня въ четыре часа по полудни. Такимъ образомъ и днемъ и ночью не много найдется времени, когда бы не было въ которой либо изъ этихъ обителей службы Божіей.

Кромѣ обычныхъ ежедневныхъ богослуженій, въ скиту учреждено такъ называемое неусыпаемое чтеніе псалтири, совершаемое непрерывно день и ночь, съ поминовеніемъ на „славахъ“ о здравіи живущихъ и о упокоеніи почившихъ братій и благотворителей обители. Для этого денно-нощнаго чтенія назначается двѣнадцать человѣкъ

братіи, которые чередуются между собой, мѣняясь чрезъ каждые два часа. Начало этому чтенію въ Геѳсиманскомъ скиту, тотчасъ по основаніи его, было положено митрополитомъ Филаретомъ, который самъ началъ это чтеніе и отправилъ первую чреду его; онъ же указалъ порядокъ поминовенія при этомъ. Въ теченіи же первой седмицы великаго поста, это чтеніе совершается поочередно всею братіею скита, при чемъ для каждой чреды назначается по нѣскольку человѣкъ; начало первой чреды совершаетъ самъ строитель скита; его смѣняетъ старшій по немъ, и такъ далѣе. Въ это время чтеніе совершается съ припѣвами „аллилуіа“ къ каждому стиху.

XIII.

Первопачальные насельники, замѣчательные старцы и подвижники Геѳсиманскаго скита.

До сихъ поръ мы говорили о внѣшнемъ устройствѣ скита: его церквей, жилищъ и прочихъ зданій; теперь же намѣрены перейти къ его существеннѣйшей части, и коснуться внутренняго устроенія его насельниковъ, ихъ богослуженія и богоугожденія—этой цѣли бытія какъ самыхъ обителей, такъ и живущихъ въ нихъ. Напрасно существовали бы святыя обители, если бы они не служили мѣстомъ удобнѣйшаго богоугожденія для ихъ насельниковъ и не содѣйствовали бы имъ въ стремленіи къ нравственному совершенствованію и въ достиженіи вѣчнаго спасенія. И потому съ этой стороны не достигаютъ цѣли тѣ, кои, заботясь лишь о внѣшнемъ благоукрашеніи монастырей и храмовъ въ нихъ, оставляютъ безъ вниманія душевную храмину ввѣрившихся имъ братій,—эту внутреннюю богообразную скинію! Не такъ относились къ дѣлу основатели и созидатели Геѳсиманскаго скита.

„Поистинѣ должно теперь молиться, писалъ владыка Филаретъ своему намѣстнику вскорѣ послѣ основанія скита, да благословитъ Господь мѣсто обитателями, Ему угодными. Добрѣ было бы, если бы пришли сюда послѣдователи путей о. Серафима и его сподвижниковъ, и разнообразіе видовъ природы населили благодатными созерцаніями“ [1]). И это желаніе владыки исполнилось! Пришли сюда послѣдователи путей о. Серафима и другихъ подвижниковъ, хотя и не изъ Сарова, а изъ другихъ мѣстъ, и разнообразіе видовъ природы наполнили потами своихъ богоугодныхъ трудовъ, слезами, воздыханіями, благодатными созерцаніями.

Первоначальные старцы Геѳсиманскаго скита.

Первыми насельниками Геѳсиманскаго скита были обратившіеся отъ раскольническаго заблужденія въ нѣдро православной Церкви, и вслѣдъ за тѣмъ возвратившіеся изъ-за границы въ свое родное отечество, бывшіе раскольники и выходцы изъ Россіи, долгое время подвизавшіеся въ скитахъ Молдавіи, старцы: Іоаннъ (впослѣдствіи іеросхимонахъ Израиль), Макарій (впослѣдствіи іеросхимонахъ Иларіонъ), Алипій (впослѣдствіи іеромонахъ Александръ) и Анатолій (въ мірѣ и въ схимѣ Алексій). Этотъ послѣдній былъ моложе трехъ первыхъ по лѣтамъ, и позже ихъ поселился въ Геѳсиманскомъ скиту, но болѣе всѣхъ ихъ потрудился къ его пользѣ вещественной и духовной, состоя въ теченія тридцати лѣтъ строителемъ сего скита, сперва въ санѣ іеромонаха, а затѣмъ въ санѣ игумена.

Господу угодно было, чтобы вновь устроенный въ центрѣ Россіи, въ самомъ, такъ сказать, ея сердцѣ, вблизи ея первопрестольной столицы и подъ сѣнію знаменитой Троицкой лавры—скитъ, послужилъ тѣмъ любве-

[1]) Письмо 430.

Первоначальные старцы Гевсиманскаго скита:
Іеросхимонахъ Израиль, Іеросхимонахъ Иларіонъ, Схиигуменъ Алексій.

Къ стр. 112.

обильнымъ отеческимъ объятіемъ для возвратившихся съ „дальней страны“ заблудшихъ сыновъ Церкви и отечества, на которое они должны были съ надеждою разсчитывать при своемъ обращеніи. Приведемъ здѣсь исторію ихъ прежней жизни и обращенія изъ раскола въ православіе, какъ она изображена въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Первоначальные старцы Геосиманскаго скита*, составленной бывшимъ намѣстникомъ лавры архимандритомъ Леонидомъ, а имъ заимствована изъ книги: *Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи и Турціи*, извѣстнаго игумена Парѳенія (въ расколѣ Паисія).

Въ Молдавіи, въ разстояніи около 100 верстъ отъ Яссъ, недалеко отъ г. Фильтигень, есть село Мануйловка, расположенное между рѣкъ Молдавы и Сереты, въ которомъ болѣе 100 домовъ, и всѣ жители—Русскіе раскольники, преимущественно поповщинской секты; всѣ они выходцы изъ Россіи, поселившіеся здѣсь въ первой четверти XVIII столѣтія. Близъ села два скита мужескихъ и одинъ женскій. Въ одномъ изъ нихъ, именуемомъ *Дальнимъ*, отстоящемъ отъ села въ трехъ верстахъ, въ первой половинѣ нынѣшняго (XIX) столѣтія, жилъ старецъ *Ѳеодосій* съ своими учениками. Принадлежа къ сектѣ поповщинской, онъ былъ приверженъ къ священству, но въ тоже время былъ самый закоснѣлый раскольникъ. Болѣе 40 лѣтъ жилъ онъ въ Мануйловскомъ скиту, и отъ всѣхъ Молдавскихъ раскольниковъ былъ много уважаемъ и почитаемъ; всѣмъ ихъ монахамъ, попамъ и дьяконамъ и многимъ мірскимъ онъ былъ духовникомъ. И проходила о немъ слава между раскольниками и въ Россіи. Онъ имѣлъ многихъ учениковъ, а четверо изъ нихъ жили со старцемъ въ одной келліи; въ числѣ ихъ былъ Алексій, въ монашествѣ Анатолій, впослѣдствіи строитель Геѳсиманскаго скита, и Гедеонъ, въ православномъ монашествѣ Макарій, а въ схимѣ

Иларіонъ. Гедеонъ прожилъ у него болѣе 20 лѣтъ въ послушаніи и совершенномъ отсѣченіи своей воли, и былъ весьма начитанъ и свѣдущъ въ Божественомъ Писаніи. Всѣ они проходили иноческую жизнь подвижническую, дѣятельно старались объ очищеніи внутренняго человѣка, и держали у себя тайно отъ своихъ единовѣрцевъ умозрительную книгу — *Добротолюбіе* (переводъ извѣстнаго старца Паисія Величковскаго), чего я, пишетъ о. Парѳеній, во всемъ моемъ странствіи между раскольниками не видалъ, даже и не слыхалъ, чтобы кто изъ нихъ занимался умозрительными книгами, а болѣе упражняются въ толкахъ (объ обрядовыхъ разностяхъ). Отъ споровъ эта семья пустынножителей устранялась, на соборъ (раскольниковъ) никогда не ходили, а внимали себѣ. А отецъ Ѳеодосій сидѣлъ больше въ своей темной келліи и занимался умною молитвою.

Въ тоже время (около 1836—1839 г. г.) въ ближнемъ Мануйловскомъ скитѣ жилъ нѣкто старецъ Іоаннъ (впослѣдствіи іеросхимонахъ Израиль), великій постникъ и подвижникъ, подобный о. Ѳеодосію. Онъ былъ много начитанъ въ Св. Писаніи и въ свято-отеческихъ писаніяхъ, и имѣлъ довольно своихъ книгъ, цѣною тысячи на три, ибо былъ изъ богатыхъ купцовъ города Боташанъ. Старецъ Ѳеодосій, имѣвшій, по вышесказанному, то преимущество предъ другими раскольниками монахами, что онъ самъ и ученики его занимались въ свободное время чтеніемъ свято-отеческихъ писаній и проходили дѣятельную и созерцательную жизнь, хотя и не былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ о. Іоанномъ, но и не чуждался его вовсе (подобно другимъ, за склонность его къ православію), и по временамъ заимствовался духовными книгами изъ его библіотеки, ссужая его въ обмѣнъ своими. О. Іоаннъ былъ въ тѣсной духовной дружбѣ съ о. Парѳеніемъ (въ расколѣ Паисій).

О. Парѳеній (Паисій), перейдя въ православіе ранѣе

своихъ собратій, въ то время (въ 1836 г.) уже переселился изъ Мануиловскаго скита въ православный монастырь *Ворону*, и оттуда еженедѣльно навѣщалъ своего духовнаго друга болящаго о. Іоанна, который, обратившись сердечно въ православіе, еще медлилъ заявить о семъ открыто, такъ какъ по своимъ обстоятельствомъ и по болѣзни не могъ тотчасъ оставить мѣсто своего жительства—Мануиловскій скитъ. Вотъ что случилось въ одно изъ таковыхъ посѣщеній: „наступалъ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Наканунѣ праздника, пишетъ о. Парѳеній, пошелъ я къ своему архимандриту, и выпросилъ у него книгу — *Отвѣты Никифора архіепископа Астраханскаго, на вопросы старообрядцевъ*, чтобы отнести отцу Іоанну — почитать ему отъ скуки, и получивши благословеніе, пошелъ ночевать въ Мануиловку.—Отецъ Іоаннъ весьма возрадовался моему приходу. И ночевавши, отправили утреню, а потомъ часы. Потомъ начали читать акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ. Въ то время нѣкто безъ молитвы постучался у окна. О. Іоаннъ сказалъ мнѣ; „посмотри, отче, кто тамъ“. Я, посмотрѣвши, сказалъ, что это старецъ, отецъ Ѳеодосій, изъ Дальнаго скита. Отецъ Іоаннъ паки сказалъ; „выйди и спроси: что ему нужно?“ Я вышедши спросилъ. Онъ же сказалъ: „отецъ Іоаннъ взялъ у насъ книгу—*Бесѣды Преподобнаго Макарія;* я за нею зашелъ.“ И еще меня спросилъ: „или ты пришелъ сюда?“ Я отвѣчалъ: „да, пришелъ навѣстить немощнаго друга своего, отца Іоанна.“ Потомъ я пришелъ и сказалъ отцу Іоанну. Онъ сказалъ: „вынеси ему“. Когда я взялъ его книгу, пришло мнѣ въ умъ взять и свою, которую я написалъ на раскольниковъ въ Высоковскомъ монастырѣ, собравши изъ разныхъ древнихъ отеческихъ книгъ: *О непоколебимости Церкви и о неоскудѣніи священства, и о всѣхъ церковныхъ таинствахъ:* вынесъ ему обѣ книги, и даю. Онъ же свою взялъ, а про другую сказалъ: „эту книгу читайте сами,

а насъ нечего тѣмъ потчивать, чего мы не ѣдимъ", и ничего болѣе не сказалъ, ни прости, ни здорово, и пошелъ прочь отъ меня. Потому онъ и молитвы не сотворилъ, что отца Іоанна называли еретикомъ, и боялись творить молитву, дабы съ нимъ не сообщиться, когда онъ скажетъ: *аминь.* Вошедши въ келлію и кончивши акаѳистъ, началъ я собирать обѣдать. И только мы сѣли за трапезу, паки нѣкто постучался. Посмотрѣвши, я увидѣлъ, что паки отецъ Ѳеодосій, и вышедши спросилъ: „что вамъ, отче, еще нужно?" Онъ же сказалъ: „дай мнѣ ту книгу, которую ты мнѣ давалъ". Я обрадовался, и пришедши взялъ и вынесъ ему паки двѣ книги, одну свою, а другую „Никифоровы отвѣты", и отдавши ему сказалъ: „да просвѣтитъ Господь Богъ душевныя ваши очи, и да умягчитъ окаменѣлыя и закоснѣлыя сердца ваши, и да привлечетъ къ Своей св. восточной Церкви, и да присоединитъ васъ къ своему избранному стаду!" Онъ же, взявши всѣ книги, пошелъ въ свой скитъ. А былъ онъ у о. Іоанна по той причинѣ, что съ учениками приходилъ въ село, въ церковь, къ литургіи, и по пути зашелъ за книгою, а ученики его дожидались внѣ скита. И когда онъ въ первый разъ приходилъ за своею книгою, то, воротившись къ ученикамъ своимъ, сказалъ имъ, что у о. Іоанна въ гостяхъ о. Паисій, и давалъ мнѣ какую-то свою книгу, но я ее не взялъ, и сказалъ ему: „читайте вы сами". Ученики же ему сказали: „почему же ты, отче, не взялъ? По крайней мѣрѣ мы бы прочитали, и узнали, на чемъ они утверждаются? и въ какую сторону заблудили? И когда узнаемъ, то можемъ съ ними говорить; тогда и обличимъ ихъ заблужденіе, и напишемъ противъ того имъ отвѣты". Старецъ же Ѳеодосій сказалъ имъ: „какъ бы намъ самимъ не повредиться? лучше оставимъ съ ними заниматься". Отецъ же Гедеонъ, старшій его ученикъ и уже много лѣтъ бывшій схимникомъ, началъ говорить ему слѣдую-

щее: „отче св., неужели мы—малыя дѣти, что не можемъ различить добра отъ зла? И неужели мы не можемъ разобрать плевелъ отъ пшеницы? Тебѣ извѣстно, что я съ тобою живу уже двадцать лѣтъ. Слава Богу! довольно уже прочиталъ Священнаго Писанія и св. Отцевъ: неужели ты, отче, еще мнѣ не довѣряешь?“ Старецъ Ѳеодосій ему сказалъ: „нѣтъ, отецъ Гедеонъ, я тебя знаю, и довѣряю тебѣ болѣе, нежели себѣ: достоинъ ты по своей жизни быть мнѣ не ученикомъ, но старцемъ и наставникомъ и учителемъ; а я сказалъ только изъ опасенія; ежели тебѣ желательно, то я пойду и возьму“. Потомъ пошелъ и взялъ у меня книгу, и пошли во свою келлію.—Что за симъ случилось въ келліи старца о. Ѳеодосія, о томъ о. Парѳеній передаетъ разсказъ словами старшаго ученика сего старца о. Гедеона (впослѣдствіи іеросхимонаха Иларіона) такъ: „въ праздникъ Входа во храмъ Пресвятыя Богородицы, когда получили отъ тебя твои книги и пришли въ свою келлію, старецъ нашъ отецъ Ѳеодосій сказалъ намъ: „не вносите еретическія книги въ келлію мою, да не како и къ намъ не внидетъ Матерь Божія, какъ не взошла Она къ монаху Киріаку, имѣвшему въ келліи еретическія книги [1]); не вносите, да не осквернятъ онѣ келлію, а оставьте въ сѣняхъ“. Такъ мы и сдѣлали; сами, взошедши въ келлію, пообѣдали, и потомъ легли отдыхать; но мнѣ не спалось, и я вышелъ, взялъ твою книгу, внесъ въ келлію, и началъ про себя читать, и скоро почувствовалъ въ себѣ какое-то измѣненіе; ибо упала въ мое сердце какъ бы огненная искра, и растопила мое хладное сердце, и увидѣлъ я въ книгѣ сущую истинную правду о Церкви и священствѣ; потому что я самъ прежде все это читалъ въ древнихъ патріаршихъ печатныхъ книгахъ. И тогда явственно мнѣ открылось наше заблужденіе; и много тому дивился, почему я

[1]) *Лугъ Дух.* гл. 45, изд. 1848.

прежде не могъ сего видѣть и усмотрѣть? Потому не сталъ уже все читать, а только всю книгу пересмотрѣлъ, и перебравши, сложилъ, а самъ горько заплакалъ. Увидѣвши сіе, духовный мой братъ, отецъ Анатолій, спросилъ: „что ты, отецъ Гедеонъ, такъ горько заплакалъ? Или что нашелъ въ книгѣ удивительное?“ Я отвѣчалъ ему: „или ты, отецъ Анатолій, не спишь? Встань, и плачь со мной заедино о нашей общей погибели: мы полагали, что отецъ Іоаннъ съ Паисіемъ и съ прочими пропали; но они не пропали, а на истинный путь попали. Мы же сами воистину пропали, и сбились съ пути истиннаго, и правды Божія не знаемъ“. Отецъ же Анатолій сказалъ мнѣ: „что ты, отецъ Гедеонъ, это говоришь? Странныя твои слова, невмѣстимы моему слуху. Что тебѣ сдѣлалось? Не погубилъ ли ты свой умъ, что началъ хвалить то, чего во всю жизнь свою боялись, и началъ хулить то, за что всегда хотѣли страдать, и даже готовились души свои положить за свою вѣру?“

„На это я началъ ему говорить слѣдующее“, продолжалъ Гедеонъ: „послушай, любезный мой братъ, отецъ Анатолій: ты знаешь, что св. апостолъ Павелъ сначала былъ великій ревнитель по Моисеевомъ законѣ, и гналъ и мучилъ вѣрующихъ въ Господа Іисуса Христа. Но когда Господь Іисусъ Христосъ коснулся Своею благодатію его сердца, то не только увѣровалъ во Христа, но и всю жизнь свою страдалъ за святое имя Его. Такожде и и я до сего часа былъ раскольникъ и великій ревнитель по расколѣ, и всегда былъ готовъ пострадать за расколъ, и даже душу свою положить; но нынѣ, когда принесъ въ келлію книгу сію, и началъ читать,—вдругъ Господь мой, Іисусъ Христосъ, Своею благодатію коснулся моего сердца, и растопилъ его, паче воску, и снялъ съ него покрывало раскола, и почувствовалъ я въ себѣ перемѣну. Теперь отверзлись мои душевныя очи; и ясно увидѣлъ я истинный свѣтъ въ Писаніи, и ясно увидѣлъ св. восточную Христову Церковь, паче солнца сіяющую въ своемъ

древнемъ благочестіи, съ полнымъ священнымъ чиномъ, съ патріархами, митрополитами, архіепископами и епископами, основанную на твердомъ и непоколебимомъ камени, Іисусѣ Христѣ, существующую и до нынѣ у четырехъ восточныхъ вселенскихъ патріарховъ и по всей Греціи; такожде она сіяетъ, паче солнца, и въ нашемъ отечествѣ, въ Россіи, и здѣсь у насъ въ Молдавіи. Отъ сего часа я уже не раскольникъ, но истинный и послушный сынъ св. восточной Грекороссійской Церкви, и во всемъ ей повинуюсь. А отца Іоанна и Паисія признаю самыми истинными христіанами, сынами св. восточной соборной апостольской Христовой Церкви, и самъ я съ ними заедино мудрствую, и отъ нихъ не отстану. А ежели ты спросишь, на чемъ я утвердился: то я тебѣ скажу, что я утвердился не на одной книгѣ или на одномъ словѣ, а на многихъ, или лучше сказать, на всѣхъ, почитаемыхъ и пріемлемыхъ православною Христовою Церковію: 1) на самыхъ Господнихъ, словесахъ, писанныхъ въ св. Евангеліи, о которыхъ самъ Господь сказалъ: *небо и земля мимо идутъ, словеса же Моя не прейдутъ;* 2) на ученія св. апостолъ; 3) на словахъ и примѣрахъ всѣхъ святыхъ. Видишь сію книгу? Она писана рукою отца Паисія, какъ видится по почерку; но онъ выписалъ изъ разныхъ древнихъ отеческихъ книгъ, которыя я самъ многажды читалъ; и все здѣсь сущая правда. Я самъ сіе все помню; но то чудно, что читавши и знавши прежде сіе, не могъ разсмотрѣть и познать истину; а читалъ и видѣлъ, подобно какъ во тмѣ, или подъ какимъ-то мрачнымъ покрываломъ. Нынѣ же вдругъ открылись мои очи, я увидѣлъ и позналъ евангельскій Христовъ путь, вводящій въ жизнь вѣчную“.

Потомъ о. Анатолій началъ разсказывать о себѣ о. Парѳенію: „когда выслушалъ я о. Гедеона, растопилось мое сердце, и я палъ ему въ ноги, и весь исполнившись слезъ, началъ говорить ему: „возлюбленный мой отче и духовный

братъ, о. Гедеонъ! я тебя почитаю болѣе, нежели моего старца и наставника о. Ѳеодосія: ты мнѣ старецъ, наставникъ и учитель, и во всемъ мнѣ показываешь образъ и примѣръ своею жизнію и своими подвигами. Я былъ увѣренъ, что Господь всегда съ тобою пребываетъ; и мы болѣе привязаны любовію къ тебѣ, нежели къ старцу. Ты насъ и держишь, и во всемъ наставляешь и утѣшаешь. Ты съ самой юности своей возлюбилъ Господа Бога, посвятилъ себя Ему на служеніе; любви ради Господа своего оставилъ міръ со всѣми его суетами и обольщеніями, все имѣніе свое, домъ и любезныхъ своихъ родителей, и пошелъ во слѣдъ Христа, и взявши тяжкій крестъ послушанія, и пришедши въ скитъ сей, предалъ себя, Бога ради, на служеніе старцу о. Ѳеодосію; и теперь уже болѣе двадцати лѣтъ пребываешь въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи собственной своей воли; отнюдь никакого не имѣешь попеченія о своемъ тѣлѣ, и сдѣлался міру сему яко юродъ, и весь умъ свой вперилъ ко Господу Богу, и безпрестанно упражняешься въ божественномъ и отеческомъ Писаніи, день и нощь поучаешься въ законѣ Господни, и слезами своими напоилъ сію пустыню: стало-быть, ты умилостивилъ Господа Бога своего, что Онъ сдѣлалъ съ тобою въ одинъ часъ такую великую перемѣну, уму человѣческому невмѣстимую и непостижимую, такъ что вдругъ, безъ всякихъ споровъ и доказательствъ, все прежнее свое оставляешь, въ чемъ полагалъ спасеніе, и дѣлаешься совсѣмъ новымъ человѣкомъ. Ежели ты такъ поступилъ, то я отъ тебя не отстану, но во всемъ послѣдую тебѣ“. И была тогда у насъ двоихъ неизреченная радость, и до самого вечера читали твою книгу и „Никифоровы отвѣты“. Но только помышляли и соболѣзновали о томъ, какъ намъ будетъ сіе объявить самому старцу о. Ѳеодосію; но и уповали на Господа Бога, что не оставитъ и его Своею милостію, и не дастъ ему остаться въ душепагубномъ расколѣ. И со слезами мы просили Господа Бога, да

коснется и его сердца, и обратитъ его къ святой Своей восточной Церкви.

„Дождавшись вечера, и прочитавши вечерню“, такъ продолжается этотъ разсказъ у инока Парѳенія, „поужинали. И имѣли мы обычай повседневно послѣ ужина заниматься чтеніемъ какой-либо книги назидательной, часъ или болѣе: одинъ читаетъ, а прочіе слушаютъ и разсуждаютъ. Тогда я, говоритъ Гедеонъ, сказалъ о. Ѳеодосію: „отче, благослови прочитать ту книгу, которую тебѣ далъ о. Паисій, рукописную“. Онъ же отвѣтилъ: „оставь, о. Гедеонъ, про тѣ книги говорить: чего намъ тамъ въ нихъ читать? А почитай что нибудь другое“. Я паки сказалъ: „отче, зачѣмъ же мы ихъ и принесли, когда читать не будемъ? Благослови почитать. Теперь насъ здѣсь довольно: можемъ что нибудь разсмотрѣть и разсудить; я нетерпѣливо желаю ихъ прочитать“. Отецъ же Ѳеодосій сказалъ: „ежели очень хочется, то принеси и почитай“. А я, продолжалъ Гедеонъ, принесши сказалъ: „благослови, отче, прочести“. Онъ сказалъ: „Богъ благословитъ“. Я началъ читать твою книгу со вниманіемъ, и не могъ удержаться отъ слезъ. Онъ же много слушавши, остановилъ меня, и сказалъ: „что ты, о. Гедеонъ, очень внимательно читаешь? Или ты этому вѣришь? Или и ты хочешь слѣдовать по тому же пути, по которому пошли отцы Іоаннъ и Паисій и прочіе? Или ты хочешь оставить отеческую свою вѣру, и погубить свои многолѣтніе труды и подвиги?“ Я всталъ, продолжаетъ Гедеонъ, весь исполнился слезъ, и началъ говорить: „отче святый и пастырю нашъ! какъ не будемъ тому вѣрить, что есть сущая и истинная правда? Хотя это и Паисій писалъ, но онъ ничего отъ себя не писалъ, а только выписывалъ изъ разныхъ древнихъ отеческихъ книгъ, которыя я самъ всѣ читалъ, знаю и помню, и не нахожу никакого сумнѣнія. Какъ же мнѣ не послѣдовать по тому пути, по которому пошли отцы Іоаннъ съ Паисіемъ? Другаго пути нѣтъ вводящаго въ жизнь вѣчную, кромѣ этого. Сей путь показалъ и

назначилъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и по нему шли и слѣдовали святые апостолы, святители и всѣ святые, и я по нему пойду, и не отстану отъ отца Іоанна: да и ты, отче, иди со мной". Выслушавши сіе, отецъ Ѳеодосій горько заплакалъ, и началъ говорить: „охъ! увы! увы мнѣ окаянному! Что нынѣ случилось въ нашей бѣдной келліи? Нынѣ лишаюсь я любезнаго своего ученика и духовнаго своего сына, съ которымъ препроводилъ жизнь свою болѣе двадцати лѣтъ! Чадо мое возлюбленное! не говорилъ ли я тебѣ, чтобы не брать и не читать эти книги? Что теперь хочешь дѣлать?" Потомъ спросилъ: „а ты, отецъ Анатолій, что помышляешь, и ничего мнѣ не помогаешь? Или ты за едино съ Гедеономъ?" Онъ же отвѣтилъ: „воистину такъ, отче, и я отъ отца Гедеона не отстану". Тогда старецъ Ѳеодосій еще болѣе заплакалъ, и сказалъ: „охъ! увы! увы мнѣ окаянному! почто я дождался сего несчастнаго времени? Почто я не умеръ прежде часа сего, дабы не видѣлъ сего вечера, и не слышалъ сихъ болѣзненныхъ и паче меча острыхъ словесъ отъ моихъ учениковъ?"

„Тогда я, говоритъ Гедеонъ, палъ на землю, взялся за ноги его, весь исполнился слезъ, и началъ говорить ему слѣдующее; „возлюбленный мой отче, послушай ты меня окаяннаго въ жизни, хотя единожды, успокой ты свое сердце, и возьми хотя немного терпѣнія, и послушай, что я буду говорить. Ты, отче, довольно меня знаешь хорошо и всю жизнь мою: болѣе двадцати лѣтъ живемъ мы съ тобою въ одной келліи; пришелъ я къ тебѣ въ самой юности, отъ роду 15 лѣтъ, служу тебѣ болѣе двадцати лѣтъ, и ежедневно открываю тебѣ свои помыслы, двадцати лѣтъ принялъ на себя великую схиму. Потому, отче, можешь ты мнѣ сдѣлать хотя малое довѣріе. Неужели я хощу погубить свою душу? Не ужели хощу погубить въ одинъ часъ многолѣтніе мои труды и подвиги? Я не погибель себѣ нашелъ, но истинный Іисусъ Христовъ

евангельскій путь, вводящій въ жизнь вѣчную, по которому шли и спасались всѣ святые. Ты, отче, самъ довольно знаешь житія святыхъ: которые святые спаслись внѣ святой Христовой Церкви или безъ священства? А хотя нѣкоторые пустынники и жили въ пустыни совершенно одни, по сорока и болѣе лѣтъ, но они бѣгали не отъ Церкви и не отъ священниковъ, а отъ соблазновъ и прелестей міра сего. Они не чуждались Церкви, но всегда духомъ пребывали въ Церкви; и когда имъ позволяло время, они прибѣгали къ священникамъ, причащались Святыхъ Таинъ тѣла и крови Христовой. И когда была святая восточная соборная апостольская Христова Церковь безъ патріарховъ и епископовъ, какъ теперь пребываетъ у насъ, вотъ уже около 170 лѣтъ, безъ епископа съ одними бѣглыми попами? Воистину никогда не бывала, да и быть не можетъ. И святые Отцы были болѣе патріархи и митрополиты, архіепископы и епископы. А ты, отче, послушай еще безпристрастно яснаго доказательства отъ душеполезнаго Писанія; и самъ ты можешь скоро познать единую истинную святую соборную апостольскую Христову Церковь".

Отецъ Ѳеодосій поуспокоился, сѣлъ, и прошло въ молчаніи съ-четверть часа. Потомъ сказалъ: „отецъ Гедеонъ, прочитай еще, что тамъ далѣе писано". Я, говоритъ Гедеонъ, паки началъ читать о Церкви и о патріархахъ, что тамъ выписано, еще съ своимъ толкованіемъ и разсужденіемъ. Отецъ Ѳеодосій много слушалъ; потомъ вдругъ заплакалъ, зарыдалъ, и вставши сказалъ: „отецъ Гедеонъ, подай мнѣ эту книгу, которую читаешь". Я подалъ ему. Онъ же, взявши ее, прижалъ къ своему сердцу, и началъ со слезами говорить: „возлюбленная моя! какъ я окаянный тебя уничижилъ и опорочилъ, и въ келлію свою не впустилъ тебя, а ты мнѣ показываешь святую восточную соборную апостольскую Христову Церковь, и открываешь истинный путь въ животъ вѣчный, въ царство

небесное!“ Потомъ весьма возрадовался духомъ, устремилъ очи свои горѣ, на иконы, и со слезами началъ говорить въ восторгѣ: „Благодарю Тя, Господи Боже мой, Царю небесный, въ Троицѣ славимый и покланяемый, яко посѣтилъ еси насъ съ высоты Своея божественною благодатію, коснулся нашихъ закоснѣлыхъ сердецъ, и снялъ съ нихъ мрачное покрывало раскола, просвѣтилъ очи наши сердечныя, и явственно показалъ намъ свѣтъ истинный и святую Свою Церковь, паче солнца въ древнемъ благочестіи сіяющую, и во единъ день разрушилъ всѣ преграды раскола! Великій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя! И кто можетъ противу Тебе стати? Идѣже коснется непостижимая благодать Твоя, тамо всѣ ереси и расколы разрушаются, всѣ человѣческіе замыслы и разсужденія упраздняются и погибаютъ, всѣ діавольскія прелести и коварства исчезаютъ. Нынѣшній день готовы были мы всѣ за расколъ мученія терпѣть и души свои положить, а теперь уже едвали и въ келліи нашей обрѣтается расколъ. О, кто богъ великій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса. *Благословенъ грядый во имя Господне. Богъ Господь и явися намъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка. Аминь*“. Потомъ началъ благодарить Пресвятую Владычицу Богородицу. „Благодарю Тебя, Владычице, Пресвятая Дѣво Богородице, за Твое усердное ходатайство за насъ грѣшныхъ къ возлюбленному Сыну твоему и Богу нашему, Господу Іисусу Христу. Какое Ты великое, Владычице, имѣешь попеченіе о родѣ христіанскомъ, и какія Ты, Владычице, творишь чудеса! Въ который день вышла Ты, Владычице, изъ дому своихъ родителей и изъ суетнаго и многомятежнаго міра, и взошла во храмъ Господа Бога своего, и вселилась жити во Святое Святыхъ, въ тотъ же день и о насъ окаянныхъ и грѣшныхъ рабахъ своихъ упросила Сына своего, и извела насъ отъ заблужденія, избавила отъ прелести раскольнической, и спасла отъ вѣчной погибели, ясно показала намъ святую

соборную апостольскую Христову Церковь. Нынѣ, Владычице, приличпо и мнѣ воспѣть Твою радостную пѣснь: „Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ: яко призрѣ на смиреніе раба Своего. Се отнынѣ ублажу Тебя во вся роды родовъ, яко сотвори со мною величіе Сильный, и свято имя Его, и милость Его въ роды родовъ боящимся Его. Сотвори державу мышцею Своею: расточи бо гордые помыслы раскола отъ сердецъ нашихъ“. Потомъ, обратившись къ намъ, произнесъ слѣдующее: „возлюбленная моя чада, возрадуйтеся и возвеселитеся со мною, и воспойте сію благодарственноторжественную пѣснь, приличествующую нашей радости: „Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльнѣй Троицѣ поклаияемся: Та бо насъ спасла есть“. Потомъ еще сказалъ: „чада моя возлюбленная, кто хочетъ за мной идти, да послѣдуетъ мнѣ; а кто не хочетъ, мало да потерпитъ: тому оставлю келлію свою со всѣми вещами, потому что мнѣ уже больше здѣсь не жить“. Ученики всѣ ему отвѣчали: „ни одинъ, отче, отъ тебя не отстанетъ; всѣ оставляемъ расколъ, и тебѣ послѣдуемъ“. И такъ въ радости и веселіи препроводили мы всю ночь безъ сна, и все у насъ въ келліи какъ будто перемѣнилось. Поутру ходили въ село, и принесли много книгъ для повѣрки твоей книги. Послѣ того была у насъ въ келліи ежедневная радость; но страха ради раскольниковъ, никакъ не могли избрать удобнаго времени и не имѣли смѣлости побывать къ отцу Іоанну, и возвѣстить ему свою радость, хотя нетерпѣливо всѣ желали видѣть лице его, и имѣть съ нимъ бесѣду. Потомъ, дождавшись праздника святителя Николая, отецъ Ѳеодосій пошелъ къ литургіи, а послѣ былъ у отца Іоанна, и съ нимъ бесѣдовалъ“.—Объ этой бесѣдѣ о. Іоаннъ (въ послѣдствіи іеросхимонахъ Израиль) передавалъ о. Парѳенію слѣдующее: „въ день святителя Николая (6 декабря 1838 г.) только окончилъ я часы,

вдругъ къ окну подошелъ отецъ Ѳеодосій, и прочиталъ Іисусову молитву. Я весьма тому удивился, и сказалъ: *аминь.* Онъ испросилъ благословеніе взойти ко мнѣ въ келлію; я благословилъ. Онъ же возшедши въ келлію и помолившись, любезно облобызалъ меня. Я спросилъ его: „Отче Ѳеодосіе! днесь праздникъ св. Николая; онъ былъ великій чудотворецъ; и съ вами не сотворилъ ли какого чуда?“ Онъ же, заплакавъ, палъ на землю и потомъ началъ говорить со слезами: „Воистину, отче св., за твои святыя молитвы сотворилъ Господь Богъ съ нами чудо великое: днесь, отче святый, Царь небесный, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посѣтилъ нашу раскольническую келлію и Своею благодатію коснулся нашихъ паче камене затвердѣвшихъ сердецъ, и растопилъ ихъ паче воска, и просвѣтилъ наши душевныя очи тотъ самый истинный свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка; и теперь явственно мы увидѣли свое раскольническое заблужденіе, въ которомъ препроводили всю жизнь свою. И аще бы не Господне милосердіе и не твои святыя молитвы помогли намъ, то вмалѣ вселился бы во адъ души наши; но отнынѣ всѣ расколы и прежнія всѣ заблужденія оставляемъ, и отрицаемся ихъ отъ всея души своея, и отъ всего сердца желаемъ присоединиться къ св. соборной восточной апостольской Христовой Церкви, и обѣщаемся быть ей послушны даже до смерти, какъ я самъ, такъ и всѣ мои ученики. Уже двѣ седмицы, какъ посѣтилъ насъ Господь съ высоты Своея, и разрушилъ преграды раскола, и теперь ежедневно у насъ въ келліи неизреченная радость, и имѣли неудержимое желаніе видѣть твое лице, и возвѣстить тебѣ эту радость, и имѣть съ тобой бесѣду, и насладиться твоихъ словесъ; но никакъ не могли избрать удобнаго времени, страха ради раскольниковъ, да не како они узнаютъ и взбунтуются, и изгонятъ насъ прежде времени. Еще, отче, прости меня окаяннаго, что много я тебя бранилъ, укорялъ и поносилъ; это я дѣ-

лать по невѣдѣнію моему". Я ему сказалъ: „Господь тебя проститъ". И такъ мы съ нимъ много радовались и разговаривали; а ночью приходили ученики его. И теперь приходятъ почти каждую ночь: уже по-меньше стали бояться раскольниковъ".

„Послѣ Пасхи (1839 г.), когда просохла дорога, я, пишетъ о. Парѳеній, пошелъ въ Мануиловскій скитъ навѣстить своихъ друзей и братію, и пришедши нашелъ ихъ уже всѣхъ готовыхъ ѣхать въ Россію, уже и паспорты взяты, и кони куплены, и всѣ вещи распроданы; только осталось немного книгъ, но и тѣ повезли продавать раскольникамъ въ городъ Боташанъ, откуда отецъ Іоаннъ родомъ. И поѣхали съ книгами отецъ Іоаннъ, проститься съ родными, и отецъ Ѳеодосій съ Анаѳоліемъ, и меня посадили подвезти; потому что дорога лежитъ почти мимо монастыря Вороны, который отъ дороги въ сторону версты три. Я имъ предложилъ, не угодно ли заѣхать въ монастырь ночевать, и посмотрѣть на нашу жизнь, и побесѣдовать съ отцемъ Іоанномъ, схимникомъ и пустыножителемъ? Они согласились. Когда пріѣхали въ монастырь,—я сказалъ архимандриту; онъ же принялъ ихъ съ любовію, и приказалъ успокоить и ихъ самихъ и коней. Потомъ предложили трапезу изобильную. По трапезѣ повелъ я ихъ въ пустыню къ отцу Іоанну схимнику. Онъ принялъ всѣхъ съ любовію, и много разговаривали, и всѣ отцы мои плакали, и столько усладились, что не хотѣли выйдти изъ его келліи. Потомъ, простившись, пошли въ монастырь. Дорогою о. Ѳеодосій началъ говорить отцу Іоанну слѣдующее: „отецъ Іоаннъ, зачѣмъ намъ ѣхать въ Россію? Зачѣмъ намъ пускаться въ такой дальній путь? Зачѣмъ намъ претерпѣвать въ пути, среди міра и соблазновъ, разныя скорби и искушенія? Не лучше-ли намъ остаться здѣсь въ Молдавіи, и поступить на жительство въ этотъ монастырь? Здѣсь прекрасное и уединенное мѣсто, и безмолвное; окружено великими, прекрасными горами и лѣсами! А наипаче сія

тихая и прекрасная пустыня, какъ она мнѣ полюбилась! Кажется, я бы и не вышелъ изъ нея. Что отъ добра добра искать? И чего намъ странствовать по свѣту и обременять людей? Вѣра и Церковь едина, какъ въ Россіи, такъ и здѣсь; а въ единовѣрческіе монастыри поступить я желанія не имѣю. Зачѣмъ намъ ѣхать отъ матери къ мачихѣ?“ Отецъ Іоаннъ отвѣтилъ: „отецъ Ѳеодосій, какъ тебѣ угодно; ежели вы останетесь, то и я съ вами.“ Потомъ, пришедши въ монастырь, ночевали. Послѣ утрени пошли къ архимандриту, и начали проситься въ монастырь на жительство. Онъ же ихъ съ любовію принялъ и сказалъ: „сколько васъ есть, всѣхъ прійму. Теперь я увѣренъ, что вы обращаетесь Бога ради, и я очень жестоко искусилъ вашихъ братій, отцевъ Паисія и Никиту, и полагалъ, что они уйдутъ отъ насъ; но они все претерпѣли.“ Потомъ отцы Іоаннъ и Ѳеодосій, положивши началъ, по обычаю монастырскому, отправились въ путь.

Чрезъ недѣлю они всѣ восемь человѣкъ совсѣмъ пріѣхали въ монастырь Ворону: отецъ Ѳеодосій съ четырьмя учениками—Гедеономъ, Анатоліемъ, Ѳеодоритомъ и Германомъ; отцы Іоаннъ, Кипріанъ и Алипій. Вскорѣ архимандритъ послалъ отца Іоанна съ тремя въ Яссы къ митрополиту Веніамину, ради резолюціи, какимъ чиномъ присоединить насъ къ св. Церкви: крестить ли, или только святымъ міромъ помазать? И пріѣхавши, всѣ явились къ митрополиту на-лицо. Митрополитъ разспросилъ всѣхъ до тонкости. Потомъ положилъ резолюцію въ такомъ смыслѣ: „которые были крещены бѣглыми и отлученными отъ Церкви попами или простолюдинами, раскольниками, тѣхъ, по седьмидневномъ постѣ и ежедневномъ прочитываніи огласительныхъ молитвъ, и по проклятіи всѣхъ ересей и расколовъ, совершенно крестить. А которые въ младенчествѣ были крещены православными простолюдинами, а потомъ совратились въ расколъ, тѣхъ, по седьмидневномъ постѣ и проклятіи всѣхъ ересей и расколовъ, помазать

св. мѵромъ. А потомъ, кто пожелаетъ въ монашество, тѣхъ постричь въ мантію, а кто не пожелаетъ, тѣхъ оставить на волѣ, кто какую захочетъ избрать себѣ жизнь.“ Отецъ Іоаннъ на эту резолюцію не соглашался, а просилъ митрополита, чтобы тѣхъ, которые крещены бѣглыми попами, только помазать мѵромъ, а не крестить совершенно.

Митрополитъ на это не согласился.

Собранъ былъ соборъ, и, по разсмотрѣніи требованія отца Іоанна, митрополитъ сказалъ: „наша Церковь не принимаетъ крещенія ни отъ еретика, ни отъ самозванца, ни отъ отлученнаго отъ Церкви, ни обливальнаго; также кто не крещенъ въ три погруженія, тѣхъ всѣхъ совершенно крестить, хотя бы они были и во Св. Троицу крещены. Такожде и вы, если хотите присоединиться къ православной Церкви, должны принять св. крещеніе, а ежели не хотите, то вы въ томъ имѣете волю; и я васъ не принуждаю. А я въ Церкви своей соблазна не сдѣлаю, и не попущу принять васъ безъ крещенія. Вамъ же не должно опасаться крещенія, ибо не вы за то будете отвѣчать, но я, недостойный глава Молдавской Церкви“. Мы, повѣствуетъ такъ Парѳеній, болѣе противорѣчить не стали, и согласились на его распоряженіе. Онъ выдалъ намъ указъ и мы отправились въ монастырь. Когда мы пріѣхали въ монастырь Ворону, архимандритъ приказалъ всѣмъ намъ снять съ себя раскольническую монашескую одежду, и надѣли на насъ послушническую. Потомъ духовникъ всѣхъ исповѣдалъ, и испыталъ совѣсть каждаго, кто кѣмъ былъ крещенъ. Потомъ седмь дней препроводили мы въ постѣ и въ молитвѣ, и каждый день предъ литургіею читали намъ огласительныя молитвы, и мы проклинали всѣ ереси и расколы. Въ осьмый день всѣхъ насъ десять человѣкъ присоединили къ св. восточной соборной апостольской Христовой Церкви: иныхъ совершенно крестили, иныхъ только св. мѵромъ помазали, въ числѣ которыхъ и насъ двоихъ присоединили, и прича-

стили всѣхъ святыми Тайнами, тѣломъ и кровію Христовою. И была во всей обители, а наипаче между нами, великая радость и веселіе; и всѣ мы благодарили Господа Бога, Царя небеснаго, за Его великія милости, что сподобилъ насъ недостойныхъ рабовъ Своихъ присоединиться къ св. восточной Церкви. Потомъ сдѣлали насъ послушниками, и причислили къ братству. Отецъ, бывшій Гедеонъ, нареченный во св. крещеніи Михаилъ, сдѣлался боленъ, и постригли его въ мантію, и нарекли имя ему Макарій. Потомъ и мы начали просить архимандрита Рафаила, чтобы всѣхъ насъ постригъ въ полное монашество по благословенію митрополита. Онъ же, яко человѣкъ, поколебался, послушалъ нѣкоторыхъ изъ братіи, внушавшихъ опасеніе, дабы мы не возобладали монастыремъ, и не захотѣлъ насъ постричь, и началъ изъявлять желаніе, чтобы мы вышли изъ монастыря. Мы же, видѣвши, что онъ сталъ къ намъ нерасположенъ, смутились, и, посовѣтовавшись, поѣхали въ Яссы просить митрополита, чтобы далъ намъ однимъ особливый хотя малый монастырь, или мѣсто для монастыря: ибо мы можемъ и еще много обратить раскольниковъ. Но митрополитъ въ томъ отказалъ, и сказалъ: „возлюбленныя мои чада! послушайте меня: монастырей у меня много, мнѣ ихъ не жалко, любой возмите. Но только я вамъ не совѣтую этого заводить; потому что васъ здѣсь не много; да еще же вы здѣсь пришельцы; безпрестанно васъ будутъ подозрѣвать и на васъ клеветать. Конечно, пока я буду живъ, никого не послушаю; потому что я знаю ваше расположеніе къ св. восточной Христовой Церкви, но я уже доживаю послѣдніе дни. Послѣ меня настанетъ другой митрополитъ: можетъ быть, начнетъ васъ притѣснять; и вы разойдетесь въ разныя стороны. А я вамъ совѣтую вотъ что: кто хочетъ жить въ Молдавіи, то въ какой только пожелаетъ монастырь—опредѣлю. А кто хочетъ, пусть идетъ къ своимъ соотечественникамъ въ Россію, а кто пожелаетъ,

пусть идетъ на св. гору Аѳонскую. Я благословляю всѣхъ на всѣ четыре стороны".

„Пріѣхавши въ монастырь", продолжаетъ инокъ Парѳеній, „отецъ Іоаннъ, другъ моій, съ тремя человѣками—Анатоліемъ, Ѳеодоритомъ и Германомъ, немедленно отправились въ Россію; приглашали и меня, но я отказался, потому что мое намѣреніе было идти на св. Аѳонскую гору. По отъѣздѣ отца Іоанна, архимандритъ паки весьма къ намъ расположился, и много сожалѣлъ, что отпустилъ о. Іоанна въ Россію. Потомъ насъ оставшихся всѣхъ опредѣлилъ къ разнымъ послушаніямъ; меня опредѣлилъ къ пономарской должности. И кто желалъ, тѣхъ постригъ въ полное монашество. Отца Ѳеодосія постригъ, и отпустилъ въ пустыню къ отцу Іоанну схимнику; отца Макарія (бывшаго Гедеона) сдѣлалъ келаремъ; отца Климента (бывшаго Кипріана) сдѣлалъ ключаремъ и экономомъ. Итакъ, мы начали жить всѣ въ покоѣ душевномъ и тѣлесномъ, хваляще и благодаряще Господа нашего Іисуса Христа, поюще и величающе святое имя Его".

Выѣхавшіе въ Россію: о. Іоаннъ, о. Анатолій, о. Ѳеодоритъ и о. Германъ направились въ Саратовскую губернію, въ единовѣрческіе монастыри на р. Иргизѣ, и помѣстились сперва всѣ вмѣстѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ, а потомъ, въ 1841 году о. Анатолій перешелъ на жительство въ Спасо-Преображенскій монастырь, гдѣ посвященъ въ санъ іеродіакона и іеромонаха, а съ 1844 года проходилъ должность казначея, завѣдуя обширнымъ монастырскимъ хозяйствомъ и тѣмъ промыслительно пріуготовляясь, въ свое время, послужить хозяйственною опытностію новооснованному, при Троице-Сергіевой Лаврѣ, Геѳсиманскому скиту.

Въ то время, какъ Іоаннъ и Анатолій проживали въ Иргизкихъ единовѣрческихъ монастыряхъ, Макарій и Александръ (бывшіе Гедеонъ и Аѳаній) оставались еще нѣкоторое время въ Молдавіи въ православномъ мона-

стырѣ Ворона, гдѣ присоединились къ православной Церкви и постриглись въ монашество; здѣсь они прожили до 1843 года; а въ началѣ этого года, выѣхавъ въ Россію, прибѣгли подъ покровительство Московскаго архипастыря митрополита Филарета, и по принятіи Русскаго подданства, опредѣлены на жительство, сперва въ Вновскій монастырь, а съ открытіемъ (въ 1844 г.) Геѳсиманскаго скита, перемѣщены въ оный.

Въ письмахъ митрополита Филарета къ о. намѣстнику Лавры архимандриту Антонію (ч. 2-я, доведенная до 1850 г.) встрѣчаются не разъ упоминанія о сихъ двухъ старцахъ, свидѣтельствующія о томъ вниманіи, которымъ пользовались они, какъ первоначальники и первоустроители столь любимой имъ Геѳсиманской отшельнической весн.

Такъ, въ письмѣ отъ 21 февраля 1843 г. (№ 359) митрополитъ пишетъ: „совѣщусь я предъ выходцами (Молдавскими), что долго продержалъ прошенія (о принятіи подданства и опредѣленіи).

По открытіи скита въ 1844 г., въ письмѣ за № 445, октября 10 дня 1844 года: „Макарію и Александру посить мантіи въ скитѣ Богъ благословитъ.“

Въ письмѣ за № 461, отъ 17-го января 1845 года, читаемъ: „Макарія и Александра, если есть три года отъ опредѣленія ихъ въ монастырь, надобно представить къ постриженію, и для того, чтобы на семъ было благословеніе Св. Синода, и чтобы ихъ монашество было и по внѣшнему порядку управленія благозаконно“. Указъ о постриженіи полученъ и объявленъ 7-го марта 1845 г. Въ томъ же году оба старца рукоположены во іеродіаконы (Иларіонъ 18, а Александръ 21 марта), и за тѣмъ Иларіонъ 25 марта рукоположенъ во іеромонаха, съ назначеніемъ управлять новоосновавшимъ Геѳсиманскимъ скитомъ, въ званіи *благочиннаго*, а о. Александръ рукоположенъ во іеромонаха 26-го января 1847 года.

Все это совершилось при особомъ вниманіи къ нимъ

попечительнаго владыки, зорко слѣдившаго за ростомъ своего любимаго дѣтища, Геѳсиманскаго скита.

Вотъ убѣдительныя сему доказательства: въ письмѣ за № 469, отъ 14 марта 1845 года читаемъ: „скитянъ Макарія въ іеромонаха, а Александра въ іеродіакона поставить призываю благословеніе и устроеніе Божіе. А имъ скажите, что они прежде принесли жертву смиренію (т. е. вступили на правахъ новоначальныхъ и выдержали положенный искусъ), и Господь принялъ ее, а теперь пусть принесутъ жертву послушанію, и сія угодна будетъ Господу. Пресвятая Дѣва, покровительница Геѳсиманскаго скита, да положитъ имъ въ сердце свое слово: буди мнѣ по глаголу, пришедшему свыше отъ Божіихъ судебъ, хотя къ нимъ приходитъ глаголъ и не чрезъ ангела, но чрезъ людей, помилованныхъ быти служителями воли Господней.“

Въ письмѣ за № 472, отъ 25 марта 1845 года, по рукоположеніи Макарія во іеромонаха и Александра во іеродіакона, владыка пишетъ: „Получены отъ васъ монахи Макарій и Александръ. Благодать Божія возвращаетъ вамъ іеромонаха и іеродіакона. Господь да сохранитъ ихъ истинными слугами Своихъ Таинствъ, а вы наставляйте ихъ въ служеніи, и служенія достойномъ житіи“.

Далѣе изъ письма за № 493, отъ 13 октября 1845 года видно, что старцы Макарій и Александръ, отягощаясь попеченіемъ о внѣшнемъ благоустроеніи скита, уже стали помышлять о вящшемъ уединеніи и стужали о семъ о. намѣстнику, который въ свою очередь довелъ о семъ до свѣдѣнія митрополита. „Макарію и Александру, писалъ владыка, надобно сказать, что и въ скитѣ безмолвія довольно для внимающаго себѣ. И надобно, чтобы скитъ былъ благоустроенъ, чтобы и пустынножительство близъ его было благословенно отъ дома Пресвятыя Богородицы, сущаго въ скитѣ. Неправо было бы разбѣжаться въ лѣсъ, и ослабить благоустройство въ домѣ Пресвятыя Богоро-

дицы. Да преклоняютъ души свои подъ Ея покровъ, прося себѣ спасительнаго устроенія, не спѣша своими помыслами, хотя и благими являются."

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1848 года, о. Макарій уволился, по прошенію, отъ должности „благочинія" (начальствующаго Геѳсиманскимъ скитомъ), и выпросилъ себѣ позволеніе удалиться въ безмолвную келлію, построенную для него въ скитскомъ лѣсу. По сему поводу въ письмѣ за № 625 (отъ 15 февраля 1848 года), читаемъ: „Преподобный Макарій Египетскій и преподобный Сергій да благословятъ именемъ Господнимъ Макарія на подвигъ безмолвія, на святую четыредесятницу, съ возвращеніемъ къ общенію во дни субботные и воскресные, и ради чреды священнослуженія. Господу помолимся о немъ; и онъ да помолится о насъ. Да даруетъ ему Господь не сматряти видимыхъ, но невидимыхъ, и обрѣсти истинный плодъ безмолвія, растущь на корени смиренія. О. Варлаамъ да наполнитъ его мѣсто, строительствуя въ общежитіи (скитскомъ). Господь да благословитъ сіе къ общему созиданію и миру."

25-го октября того же 1848 года о. Макарій, согласно его желанію, постриженъ въ схиму съ нареченіемъ Иларіономъ. По сему случаю въ письмѣ за № 659 (отъ 18 октября 1848 года) владыка пишетъ: „Господь да поможетъ о. Макарію облещися во вся оружія Божія (схиму), и возмощи стати противу всего враждебнаго миру и спасенію". А по постриженіи, въ письмѣ за № 661 (отъ 29 октября 1848 года) пишетъ: „привѣтствую о. Иларіона. Да дастъ ему Господь во всеоружіи духовномъ радостный упованіемъ подвигъ и побѣду, и миръ неотъемлемый."

Въ томъ же 1848 году прибылъ на жительство въ Геѳсиманскій скитъ и старецъ о. Іоаннъ, который по выѣздѣ изъ Молдавіи (въ 1839 году вмѣстѣ съ о. Анатоліемъ и двумя другими) поселился въ единовѣрческомъ Воскресенскомъ монастырѣ (на Иргизѣ, тогда Саратов-

ской, а нынѣ Самарской губерніи), опредѣленъ въ братство онаго монастыря въ 1841 году; тамъ же рукоположенъ въ 1844 году іюня 1 дня во іеродіакона, а октября 15-го во іеромонаха. Три вышеупомянутые старца: о. Иларіонъ, о. Александръ и о. Іоаннъ, обрѣтя себѣ тихое пристанище въ Геѳсиманскомъ скитѣ, въ 1849 году пригласили къ себѣ и четвертаго изъ своихъ товарищей и духовныхъ друзей, Анатолія, который, въ августѣ 1849 г. и опредѣленъ, согласно его прошенію, въ Геѳсиманскій скитъ, и въ томъ же году, 8-го ноября, сдѣланъ строителемъ скита, коимъ и управлялъ съ этого времени ровно 30 лѣтъ.

И такъ, въ 1849 году всѣ четыре старца—о. Иларіонъ, о. Израиль, о. Александръ и о. Анатолій, связанные между собою издавна узами духовной дружбы и любви, сошлись снова для вожделѣннаго купножитія въ Геѳсиманскомъ Богородичномъ скитѣ, притомъ управляемомъ однимъ изъ нихъ—о. Анатоліемъ. Эти-то старцы и положили въ скитѣ то твердое основаніе монашеской жизни, которое послужило причиною такого быстраго роста и процвѣтанія этой обители.

Хотя всѣ названные старцы отличались подвижническимъ направленіемъ, и потому пользовались большимъ уваженіемъ скитской братіи и имѣли среди ея преданныхъ себѣ учениковъ; но болѣе всѣхъ прочихъ даромъ духовнаго разсужденія и строгимъ вниманіемъ къ себѣ отличался отецъ *Александръ* [1]). Его жизнь была какъ-то особенно ровная, ничѣмъ не выдѣлявшаяся, по видимому, изъ ряда обыкновеннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ была въ высшей степени назидательна. Не увлекался онъ никогда особеннымъ подвижничествомъ, которое сдѣлало-бы его какъ-

[1]) Этотъ о. Александръ былъ *іеромонахомъ*, чѣмъ и отличался отъ другаго о. Александра—*іеросхимонаха*, извѣстнаго также подъ названіемъ—затворника. (Смотри о немъ ниже).

нибудь замѣчательнымъ и выдающимся изъ числа прочихъ, но и не позволялъ себѣ ни въ чемъ ни малѣйшаго послабленія. Каждую службу посѣщалъ онъ неопустительно, а къ утрени приходилъ всегда за полчаса или за четверть часа до начала, и выходилъ изъ церкви всегда послѣ всѣхъ. Въ трапезу ходилъ ежедневно, не только къ обѣду, но и къ ужину, такъ-какъ послѣ ужина читалось тутъ же вечернее правило и съ поклонами, которое онъ никогда не опускалъ; пищу же употреблялъ весьма умѣренно, и только въ трапезѣ, а въ келліи, кромѣ чаю, никогда ничего не имѣлъ, и ни на какіе званные обѣды ни къ братіи ни къ строителю никогда не ходилъ, хотя и былъ иногда приглашаемъ. Не стремился онъ къ особенному уединенію и къ удаленію отъ всѣхъ, какъ это дѣлали другіе, но отъ ненужныхъ разговоровъ и бесѣдъ уклонялся на столько, что не имѣлъ даже у себя особенныхъ учениковъ, хотя и не отказывалъ, при надобности, въ полезномъ совѣтѣ нуждающимся въ немъ. Онъ особенно любилъ чистоту и опрятность, и не отказывался даже ходить вмѣстѣ съ братіею въ общую баню, отъ чего другіе, болѣе строгіе въ подвижничествѣ старцы, заботливо устранялись. Въ келліи у него было всегда очень чисто и опрятно, и тщательно прибрано; одежду носилъ онъ только ту, какую получалъ изъ общей братской рухлядной, одинаковую со всею братіею: но она была у него всегда опрятная и чистая. Уваженіе къ нему братіи было такъ велико, что самые старцы, такъ сказать, его боялись, и если случалось которымъ изъ нихъ сойтись гдѣ нибудь по близости отъ его келліи, то старались какъ можно скорѣе разойтись, или побесѣдовать какъ нибудь шопотомъ, — „чтобы не увидалъ или не услыхалъ отецъ Александръ“.... И не вотще было такое къ нему уваженіе: самъ Богъ еще при жизни его засвидѣтельствовалъ его богоугожденіе слѣдующимъ образомъ.

Многіе и теперь еще помнятъ благочестивое семейство—

Ивана Трифоновича и Анну Михайловну Прохоровыхъ, отличавшихся, при своей состоятельности, особеннымъ усердіемъ къ обители преподобнаго Сергія и къ Геѳсиманскому скиту. Въ виду такого ихъ усердія, они пользовались и особеннымъ уваженіемъ митрополита Филарета и намѣстника Антонія. Но у нихъ долго, почти до старости, не было дѣтей. Анна Михайловна особенно объ этомъ всегда скорбѣла и часто молилась о разрѣшеніи своего неплодства. И вотъ однажды во снѣ является ей какой-то монахъ, и говоритъ: „не скорби: будутъ у тебя два сына—Василій и Сергій“.—„Да кто-же вы, батюшка?“ спросила она во снѣ явившагося ей.—„Іеромонахъ Александръ, изъ Геѳсиманскаго скита,“ отвѣтилъ онъ. Съ этими словами она проснулась, и не мало дивилась необычайному сну. Когда послѣ того ей пришлось быть у строителя скита, она спросила его: есть ли въ числѣ братіи іеромонахъ Александръ и, узнавъ, что есть, пожелала его видѣть. Когда же увидѣла, то тотчасъ узнала въ немъ явившагося ей во снѣ старца, и поклонилась ему, прося благословенія и святыхъ его молитвъ. Вскорѣ дѣйствительно у нея родились, одинъ послѣ другаго, два сына, которыхъ и назвали—одного Василіемъ, а другаго Сергіемъ, и больше дѣтей у нихъ уже не было. Отецъ и мать, вслѣдствіе этого, всегда питали особенное благоговѣніе къ о. Александру, и когда дѣти ихъ стали ходить, они привели ихъ къ нему, и просили, чтобы онъ ихъ благословилъ. Въ благодарность за дарованное чадородіе и въ память о семъ, они пожертвовали въ скитъ большіе серебряные вызолоченные сосуды художественной работы, также массивное Евангеліе, обложенное серебромъ и большой серебряный напрестольный крестъ. Всѣ эти вещи, съ согласія жертвователей и съ разрѣшенія митрополита Филарета, въ виду того, что въ скиту, по его правиламъ, употребленіе предметовъ изъ драгоцѣннаго металла даже при богослуженіяхъ не допускается,

взяты въ Лавру, гдѣ и хранятся доселѣ, и употребляются при митрополичьихъ служеніяхъ.

Отецъ Александръ скончался ранѣе всѣхъ своихъ духовныхъ друзей, именно 8 мая 1870 года, на 70-мъ году отъ рожденія; погребенъ на скитскомъ кладбищѣ у Воскресенской церкви. Памятникъ на его могилѣ поставленъ усердіемъ помянутыхъ господъ Прохоровыхъ.

О. *Иларіонъ*, іеросхимонахъ, по принятіи (въ 1848 г.) схимы, въ теченіи болѣе 10-ти лѣтъ жилъ въ отдѣльной келліи въ лѣсу, за нынѣшними скитскими пещерами, потомъ перешелъ въ скитъ, а въ 1864 году опять переселился въ отдѣльную келлію близь нынѣшней пустыни св. Параклита; въ 1867 г. перешелъ въ эту пустынь и въ томъ же году перемѣстился опять въ скитъ, гдѣ и прожилъ до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1878 году 15-го января, на 77-мъ году отъ рожденія. Это частое оставленіе имъ своихъ келлій и переселеніе на другія мѣста съ сохраненіемъ строжайшаго уединенія и отшельничества, дало поводъ о. намѣстнику Антонію говорить объ немъ, что о. Иларіонъ подражаетъ современному себѣ древнему подвижнику Иларіону великому. И у этого, какъ у того, келліи не имѣли никакого устройства въ смыслѣ удобства для жительства. То были мазанки или землянки, ничѣмъ не привязывавшія къ себѣ отшельника, и потому легко имъ оставляемыя. О. Иларіонъ, какъ сказано выше, былъ весьма начитанъ въ священномъ Писаніи и свято-отеческихъ твореніяхъ, преимущественно предъ всѣми прочими учениками своего старца Ѳеодосія, и притомъ обладалъ обширною памятію и даромъ слова, но по живости характера и прямотѣ, былъ склоненъ столько же къ назиданію, сколько и къ обличенію. Посему и во время пребыванія его въ уединеніи число относившихся къ нему за духовными совѣтами не могло быть значительно. Пользовались болѣе примѣромъ его подвижнической жизни, нежели словомъ назиданія.

Отецъ *Израиль,* также іеросхимонахъ, былъ начитанъ въ священномъ Писаніи и отеческихъ книгахъ не менѣе о. Иларіона и при томъ отличался особенной простотой и былъ старецъ любвеобильный и общительный; бесѣда его была сердечная и потому дѣйствительная; но по слабости здоровья онъ принималъ къ себѣ мало и держался болѣе безмолвія, при томъ же за 7 лѣтъ до кончины лишился вовсе зрѣнія. Онъ принялъ схиму въ 1854 году и скончался не долго спустя послѣ о. Иларіона, въ томъ же 1878 году, 3-го іюля, на 83-мъ году отъ рожденія.

Отецъ *Анатолій* (въ схимѣ Алексій), вызванный въ Геѳсиманскій скитъ своими товарищами и духовными друзьями, и по ихъ указанію сдѣланный начальникомъ скита, съ достоинствомъ и съ величайшею пользою для скита управлялъ имъ въ теченіи 30-ти лѣтъ—сперва (съ 1840 по 1874 г.) въ званіи строителя, а потомъ (по 1879 г.) въ званіи игумена. Отъ своихъ вышепомянутыхъ товарищей и духовныхъ друзей, о. Анатолій, при ровномъ духовномъ настроеніи, отличался способностію къ хозяйству и любовію къ монастырскому порядку и чину, и въ томъ же духѣ готовилъ своихъ учениковъ, завѣщавая имъ паче всего блюсти установленный въ скиту чинъ церковный, трапезный и хозяйственный, и усердно трудиться на пользу общежительную въ тѣхъ послушаніяхъ, какія кому указаны волею начальствующаго.

О трудахъ о. Анатолія по внѣшнему и внутреннему устройству Геѳсиманскаго скита, можно сказать словами Писанія: „пріиди и виждь.“ Когда о. Анатолій, въ 1849 году, былъ назначенъ на должность строителя, въ скиту была одна деревянная церковь съ пристроенными къ ней митрополичьими келліями, гдѣ внизу помѣщалась братская трапеза, да еще два-три небольшихъ корпуса для братскихъ келлій. Двѣ же нынѣшнія каменныя церкви въ скиту съ корпусами братскихъ келлій, часовня въ Москвѣ у Ильинскихъ воротъ, домъ близъ Сухаревой

башни, пещерное отдѣленіе скита съ гостинницею, другія жилыя и хозяйственныя зданія скита и хозяйственная ферма по дорогѣ отъ скита въ Виѳанію, — все это устроено подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сего попечительнаго строителя - игумена, пользовавшагося и особеннымъ довѣріемъ высокочтимыхъ настоятелей Лавры — митрополитовъ Филарета и Иннокентія, при которыхъ протекло почти все его управленіе, а также ихъ ближайшаго помощника по устроенію Геѳсиманскаго скита, намѣстника Лавры архимандрита Антонія. Митрополитъ Филаретъ, въ послѣдніе годы своей жизни проживавшій въ лѣтнее время по долгу въ излюбленномъ имъ Геѳсиманскомъ скитѣ, имѣлъ случай лично узнать и оцѣнить, какъ хозяйственныя способности и усердіе о. Анатолія, такъ и въ особенности, его добрыя душевныя свойства и способность къ управленію братіею и къ руководству ихъ по пути спасенія—что весьма рѣдко встрѣчается, но особенно цѣнно по своей благотворности, какъ главная причина внутренняго и внѣшняго благоустройства обителей. Поэтому владыка особенно полюбилъ о. Анатолія и нерѣдко удостоивалъ своей бесѣды, о чемъ впослѣдствіи о. Анатоліи всегда вспоминалъ съ чувствомъ душевнаго умиленія. По тѣмъ же причинамъ и митрополитъ Иннокентій удостоивалъ его своимъ особеннымъ довѣріемъ и вниманіемъ, также и преемникъ о. архимандрита Антонія по намѣстничеству въ Лаврѣ, архимандритъ Леонидъ относился къ старцу съ уваженіемъ и довѣріемъ и въ память о немъ составилъ приведенную брошюру о первоначальныхъ старцахъ Геѳсиманскаго скита.

По истеченіи ровно 30 лѣтъ своего управленія Геѳсиманскимъ скитомъ, о. Анатолій, по преклонности лѣтъ и болѣзни, уволился на покой и остался на жительствѣ въ томъ же скитѣ до самой кончины, послѣдовавшей 6-го мая 1881 года. Въ своей предсмертной болѣзни, начавшейся съ разными перерывами съ самой Пасхи (12-го

апрѣля), отецъ игуменъ пожелалъ, и незадолго до кончины получилъ разрѣшеніе облечься въ великій ангельскій образъ (схиму); наканунѣ кончины удостоился таинства Елеосвященія и простился съ братіею; причащался неоднократно во время болѣзни и въ самый день кончины удостоился быть напутствованъ причащеніемъ св. Христовыхъ Таинъ, а въ 4 часа по полудни (6-го мая) мирно почилъ о Господѣ. Погребенъ на скитскомъ кладбищѣ, близъ трехъ прежде его отшедшихъ ко Господу старцевъ— духовныхъ друзей своихъ, отцевъ: Александра, Иларіона и Израиля.

На могилахъ всѣхъ четырехъ старцевъ любовію и усердіемъ къ нимъ поставлены скромные памятники съ приличными надписями. На памятникѣ о. Анатолія (въ схимѣ Алексія) сдѣлана слѣдующая надпись, имъ самимъ предначертанная за годъ до кончины: „Здѣсь погребено тѣло игумена Анатолія (въ схимѣ Алексія); постриженъ въ монашество въ Молдавіи; управлялъ Геѳсиманскимъ скитомъ 30 лѣтъ; скончался 6-го мая 1881 года, на 77 году отъ рожденія, изъ коихъ въ монашествѣ 50 лѣтъ.“

Къ этой скромной надписи съ другой стороны памятника прибавлены стихи:

Ты православья истину созналъ,
И до конца ей вѣренъ оставался;
Кончину мирную за то пріялъ,
Жилъ мирно, тихо и скончался.
Ты погребенъ внутри ограды,
Своей же трудовой;
Окрестъ тебя отцы и чада,
Собранные тобой.
Мы всѣ тебя съ любовью вспоминаемъ
И царствіе небесное наслѣдити желаемъ.

А. Л.

XIV.

Другіе болѣе замѣчательные подвижники и старцы.

Подвижническое направленіе, положенное приведенными старцами въ основаніе иноческаго жительства въ Гефсиманскомъ скитѣ, не осталось безплоднымъ, и привлекло сюда многочисленныхъ послѣдователей „пути Иліина, Іоаннова, Антоніева, Сергіева...“ Не только скитъ наполнился ревнителями сего пути, но и вокругъ него вскорѣ возникло множество отшельническихъ келлій, въ которыхъ любители строжайшаго уединенія искали достигнуть конца своихъ желаній въ полномъ отрѣшеніи отъ всего. Мы видѣли, что и изъ Молдавскихъ выходцевъ двое стремились къ вящшему уединенію, и хотя сначала были остановлены въ этомъ владыкой, но впослѣдствіи тотъ же владыка долженъ былъ уступить, и благословить о. Макарія (въ схимѣ Иларіона) на отшельничество. Изъ другихъ болѣе замѣчательныхъ подвижниковъ извѣстны:

1. Схимонахи *Харитонъ* и *Матоей*. Относительно ихъ имѣется въ „Монастырскихъ письмахъ“ сказаніе о томъ, какъ они, по смерти, явились одной крестьянской дѣвицѣ, которая желала поступить въ монастырь, но не была принята игуменьей за неимѣніемъ средствъ къ уплатѣ требуемаго взноса. Дѣвица, зайдя послѣ полученнаго отказа въ келлію одной знакомой ей монахини той обители, въ скорби объ отказѣ въ пріемѣ уснула, и видитъ во снѣ, что два схимника молятся о ней предъ образомъ Богоматери, и просятъ, чтобы Матерь Божія повелѣла игуменіи принять ее. Отъ иконы послѣдовалъ отвѣтъ Божіей Матери, что исполняетъ прошеніе ихъ, и уже повелѣла принять въ число сестеръ сію дѣвицу. Икона скрылась, а схимники, обратясь къ дѣвицѣ, говорятъ: завтра, послѣ утрени иди къ игуменіи, и будешь принята. Дѣвица во снѣ бросается къ ногамъ старцевъ, и спрашиваетъ, кто они?—Мы изъ

скита Геѳсиманіи, сказали они, схимонахи Харитонъ и Матѳей. Дѣвица просыпается и спѣшитъ по благовѣсту къ утрени. Послѣ утрени она опять падаетъ къ ногамъ игумении, а та, поднимая ее, говоритъ: „приходи, приходи, приму, и ничего не надо: видишь, за тебя возстаютъ схимонахи Геѳсиманскаго скита“. Дѣвица осталась въ томъ монастырѣ (въ г. Суздалѣ), а отцу своему, жившему въ Александровскомъ уѣздѣ, поручила въ благодарность совершить паннихиду по Харитонѣ и Матѳеѣ. Отецъ, придя для сей цѣли въ скитъ, разсказалъ о семъ случившемуся въ то время здѣсь намѣстнику Лавры архимандриту Антонію, который и предалъ сіе писанію.

Благодатное явленіе это свидѣтельствуетъ, что оба сіи старца одинаково получили дерзновеніе молиться и помогать своими молитвами нуждающимся въ небесной помощи, хотя при жизни внутренній ихъ подвигъ, по видимому, имѣлъ большое различіе. Одинъ, такъ сказать, кровавымъ трудомъ и злостраданіемъ искупалъ мысленныя поползновенія и навыки прежней жизни; а другой совершалъ свой молитвенный подвигъ съ немалымъ душевнымъ утѣшеніемъ и радостію, какъ это видно изъ сохранившагося письма о. намѣстника Антонія ко владыкѣ Филарету, отъ 7 ноября 1850 года, въ которомъ описаны внутренній подвигъ и дѣланіе обоихъ сихъ старцевъ.

„Господу благодареніе, пишетъ о. намѣстникъ, молитвами вашими растетъ въ скитѣ новой Геѳсиманіи залогъ святой монашеской жизни. Входящіе въ мироварницы, и не участвуя въ дѣланіи благовоннаго мира, на одеждахъ своихъ износятъ благовоніе, коимъ наполнено мѣсто: нѣчто подобное бываетъ и въ душѣ. Обращаясь съ людьми благочестивыми, по необходимости что-то доброе пристаетъ къ душѣ. Такъ слышу отъ многихъ бывающихъ въ скитѣ, тоже и самъ въ себѣ ощущаю, что и при маломъ пребываніи въ немъ, тотчасъ является желаніе и любовь къ улучшенію своей жизни.

„Бѣдный о. Харитонъ очень страдаетъ отъ вражіихъ навѣтовъ. Помышленія его, вызванныя прежнею жизнію и навыкомъ къ самодовольству и тщеславію, не могли еще укротиться въ скитской тишинѣ, а потому и бѣсамъ путь открытъ еще къ душѣ его, при всемъ даже его духовномъ подвигѣ. Въ молитвѣ они выкрадываютъ у него память молитвенную, въ чтеніи просто закрываютъ слова. И это не есть болѣзнь, или замѣщательство какое въ зрѣніи,—нѣтъ, это просто какъ бы игра демонская, оскорбляющая подвижника. Въ стояніи — то силы разслабятъ, то пустыми привидѣніями устрашаютъ и смущаютъ. И онъ, бѣдный, очень впадаетъ въ уныніе. Увѣряю, что все это пройдетъ, что нужно терпѣніе, смиреніе и благодушная вѣра въ Господа спасающаго. Но работа эта ему тяжела: не скоро выкинется нравственная пыль, а покуда по грязи этой близко и свободно подходятъ демоны. Да, видно задолго до уединенія, уединенію надо учиться.

„Не то—съ Матѳеемъ! Жизнь его, видно, была простая, нравъ кроткій и тихій. Съ самаго начала духовной жизни онъ своего не искалъ, а только—Божія: какъ Богу угодить, и какъ душу спасти, отъ того и нравъ и сердце его идутъ отъ мѣры въ мѣру чистоты и святости. Самъ онъ ни того, ни другаго въ себѣ не сознаетъ и не знаетъ, хотя и ощущаетъ. Но со стороны это замѣтно по многимъ признакамъ.

„Въ воскресенье вечеромъ, бывши въ скитѣ, я взялъ съ собой о. Иларіона, и въ 7 часовъ пошли къ о. Матѳею. Тихонько подошли мы къ его кельѣ, и услышали, что онъ поетъ. Постучали, сотворили молитву; по обычаю сотворилъ и онъ и, узнавъ насъ, принялъ съ радостію. Мы сказали, что слышали, что онъ пѣлъ, и онъ простодушно отвѣтилъ: такъ, что-то весело на сердцѣ стало, я и попѣлъ. Я попросилъ его повторить то, что пѣлъ. Послѣ нѣкотораго отказа, онъ согласился, сѣлъ и сталъ

пѣть. И видимо, душа его, радуясь, восходила къ поемому имъ. Сначала онъ сталъ прославлять Святую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа, и заключилъ прошеніемъ прощенія всѣхъ грѣховъ и освященія благодатію. Потомъ обращался къ Божіей Матери, къ Предтечи, и все съ особыми прошеніями, о предстательствѣ за всѣхъ вѣрующихъ. Далѣе — къ небеснымъ силамъ, къ праотцамъ, патріархамъ, пророкамъ, апостоламъ, святителямъ, учителямъ церковнымъ, мученикамъ, исповѣдникамъ, преподобнымъ, праведникамъ. Въ каждомъ ликѣ поименно именовалъ святыхъ многихъ, и заключилъ къ каждому лику прошеніемъ о предстательствѣ предъ Господомъ о грѣхахъ нашихъ.

„Послѣ всего пѣлъ кондакъ великаго канона: „Душе моя, душе моя“... и потомъ стихиры кресту, которыя поются въ скитѣ послѣ правила. И нельзя было не примѣтить благодатной радости въ душѣ его, проявлявшейся на лицѣ.

„Просилъ я его говорить съ нами откровенно: какъ проводитъ онъ время, нѣтъ ли какихъ нападеній вражіихъ? Время, говоритъ, при помощи Божіей, безъ молитвы, кажется, не проходитъ, кромѣ сна, и малаго развѣ другаго времени. Да у меня умъ и помыслы и не знаютъ куда лучше предстать, какъ не предъ Господа и Его святыхъ: тутъ мое и счастіе, и веселіе. Врагъ разными подходитъ дѣйствіями, и внѣшними и внутренними; но Господь его для меня не страшнымъ дѣлаетъ. Простите меня; вотъ даже не терпитъ, когда и запою, его и это отгоняетъ отъ меня. А болѣе всегда призываю спасительное имя Господа нашего Іисуса Христа, и ограждаюсь крестнымъ знаменіемъ. Повѣрите-ли, иногда чувственно ощущаю, такъ какъ я не вижу ничего, а ощущаю, какъ онъ, окаянный, отбѣгаетъ, гонимый силою Божіею. А это не только утѣшаетъ меня въ моемъ безмолвіи, но и укрѣпляетъ въ упованіи на Господа. Иногда, простите, ну точно солдатъ вооруженный торжествую надъ пораженнымъ

бѣсомъ. Всего себя я предалъ Господу, и ощущаю, и вѣрую, что Онъ, по милости Своей, хранитъ меня бѣднаго, слѣпаго и немощнаго грѣшника. Батюшка! душѣ, соединенной вѣрою съ Господомъ, бѣсы не страшны, а только болѣе даютъ заботы и осторожности въ храненіи себя предъ Господомъ.

„Относительно пѣнія я спросилъ: училъ ли кто его, или читалъ опъ гдѣ о подобномъ упражненіи?—Нѣтъ, батюшка, сказалъ онъ; такъ, кажется, сами мысли, какъ будто потерянную дорогу отыскавъ, радовались, воспоминая мнѣ отъ лика—ликъ, и имена. Вотъ я однихъ преподобныхъ помненно болѣе 500 вспоминаю; иногда я цѣлую ночь со всѣми ими обращаюсь, размышляя, какъ силы небесныя и святые славословятъ и служатъ Господу, и какъ Господь радуется и освящаетъ ихъ Своею благодатію, и какъ они просятъ о насъ милости у Него, а Онъ, любя ихъ, послушаетъ, и насъ милуетъ, и тайными, и явными судьбами Своими. Иногда поплачу, иногда радуюсь, а глядь—время и прошло, а иногда и много пройдетъ.

„О. Иларіонъ спросилъ: ты любилъ прежде чай кушать, не хочешь ли и нынѣ?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; я ѣмъ сухарики съ водой, и они мнѣ чудно сладки и здоровы, а иногда прошу капустки, или щецъ, какъ это требуется внутренностію. И я очень всѣмъ доволенъ! Чайку я не сталъ пить не потому, что въ немъ есть грѣхъ; но разъ раздумался я, какъ жили Симеонъ Столпникъ, св. Марія Египетская, Сергій преподобный... И всѣ-то они чайку не пили. Помолясь имъ, и я сталъ отставать, и нынѣ не пью его. А если вы разрѣшите, пожалуй напьюсь. Я сказалъ, чтобы онъ слѣдовалъ своему внутреннему побужденію, а не нашимъ немощнымъ напоминаніямъ.

„Такъ мы съ сердечнымъ удовольствіемъ провели не малое время у о. Матѳея, и я возвратился въ скитъ не

безъ утѣшенія духовнаго. Размышляя обо всемъ видѣнномъ мною у него, я не могъ не замѣтить, что душа его находится въ весьма благоустроенномъ состояніи, и самое это молитвенное пѣніе показало мнѣ, что онъ въ созерцаніи дышетъ горнимъ".

Въ отвѣтъ на это письмо владыка писалъ: „Съ о. Матѳеемъ и я чрезъ васъ побесѣдовалъ съ любовію и утѣшеніемъ. Благодарю" [1]).

Есть и еще весьма назидательный разсказъ о семъ старцѣ въ „Монастырскихъ письмахъ". Однажды во время вечерней прогулки митрополита Филарета по скиту, ему встрѣтился старецъ, схимонахъ Матѳей, который, поклонившись архипастырю, просилъ благословенія. Владыка, благословляя его, спросилъ: какъ поживаешь, о. Матѳей?—Плохо, отвѣчалъ онъ: лѣности много предаюсь, мало молюсь, по слабости зрѣнія не могу читать акаѳисты.—Такъ замѣни это сердечною молитвою: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, сказалъ владыка.—Давно, батюшка, молитва эта и во снѣ не отходитъ отъ моего грѣшнаго сердца, отвѣтилъ схимникъ.—И довлѣетъ тебѣ! сказалъ владыка.

Чрезъ годъ послѣ этого, 28 апрѣля 1852 г. послѣдовала кончина старца. О. намѣстникъ случился въ это время въ скиту. Узнавъ, что схимникъ весьма болѣнъ, пишетъ онъ, я поспѣшилъ навѣстить его. У его келын я встрѣтилъ одного брата, и спросилъ его: въ какомъ положеніи о. Матѳей?—„Послѣдніе часы доживаетъ, отвѣтилъ онъ, и прибавилъ: хорошо, что вы идете къ нему: есть мысль у нѣкоторыхъ, что у него имѣются деньги, и въ немаломъ количествѣ; предупредите искушеніе, спросите, и отберите, что есть у него, и тѣмъ поможете душѣ его." Непріятно мнѣ было слышать это о схимникѣ, котораго я зналъ, какъ истинно благочестиваго подвижника.

[1]) Письмо 781. Писемъ ч. III, стран. 59. Москва, 1883.

Вхожу въ келью, и вижу, что онъ лежитъ на рогозинѣ среди пола. Обрадовавшись, старецъ испросилъ благословенія. Зачѣмъ ты, о. Матѳеій, лежишь на полу? спросилъ я.—Мнѣ свободнѣе повернуться, сказалъ онъ, да и думалъ я, что брату менѣе будетъ труда опрятать тѣло мое грѣшное, когда разлучится съ нимъ душа. Миренъ ли ты, и нѣтъ ли какихъ смущеній мысленныхъ? спросилъ я.—Уповаю на милость Господа Іисуса Христа, и имѣю миръ въ помыслахъ.—О. Матѳеій! нѣтъ ли у тебя денегъ гдѣ либо, или кому либо отданныхъ на сохраненіе?—Прости Христа ради, есть, вотъ онѣ на окнѣ въ коробочкѣ, сказалъ старецъ; въ прошломъ году ты далъ мнѣ рубль на бѣлые хлѣбы, по немощи моей; отъ другихъ я ни отъ кого не принималъ, а тратилъ твои деньги; и вотъ, что осталось,—возьми Бога ради. Вчера просилъ я купить калачикъ, отдалъ двѣ копѣйки, но ѣсть не могъ; возьми и отдай, кому знаешь. Я взялъ съ окна коробочку, раскрылъ, и увидѣлъ въ ней три гроша. Смиренное нестяжаніе тронуло меня до слезъ. Побесѣдовавъ еще и испросивъ себѣ его молитвъ, я простился, и онъ часа чрезъ полтора мирно скончался. Выходя изъ его кельи, я опять встрѣтился съ тѣмъ братомъ, который сказалъ мнѣ объ имуществѣ схимника. Вотъ, говорю и деньги отдалъ мнѣ схимникъ—всѣ, сколько у него было: отнеси къ строителю. Братъ, взявъ отъ меня коробочку, тутъ же открылъ ее. Стыдно ему стало, и онъ, клапяясь, просилъ прощенія. Я взялъ коробочку съ тремя грошами, и подалъ первому попавшемуся нищему, въ милостыню о преставльшемся [1]).

2. Отецъ *Александръ*-затворникъ (схимникъ).

Большимъ уваженіемъ и извѣстностію пользовался въ свое время по своему благотворному вліянію на нравственное устроеніе братіи скита іеросхимонахъ *Александръ*-затвор-

[1]) *Монастырскія письма*, письмо XXX.

никъ, имѣвшій между братіею многихъ учениковъ, приходившихъ къ нему ежедневно для откровенія помысловъ.

Урожденецъ города Козельска, Калужской губерніи, онъ еще въ дѣтствѣ слышалъ однажды разсказъ своего родителя о томъ, какъ въ Оптиной пустыни (отстоящей всего въ двухъ верстахъ отъ ихъ города) совершался при немъ обрядъ постриженія въ монашество, и какъ при этомъ новопостригаемому вручили четки, и велѣли творить постоянно молитву Іисусову: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Услышавъ это, юный отрокъ началъ самъ творить про себя эту молитву, и по временамъ ощущалъ при этомъ великое утѣшеніе, такъ что впослѣдствіи, когда уже сталъ приниматься за домашнія дѣла, то отъ внутренняго молитвеннаго утѣшенія не замѣчалъ иногда, какъ время проходило въ работѣ. Это-то опытное вкушеніе сладости молитвенной и повлекло его впослѣдствіи въ монастырь, а подъ старость—и въ затворническое уединеніе, хотя въ продолженіе многолѣтней жизни съ нимъ было не мало внѣшнихъ и внутреннихъ перемѣнъ.

27-ми лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Оптину пустынь, гдѣ жилъ нѣкоторое время подъ руководствомъ извѣстнаго въ то время старца духовной жизни, отца Леонида, а по смерти его, спустя нѣсколько лѣтъ, перешелъ, по приглашенію игумена Антонія, роднаго брата тогдашняго Оптинскаго настоятеля, отца Моисея, въ Малоярославецъ, въ Никольскій монастырь. Здѣсь онъ принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Агапита и прожилъ 5 лѣтъ; затѣмъ, по совѣту одного своего товарища, перешелъ въ Харьковскій архіерейскій домъ, гдѣ сдѣланъ іеродіакономъ, іеромонахомъ и экономомъ. Но эта должность и жизнь въ городѣ, сопряженныя со многими земными заботами и суетой, стали вредно вліять на его нравственное устроеніе, и онъ сталъ замѣчать въ себѣ увлеченіе разсѣянною жизнію. Сознавая опасность сего

въ дѣлѣ спасенія, онъ въ 1851 году перешелъ для болѣе безмолвной жизни во вновь устроенный Гевсиманскій скитъ, куда привелъ съ собой и родителя своего. Здѣсь, на пчельникѣ, онъ выстроилъ для себя и для родителя на свой счетъ келлію, въ которой и уединился для безмолвія, отправляя, впрочемъ, и чреду священнослуженія.

„О іеромонахѣ А., писалъ о немъ владыка къ о. намѣстнику въ декабрѣ 1851 г., надобно вамъ и строителю знать, соотвѣтствуютъ ли его расположенія и проводимая жизнь до нынѣ благопадежному вступленію въ избираемый подвигъ безмолвія. Если сіе усмотрѣно: то Богъ благословитъ начинаніе, съ ограниченіемъ, вами предполагаемымъ. Если же находите, что еще требуется усмотрѣніе: то возьмите на сіе нѣкоторое время: а ему послушаніе въ семъ вмѣнится въ начало подвига безмолвія“ [1]) Два года спустя, владыка писалъ: „Для о. Агапита, по моему мнѣнію, хорошо настоящее его положеніе, въ которомъ онъ и безмолвіемъ питаться можетъ, и, какъ членъ братства, въ общее служеніе свою долю вноситъ, и тѣмъ очевиднѣе пріобрѣтаетъ право на общую о себѣ молитву. Я просилъ бы его побыть еще въ настоящемъ положеніи. Есть служеніе Богу и въ томъ, чтобы не сильно настоять на исполненіе своего, впрочемъ добраго желанія, и благодушно внять тому, что предлагается съ добрымъ намѣреніемъ и любовію“ [2]).

Въ 1858 году о. Агапитъ перешелъ для болѣе уединенной жизни въ „Тарбѣево“, гдѣ въ то время устроилась отъ Лавры пустынь „Св. Параклита“. Здѣсь онъ принялъ постриженіе въ схиму съ именемъ Александра, а въ 1861 г., по просьбѣ о. намѣстника Антонія, перешелъ опять въ скитъ, для руководства въ духовной жизни младшей братіи, изъ коихъ многіе ходили къ нему за

[1]) Письмо 838.
[2]) Письмо 963.

совѣтами и на откровеніе помысловъ, получая отъ его бесѣды значительную пользу. Но какъ этимъ нарушалось его безмолвіе, то онъ сталъ проситься въ пещеры, въ затворъ. Владыка Филаретъ велѣлъ ему предварительно испытать себя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и за тѣмъ благословилъ затворничество, которое онъ и началъ въ 1862 году, 23 ноября, не переставая, впрочемъ, принимать и нѣкоторыхъ изъ братіи на откровеніе помысловъ.

Руководство о. Александра-затворника отличалось отъ руководства вышепоименованныхъ первоначальныхъ старцевъ скита—тѣмъ, что эти были расположены болѣе къ внѣшнему подвижничеству, и этимъ преимущественно путемъ вели своихъ учениковъ, хотя сами ранѣе и руководствовались, какъ сказано выше, отеческими писаніями о внутренней жизни; отецъ же Александръ все вниманіе обращалъ исключительно на очищеніе внутренняго человѣка, для чего и ввелъ между своими учениками, по примѣру Оптиной пустыни, ежедневное откровеніе помысловъ, вошедшее у нихъ въ обыкновеніе, и продолжавшееся между ними и по его кончинѣ не малое время. Эта разница въ направленіи была даже отчасти причиною нѣкотораго недружелюбнаго отношенія къ нему и къ его ученикамъ помянутыхъ старцевъ и ихъ послѣдователей, о чемъ упоминается въ запискахъ объ о. Александрѣ, составленныхъ однимъ изъ его учениковъ [1]), долгое время продолжавшимъ его дѣло въ скитѣ въ званіи братскаго духовника. Помянутая разница въ направленіи и въ способѣ преподаванія совѣтовъ и руководства, въ монашеской жизни—явленіе довольно обычное, и замѣчено еще святымъ Григоріемъ Синаитомъ. „Елицы дѣяніемъ, говоритъ онъ, многими труды и лѣты обрѣтоша благодать, якоже навыкоша, сице и другихъ поучаютъ. Не покаря-

[1]) Записки эти, существующія пока въ рукописи, не премнутъ со временемъ появиться и въ печати.

ются же непріемлющіи художественно въ то доспѣвшимъ милостію Бога, вскорѣ теплою вѣрою. Тѣмъ же и порицаютъ таковыхъ, и иныхъ извѣствуютъ, яко аще есть инако, прелесть есть, а не благодати дѣйство. И не вѣдятъ, яко *удобно есть предъ очима Господнима,* по Писанію, *внезапу обогатити нищаго* (Сирах. 11, 21)“ [1]). Однако, и тѣ и другіе, какъ сказано, сподобляются благодати; одни—многими трудами и долгимъ временемъ, а другіе—строгимъ вниманіемъ и теплою вѣрою, если, конечно, не питаютъ вражды другъ противъ друга.

Кончина о. Александра-затворника послѣдовала 7-го февраля 1878 года, на 69 году отъ рожденія.

3. Старцы *Θеодотъ* и *Тихонъ.*

Относительно ихъ имѣется краткое повѣствованіе въ описаніи пустыни св. Параклита [2]), откуда и заимствованы эти свѣдѣнія.

Іеросхимонахъ *Θеодотъ* въ 1851 году, въ санѣ іеромонаха, перешелъ изъ Оптиной пустыни въ Геѳсиманскій скитъ, гдѣ въ слѣдующемъ году постриженъ въ схиму и назначенъ духовникомъ всего братства. Проживъ въ скиту семь лѣтъ, онъ, для совершеннѣйшаго безмолвія, съ благословенія намѣстника Лавры, архимандрита Антонія, удалился вмѣстѣ съ другими двумя іеросхимонахами—Иларіономъ и Александромъ, въ глубь лѣса, на мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ пустынь св. Параклита. Здѣсь о. Θеодотъ всецѣло предался безмолвію и иноческимъ трудамъ. Когда же въ пустыни возвигнутъ былъ храмъ и, по увеличеніи числа братіи, устроилось общежитіе, то пер-

---

[1]) О различіи поющихъ. *Добротолюбія,* ч. I.

[2]) Изд. первое, 1880, сост. іеромонахомъ Харлампіемъ, нынѣ архимандритомъ и настоятелемъ Русской посольской церкви въ Тегеранѣ. Какъ въ слѣдующемъ изданіи сего описанія повѣствованіе о старцахъ. основателяхъ пустыни, выпущено: то мы помѣщаемъ это повѣствованіе здѣсь, дабы, какъ выразился помянутый авторъ, „временемъ не изгладилась живая память о нихъ“, могущая служить „въ назиданіе ближнимъ“.

вымъ его начальникомъ былъ назначенъ старецъ Ѳеодотъ. Проживъ здѣсь около четырехъ лѣтъ, онъ пожелалъ опять возратиться въ Оптину пустынь, гдѣ 8-го марта 1873 года и почилъ мирною кончиною.

Какъ въ скиту, такъ равно и въ пустыни св. Параклита отецъ Ѳеодотъ оставилъ по себѣ незабвенную память. Его наставленіями и совѣтами пользовались многіе. Простота его и смиреніе были таковы, что онъ со всѣми входилъ въ задушевный разговоръ, и потомъ, видя настроеніе души каждаго, давалъ ему приличное наставленіе.

Изъ числа многихъ учениковъ о. Ѳеодота, особенною преданностію къ нему отличался іеромонахъ *Тихонъ*, начальникъ и братскій духовникъ скитскихъ пещеръ, который на этомъ поприщѣ заслужилъ отъ братіи примѣрную къ себѣ любовь. Его кротость, любовь и состраданіе были такъ велики, что нерѣдко во время таинства исповѣди онъ самъ плакалъ и утѣшалъ кающихся. Когда о. Ѳеодотъ жилъ въ пустыни Параклита, то бывало каждую недѣлю покрытый сѣдинами старецъ о. Тихонъ, съ посохомъ въ рукахъ, бредетъ пустынною дорогой къ своему старцу, о. Ѳеодоту. Не безъ умиленія смотрѣли мы, говоритъ авторъ названной брошюры, какъ украшенный сѣдинами ученикъ смиренно просилъ наставленія у такого же старца наставника. Преданность свою къ старцу о. Тихонъ продолжалъ питать и по переходѣ его въ Оптину пустынь, до самой своей смерти,—и достойно замѣчанія, что о. Тихонъ скончался 7-го, а старецъ его о. Ѳеодотъ—на другой день, 8 марта 1873 года.

4. Отецъ игуменъ *Иларій* (въ схимѣ Илія). Бывшій настоятель Николо-Угрѣшскаго монастыря Московской епархіи, ученикъ извѣстныхъ въ свое время старцевъ отца Ѳеодора и отца Леонида Оптинскаго, урожденецъ гор. Мологи, Ярославской губ., изъ торговыхъ людей, родился въ 1796 году. Двадцати лѣтъ отъ роду Илія—такъ было его мірское имя—поступилъ въ Бѣлобе-

режскую пустынь, Орловской губерніи; отсюда, ища болѣе строгой жизни, онъ перешелъ сперва въ Коневскій, а затѣмъ—въ Валаамскій монастырь; въ 1821 году ушелъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ въ 1823 году постриженъ въ монашество. Въ 1824 году перешелъ въ Александро-Свирскій монастырь, гдѣ въ то время жительствовали великіе старцы: схимонахъ Ѳеодоръ и его ученики, іеромонахи Антіохъ и Леонидъ, для сожительства съ которыми и перешелъ туда о. Иларій, уже знавшій ихъ ранѣе того. Здѣсь онъ вскорѣ былъ рукоположенъ во іеродіакона, а въ 1828 году-во іеромонаха. Около этого времени о. Леонидъ со всѣми своими учениками перешелъ изъ А.—Свирскаго монастыря—сперва въ Площанскую, а потомъ въ Оптину пустынь. Сюда въ 1830 г. перешелъ и о. Иларій. Здѣсь познакомился съ нимъ бывшій впослѣдствіи въ Угрѣшскомъ монастырѣ его келейникомъ, затѣмъ казначеемъ, и наконецъ, преемникомъ его по настоятельству въ томъ монастырѣ, архимандритъ Пименъ, бывшій въ то время еще мірскимъ человѣкомъ, уроженецъ Вологодской губерніи. Онъ-то въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ впослѣдствіи и описалъ довольно подробно жизнь своего предшественника и старца, откуда позаимствованы помѣщаемыя здѣсь свѣдѣнія [1]).

„Когда я познакомился съ нимъ, пишетъ о. архим. Пименъ, ему было около сорока лѣтъ, роста онъ былъ довольно высокаго, волосы имѣлъ черные, лицо бѣлое и глаза пріятные, держалъ себя весьма скромно и смиренно; съ мірянами разговаривалъ неохотно, а съ женщинами и вовсе не умѣлъ вести разговоръ. Онъ былъ человѣкъ воздержный и глубоко проникнутый духомъ монашества; память имѣлъ обширную; много читалъ отеческихъ книгъ и сохранилъ въ памяти не мало разсказовъ, свѣдѣній и назидательныхъ словъ извѣстныхъ

[1]) *Воспоминанія архимандрита Пимена.* Москва, 1877.

Богомудрыхъ старцевъ и подвижниковъ нашего отечественнаго монашества“ [1]).

Въ 1834 году о. Иларій былъ назначенъ настоятелемъ Николо-Угрѣшскаго монастыря, которымъ управлялъ въ теченіе 18 лѣтъ, и за это время значительно поправилъ обитель, пришедшую предъ тѣмъ въ совершенный упадокъ по причинѣ небрежности двухъ предшествовавшихъ ему настоятелей: Израиля и Аарона, такъ что возбуждался даже вопросъ о закрытіи сего монастыря. О. Иларій своею высокою нравственностію вскорѣ привлекъ сюда благонамѣренныхъ людей,—и обитель сразу стала поправляться какъ въ духовномъ, такъ, соотвѣтственно сему, и въ матеріальномъ отношеніи, хотя къ послѣднему о. Иларій особеннаго попеченія не прилагалъ: оно явилось, какъ естественное послѣдствіе перваго.

Угрѣшскій монастырь въ то время былъ штатнымъ, и о. Иларію это весьма не нравилось. Проведя большую часть своей монашеской жизни въ общежитіяхъ, онъ не любилъ штатныхъ монастырей и неоднократно говаривалъ, что общежитіе—учрежденіе Божественное, а штатные монастыри — человѣческое. Ему хотѣлось завести и въ Угрѣшскомъ монастырѣ общежитіе; но этому его желанію суждено было осуществиться лишь при его преемникѣ. о. Пименѣ, при содѣйствіи извѣстнаго благотворителя этой обители, Александрова.

Сдѣлавшись настоятелемъ, о. Иларій нисколько не измѣнилъ своего образа жизни по сравненію съ прежнимъ: келліи свои онъ всегда имѣлъ затворенными, постоянно занимался чтеніемъ отеческихъ книгъ и преимущественно на славянскомъ языкѣ, а не въ русскомъ переводѣ, слѣдуя въ этомъ наставленію своего старца, о. Ѳеодора, при которомъ находился въ Свирскомъ монастырѣ. Цер-

---

[1]) *Воспоминанія архимандрита Пимена,* стр. 70.

ковь посѣщалъ неопустительно, присутствуя при каждомъ богослуженіи, а въ трапезу по будиямъ не ходилъ и приготовлялъ для себя постную пищу дома—иногда самъ, а иногда поручалъ это келейнику; кухни особенной не имѣлъ. Печи въ своихъ келліяхъ топилъ всегда самъ, келейникъ только приносилъ дрова, а клалъ ихъ въ печи самъ о. Иларій (если не былъ чѣмъ нибудь особенно занятъ), и всегда съ молитвою; и если въ это время случалось быть у него кому нибудь изъ монашествующихъ, онъ говорилъ ему: „благослови, отче!“ а если былъ тутъ какой послушникъ, или даже его келейникъ, то говорилъ: „благослови, брате!“ Безъ молитвы онъ не дозволялъ ни себѣ и ни кому другому, ни топить, ни закрывать печи, ни вообще дѣлать какое либо дѣло. Когда случалось, что у него обветшаетъ бѣлье, или чулки, или платье, то онъ всегда самъ чинилъ, ни мало не стѣсняясь. Были случаи, когда разстроивалось печеніе просфоръ: тогда онъ, какъ бывшій когда-то въ Свирскомъ монастырѣ просфорякомъ, самъ пекъ просфоры, и научалъ какъ ихъ печь [1]).

Въ 1852 году о. игуменъ Иларій уволился на покой. Ему было назначено избрать для жительства или Пѣшношскій монастырь, или Берлюковскую пустынь; но онъ избралъ Геѳсиманскій скитъ, какъ болѣе соотвѣтствущій его монашескимъ стремленіямъ, и прожилъ здѣсь въ простой монашеской келліи одиннадцать лѣтъ, до самой своей кончины, ведя жизнь сосредоточенную и не входя ни съ кѣмъ въ близкое знакомство, кромѣ одного, упомянутаго выше, старца Ѳеодота, жившаго когда-то тоже въ Оптиной пустыни, а въ это время жительствовавшаго въ Тарбѣевскомъ лѣсу, въ пяти верстахъ отъ Геѳсиманскаго скита, гдѣ и навѣщалъ его о. Иларій почти ежедневно, какъ для духовнаго собесѣдованія, такъ и для

[1]) Тамъ же, стран. 120—121.

самаго совершенія пятиверстнаго путешествія туда и обратно. Отстоявъ утреню и раннюю литургію въ скиту, онъ отправлялся въ Тарбѣево, гдѣ въ то время еще не было церкви и проводилъ здѣсь въ духовной бесѣдѣ со старцемъ и въ общей съ нимъ молитвѣ время до вечера, а къ вечернѣ возвращался въ скитъ.

За нѣсколько лѣтъ до смерти о. игуменъ Иларій принялъ схиму съ прежнимъ именемъ Иліи, и скончался 9-го іюля 1863 года.

Отпѣваніе почившаго, по благословенію о. намѣстника Антонія, совершилъ соборнѣ въ скитской церкви бывшій его ученикъ и келейникъ, а затѣмъ преемникъ его по настоятельству, о. архимандритъ Угрѣшскій Пименъ; тѣло же предано землѣ въ Тарбѣевской пустыни, въ церкви св. Параклита, внизу, на правой сторонѣ. Такимъ образомъ онъ восполнилъ собою здѣсь мѣсто отсутствующаго старца своего и перваго начальника этой пустыни—Ѳеодота, удалившагося отсюда, для избѣжанія начальствованія, въ Оптину пустынь, и тамъ скончавшагося.

5. Отецъ *Даніилъ*. Урожденецъ Вятской губерніи, извѣстенъ въ Геѳсиманскомъ скитѣ какъ строгій подвижникъ и отшельникъ, жившій одиноко въ лѣсу, неподалеку отъ скита, въ малой келліи; при употребленіи пищи былъ такъ воздержепъ, что мѣрилъ оную ложкой, считая, сколько употребилъ ложекъ, и никогда не позволяя себѣ вкусить болѣе назначеннаго количества. Относительно его духовнаго устроенія должно сказать, что если древо познается по плодамъ: то объ отцѣ Даніилѣ мы знаемъ, что онъ былъ старцемъ и руководителемъ въ духовной жизни нынѣшняго духовника скитскихъ пещеръ, отца В., извѣстнаго всѣмъ пріѣзжающимъ помолиться и поговѣть „къ Черниговской“, и устроившаго, по благословенію своего старца, женскій монастырь въ одной изъ среднихъ губерній Россіи. Этими краткими свѣдѣніями объ о. Даніилѣ

и объ о. В. можно ограничиться, такъ какъ здѣсь въ немногихъ словахъ, для знающихъ, сказано все.

Не мало было здѣсь и другихъ старцевъ замѣчательныхъ въ свое время по своему подвижничеству, имена которыхъ пришли въ забвеніе. Но и приведенные примѣры показываютъ, что не вотще потрудились основатели и созидатели Геѳсиманскаго скита. Духовная польза, получаемая здѣсь не только живущими тутъ, посвятившими себя исключительно на служеніе Богу въ званіи иноческомъ, но и приходящими богомольцами всѣхъ званій и состояній, ищущими здѣсь исцѣленія своихъ душевныхъ, а нерѣдко и тѣлесныхъ недуговъ, и получающими оное, свидѣтельствуетъ, что такая обитель, какъ Геѳсиманскій скитъ, и именно въ этомъ мѣстѣ, составляла насущную потребность, какъ для монашества въ особенности, такъ и для православія и благочинія вообще. Такое значеніе скита было указано еще въ началѣ его основанія однимъ архипастыремъ Русской церкви, — преосвященнымъ Іаковомъ, епископомъ Саратовскимъ, долго носившимъ въ себѣ какое-то особенное, какъ видно, свыше внушенное предчувствіе о необходимости построенія здѣсь именно такого монастыря. Его письмо объ этомъ къ митрополиту Московскому Филарету отъ 5 ноября 1845 года, писанное по поводу запроса о переводѣ въ Геѳсиманскій скитъ изъ Иргизскаго монастыря іеромонаха Іоанна (впослѣдствіи іеросхимонахъ Израиль — одинъ изъ числа первоначальныхъ старцевъ скита), сохранившееся въ дѣлѣ о построеніи скита, какъ особенно замѣчательное, находимъ не лишнимъ привести здѣсь.

„Ваше высокопреосвященство,
милостивѣйшій архипастырь и благодѣтель!

Поздравляю васъ съ устроеніемъ скита. Онъ долженъ, при благословеніи Божіемъ, возрасти въ гору. Скитъ сей

Намѣстникъ Троицкой Сергіевой Лавры
Архимандритъ Антоній.

Къ стр. 159.

особенно меня успокоиваетъ и радуетъ. Лѣтъ десять говорилъ мнѣ помыслъ: „пиши владыкѣ, проси устроить монастырь на аскетическомъ основаніи. Такой монастырь нуженъ. Онъ многимъ можетъ принести душевную пользу. Онъ долженъ быть тоже для монашества и благочестія, что академія для науки. Онъ долженъ быть крѣпостію, душою православія". Я отвѣчалъ помыслу: „если это нужно, то Господь Самъ скажетъ владыкѣ". Слава Богу, дѣлу желаемому положено, по видимому, прочное основаніе. Нельзя, чтобы возрастаніе его обошлось безъ хлопотъ, безъ искушеній, безъ скорбей, безъ слезъ. Но терпѣніе въ дѣлѣ добромъ все побѣждаетъ" [1])...

XV.

Строители Геѳсиманскаго скита.

Первымъ въ собственномъ смыслѣ строителемъ Геѳсиманскаго скита, какъ уже сказано въ началѣ сего описанія, долженъ считаться тотъ, чья дѣятельность по преимуществу здѣсь изображена, и кому скитъ наиболѣе обязанъ своимъ существованіемъ, то есть, намѣстникъ Лавры архимандритъ Антоній. „Господу извѣстно", пишетъ онъ самъ о себѣ въ вышеупомянутой записи, сохранившейся въ дѣлѣ о построеніи скита, „какого труда стоило— приводить все оное въ желанный порядокъ. Но имѣю и утѣшеніе духовное, видя возрастающій чинъ въ страхѣ Божіемъ и смиренное и благочестивое по Бозѣ житіе множащейся братіи".

Когда первоначальныя необходимыя постройки скита были окончены, и братство видимо стало умножаться,— заботы отца намѣстника Антонія сосредоточились на томъ,

[1]) Дѣло Учр. Соб. 1843 г. № 165.

чтобы установить и утвердить въ скиту возможно правильное, истовое церковное богослуженіе и учредить порядки сообразно видѣннымъ имъ въ Саровской пустыни и другихъ благоустроенныхъ Россійскихъ монастыряхъ. Для этого онъ часто оставался въ скиту по нѣскольку дней и ночей сряду, присутствуя при всѣхъ богослуженіяхъ и на вечернемъ правилѣ, подавая собою примѣръ во всемъ: въ церкви нерѣдко онъ самъ исполнялъ обязанность чтеца, и въ то же время наблюдалъ, чтобы пѣніе было непремѣнно столповое; въ трапезу ходилъ неопустительно и къ обѣду и къ ужину; иногда же во время трапезы становился къ аналою и читалъ вслухъ трапезующей братіи положенное въ тотъ день житіе, а по окончаніи трапезы, бралъ деревянное блюдо и подходилъ къ окну, гдѣ раздаютъ пищу, прося у раздающаго брата пищи себѣ, какъ чередному чтецу, при чемъ тихо, со смиренною улыбкой просилъ прибавки, говоря: чтецу полагается прибавить нѣсколько, за его трудъ. Всѣмъ этимъ онъ какъ-бы такъ говорилъ братіи: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся* (Рим. 12, 16), показывая собою исполненіе этихъ словъ на самомъ дѣлѣ.

Водворяя въ скиту строгое общежитіе, отецъ намѣстникъ намѣревался начертать для него особыя правила, или уставъ. И хотя дѣло это, по неизвѣстной причинѣ, имъ до конца не доведено, и нѣкоторыя предполагавшіяся правила только намѣчены имъ на листахъ въ видѣ оглавленія, тѣмъ не менѣе начало или вступленіе къ этому имъ сдѣлано, и оно весьма назидательно, какъ выраженіе взгляда его на взаимныя обязанности братіи общежитія. Мы приводимъ здѣсь этотъ его трудъ какъ священный завѣтъ основателя скита его обитателямъ.

„Любовь къ уединенію—такъ начинаетъ свое вступленіе отецъ намѣстникъ—видна была въ пророкахъ, какъ въ зарѣ истиннаго Солнца дне, Господа Іисуса. Такъ Богоотецъ, царь-пророкъ Давидъ убѣгалъ, и водворялся

въ пустыни искать Бога, спасающаго отъ шума и пререканій. Такъ святые пророки Илія и Елисей удалялись въ гору Кармильскую отъ шума человѣческаго для молитвы и богомыслія. Такъ св. Предтеча былъ гражданиномъ пустынным. Такъ, наконецъ, и самое Солнце дне, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, уклонялся, народу сущу на мѣстѣ, и удалялся въ гору единъ для нощной молитвы. Такъ и исполнители заповѣдей Господнихъ, просіявшіе какъ звѣзды на тверди небесной вокругъ Солнца правды, въ пособіе къ исполненію воли Божіей, искали тишины мѣста, и уклонялись отъ вещей и дѣлъ, развлекающихъ умъ и помышленія, зная по опыту, что чего око не видитъ и ухо не слышитъ, то человѣку и на сердце не взыдетъ. А потому даже при большихъ обителяхъ и лаврахъ были устрояемы мѣста, способствующія къ уединенію, для желающихъ и любящихъ жизнь тихую и уединенную. И въ такихъ мѣстахъ люди, научившіеся отсѣченію своей воли и послушанію, отпускаемы были въ мѣста болѣе безмолвныя, для развитія въ себѣ истиннаго смиренія и молитвы. Самъ вожденачальникъ нашъ, преподобный отецъ нашъ Сергій, избранный сосудъ Господень, съ помощію благодати Божіей научилъ себя и укрѣпилъ себя на великое служеніе братіи, истиннымъ уединеніемъ. Такъ и преемника своего, преподобнаго Никона, воспиталъ въ Высокомъ (монастырѣ) у Аѳанасія, какъ въ мѣстѣ, менѣе тогда людномъ. Такъ преподобные отцы наши, послуживъ спасенію братіи и помощи ближнимъ, предъ кончиною своею какъ бы новыми обогащались силами въ безмолвіи, для прехожденія въ вѣчность.

„На семъ основаніи, по благословенію Божію и Его Пречистой и Пресвятой Матери, за предстательство святыхъ отецъ нашихъ, волей боголюбивѣйшаго отца нашего и архипастыря [1]), устроенъ отъ Лавры скитъ Геѳсиманія,

[1]) Митрополита Филарета.

въ мѣстѣ безмолвномъ и тихомъ, со всѣми удобствами для уединенной жизни—для тѣхъ, которые, потрудившись въ послушаніи въ лаврѣ преподобнаго отца нашего Сергія, пожелаютъ предать себя большему вниманію къ самому себѣ и къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ Господу и, при неразвлекаемости посторонними предметами и дѣйствіями, пожить собственно для спасенія души своей, въ смиреніи и молитвѣ.

„А какъ всякая хорошая вещь опредѣляется вѣсомъ и мѣрою: то и жизнь скитская должна имѣть правило, для всѣхъ вообще желающихъ въ ономъ посвятить свою жизнь, священное. И вопервыхъ, житіе въ скиту учреждается вполнѣ общежительное, не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ. Поэтому всѣ должны имѣть искреннее единодушіе въ достиженіи одной цѣли—душевнаго спасенія,—искреннее братолюбіе, помогая другъ другу руководствомъ ко спасенію душевному. Тотъ и старѣйшій, по слову Господню, кто болѣе навыкъ смиряться и быть каждому готовымъ слугою. Тотъ и младшій и юнѣйшій, кто еще не выгналъ изъ себя пагубныхъ болѣзней самолюбія и тщеславія. Святый Василій Великій говоритъ, что сущность общежитія состоитъ въ совершенномъ содружествѣ членовъ общежитія. Обще все: души, мысли, тѣлеса, и то, чѣмъ они питаются и укрѣпляются. Общій Богъ, общая благочестія купля, общее спасеніе, общій подвигъ, общій трудъ и общіе вѣнцы, такъ что всѣ другъ другу—господа, и въ ненарушимой свободѣ, совершеннѣйшее другъ другу оказываютъ рабство, которое не по необходимости случая подчиняющимся наноситъ скорбь, но, отъ произволенія разума, съ радостію другъ другу подчиняющее, сохраняетъ свободу произволенія“.

„Святый Златоустъ: „Въ общежитіи одинъ образъ жизни, одинаковая пища и одежда, одна душа—не по природѣ только, но и по любви. Тамъ нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, нѣтъ ни славы, ни безчестія; низшихъ тамъ не оскор-

бляютъ презрѣніемъ. У нихъ во всемъ равенство, а потому они весьма удобно преуспѣваютъ въ добродѣтели, ибо такое равенство гораздо болѣе способствуетъ къ наученію низшихъ, нежели когда бы ихъ невольно заставляли уступать первенство высшимъ. Они всячески стараются превзойти другъ друга въ томъ, чтобы не самимъ пользоваться честію, а воздавать оную другимъ. Впрочемъ, и самыя упражненія приводятъ ихъ къ смиренію, и не даютъ имъ надмеваться. Ибо, скажи мнѣ, кто, занимаясь копаніемъ земли, поливаніемъ и насажденіемъ растеній, или другою какою либо подобною работою, будетъ высоко думать о себѣ? Посему для нихъ легко быть смиренными. Какъ въ мірѣ трудно соблюсти скромность, по причинѣ множества рукоплещущихъ и удивляющихся, такъ въ пустыни это весьма удобно. Отшельника занимаетъ собою только пустыня. Онъ видитъ лишь летающихъ птицъ, колеблемыя вѣяніемъ вѣтра древа, потоки водъ въ долинахъ. Итакъ что̀ можетъ побудить къ гордости человѣка, живущаго въ пустыни“ [1])?

„По ученію святыхъ отецъ, общежитіе есть какъ бы стройное тѣло, составленное изъ различныхъ членовъ, въ которомъ всякій членъ долженъ отправлять сообразное своему назначенію дѣйствіе, а всѣ члены связаны въ тѣло искреннею любовію. Глава-ли ты, наставляй; око-ли, смотри; уста-ли, говори; ухо-ли, слушай; рука-ли, дѣлай; нога-ли, послужи! Всякъ стремись съ любовію исполнять нужду цѣлаго тѣла, не завидуя, не предвосхищая и не пренебрегая предъ прочими своимъ положеніемъ, по *вся любовію да бываютъ*. У всѣхъ одно желаніе,—что бы угодить Господу; у всѣхъ одна цѣль,—чтобы другъ друга честію больше себя ставить; у всѣхъ одна мысль, что высшій и совершеннѣйшій всѣхъ есть—предъ всѣми смиреннѣйшій; у всѣхъ одно стремленіе,—чтобы другъ другу

[1]) Наст. о житіи иноковъ, прав. 72.

помогать въ дѣлѣ спасенія, и радоваться отъ чистаго сердца преуспѣянію братіи и молить Господа о помощи. Вотъ—правъ истиннаго общежитія.“

Хотя о. намѣстникъ Антоній и входилъ самъ во всѣ подробности жизни скитской братіи и во всѣ нужды скита, но какъ намѣстникъ Лавры, не могъ быть постоянно въ скиту; для ближайшаго наблюденія и управленія съ самаго начала открытія скита, соборомъ Лавры былъ назначенъ и владыкою утвержденъ начальствующимъ надъ скитомъ, съ званіемъ „благочиннаго“ — іеромонахъ Макарій—одинъ изъ числа тѣхъ старцевъ, которые переселились сюда изъ Молдавіи. Это было въ мартѣ 1845 года, а въ февралѣ 1848 года о. Макарій испросилъ себѣ позволеніе удалиться въ безмолвную келлію, выстроенную для него въ скитскомъ лѣсу. „Если іеромонахъ Макарій уединится, спрашивалъ владыка по этому поводу у о. намѣстника, кто будетъ начальствующимъ (въ скиту)?“ Въ октябрѣ того же года о. Макарій, какъ сказано выше, принялъ схиму съ именемъ Иларіона. Скончался 15 января 1878 года.

На мѣсто о. Макарія былъ назначенъ въ февралѣ 1848 года іеромонахъ Варлаамъ, изъ Виѳанскаго монастыря. По поводу этой перемѣны, владыка Филаретъ писалъ, какъ раньше сказано было, о. намѣстнику: „преподобный Макарій Египетскій и преподобный Сергій да благословятъ именемъ Господнимъ Макарія на подвигъ безмолвія... О. Варлаамъ да наполнитъ его мѣсто, строительствуя въ общежитіи“ [1])... Такимъ образомъ строительство въ общежитіи скитскомъ начинается собственно съ о. Варлаама. Впрочемъ, его строительство здѣсь продолжалось недолго — только до ноября 1849 года; въ это время онъ перемѣстился въ

[1]) Письмо 625. Срав. письмо 611.

Строитель Гевсиманскаго скита
Игуменъ Анатолій, въ схимѣ Алексій.

Къ стр. 165.

Давидову пустынь близъ Серпухова, гдѣ и скончался въ санѣ игумена.

Послѣ Варлаама, строителемъ Геѳсиманскаго скита былъ назначенъ іеромонахъ Анатолій, только-что предъ симъ перемѣстившійся въ скитъ изъ казначеевъ Спасо-Преображенскаго Иргизскаго единовѣрческаго монастыря Саратовской (нынѣ Самарской) губерніи. Отецъ Анатолій также, какъ и о. Макарій, принадлежалъ къ числу тѣхъ старцевъ, которые ранѣе жили въ Молдавіи, а по обращеніи своемъ изъ раскола въ православіе, выѣхали оттуда въ Россію. И тогда какъ одни изъ нихъ прибыли къ Московскому митрополиту Филарету и вскорѣ были помѣщены имъ въ только что открывшійся при Лаврѣ Геѳсиманскій скитъ,—отецъ Анатолій съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей направился въ единовѣрческіе монастыри, расположенные на рѣкѣ Иргизѣ, въ Саратовской губерніи, гдѣ и помѣстился сперва въ Воскресенскомъ монастырѣ, а потомъ перешелъ въ Спасо-Преображенскій. Здѣсь онъ вскорѣ былъ рукоположенъ въ санъ іеродіакона и іеромонаха, и сдѣланъ казначеемъ. Не безъ особаго промысла Божія поручена была ему эта должность: завѣдываніе обширнымъ хозяйствомъ Спасо-Преображенскаго монастыря дало ему опытность въ этомъ и приготовило его къ будущему служенію въ званіи строителя Геѳсиманскаго скита, куда онъ переселился въ концѣ 1849 года, по приглашенію другихъ своихъ товарищей—о. Иларіона, о. Александра и о. Іоанна, ранѣе пріѣхавшихъ сюда и пригласившихъ его для купножитія. Сдѣланный вскорѣ строителемъ Геѳсиманскаго скита, о. Анатолій ровно тридцать лѣтъ начальствовалъ сею обителію, сперва въ санѣ строителя, а потомъ (съ 1874 г.) въ санѣ игумена. При немъ-то скитъ и получилъ то благоустройство, которое вскорѣ поставило его въ ряду болѣе извѣстныхъ общежительныхъ монастырей Россіи, и къ концу его правленія братство скита, сначала весьма малочисленное, возросло почти до 200 человѣкъ. Чувствуя

изнеможеніе, онъ въ ноябрѣ 1879 года, по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію, испросилъ себѣ увольненіе отъ занимаемой имъ должности, и остался жить на покоѣ въ томъ же скитѣ до самой своей кончины, послѣдовавшей 6-го мая 1880 года; незадолго предъ кончиною онъ былъ постриженъ въ великій ангельскій образъ—схиму, съ именемъ Алексія. Болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ помѣщены выше.

Съ конца 1879 года строителемъ скита состоялъ іеромонахъ Антоній, назначенный на эту должность изъ братства Лавры; онъ начальствовалъ въ скитѣ весьма недолго, всего съ небольшимъ годъ, и въ декабрѣ 1880 года по болѣзни уволенъ отъ управленія скитомъ, а на его мѣсто былъ назначенъ скитскій казначей, іеромонахъ Даніилъ, нынѣшній игуменъ.

Такимъ образомъ, строительствующій нынѣ въ Геѳсиманскомъ скитѣ игуменъ Даніилъ, будучи пятымъ со времени основанія скита, является въ тоже время и первымъ его строителемъ изъ собственныхъ питомцевъ скита. Происходя изъ крестьянъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, онъ въ 1857 году поступилъ въ скитъ, гдѣ и проживаетъ безвыходно болѣе сорока лѣтъ. Сперва девять лѣтъ былъ послушникомъ, проходя разныя послушанія, между прочимъ и должность келейника при строителѣ скита, о. Анатоліи, служа при этомъ и митрополиту Филарету во время его пребываній въ скитѣ. Въ 1866 году послушникъ Димитрій Соколовъ—такъ было его мірское имя—постриженъ въ монашество и нареченъ Даніиломъ. Въ слѣдующемъ году монахъ Даніилъ рукоположенъ во іеродіакона, а въ 1872 году—во іеромонаха; въ 1875 году іеромонахъ Даніилъ назначенъ казначеемъ скита, въ декабрѣ 1880 года—строителемъ, а въ 1892 году возведенъ въ санъ игумена. Въ теченіи восемнадцатилѣтняго управленія о. Даніила Геѳсиманскимъ скитомъ, скитъ и Пещеры украсились, какъ сказано выше, многими новыми

весьма цѣнными сооруженіями, и братство, не смотря на строгую разборчивость въ пріемѣ, умножилось, и нынѣ доходитъ уже до 300 человѣкъ.

XVI.

Пребываніе настоятелей Лавры въ скитѣ.

Какъ цѣль основанія Гефсиманскаго скита въ самомъ началѣ заключалась въ созиданіи удобнаго убѣжища для особенно расположенныхъ къ безмолвію и уединенію, каковымъ, преимущественно предъ другими, по справедливости можно сказать, былъ самъ приснопамятный основатель скита, святитель Филаретъ: то понятно поэтому, почему владыка сей съ такою попечительностію относился ко всему, что касается скита, его внѣшняго и внутренняго благоустройства, и почему онъ избралъ скитъ мѣстомъ своего лѣтняго пребыванія. „Въ какихъ я монастыряхъ ни бываю, но нигдѣ лучше скита не нахожу“, писалъ онъ къ намѣстнику Антонію. Здѣсь все ему нравилось: и воздухъ, и „разнообразіе видовъ природы,“ и эта скромность жилищъ, и скромное пѣніе столповымъ напѣвомъ немногочисленнаго вначалѣ братства,— и самое это братство. „Мысль моя между ними,“ писалъ онъ въ томъ же письмѣ. Нынѣшній строитель скита, отецъ игуменъ Даніилъ, который въ молодости своей, состоя келейникомъ при строителѣ, всегда неотлучно находился при митрополитѣ Филаретѣ во все время пребыванія его здѣсь, разсказываетъ объ этомъ пребываніи слѣдующее. По пріѣздѣ въ Лавру, владыка тотчасъ же спѣшилъ въ любимый имъ скитъ, при чемъ только посадомъ ѣхалъ въ каретѣ, а какъ только начинался скитскій лѣсъ, владыка выходилъ изъ кареты и шелъ пѣшкомъ до самаго скита, стараясь всегда придти ранѣе 8 часовъ утра, къ

началу акаѳиста, который здѣсь ежедневно читается предъ литургіей, послѣ часовъ. Войдя въ церковь, маститый архипастырь, дѣлалъ, по положенію, три поклона и, поклонясь братіи, проходилъ къ приготовленному аналогію, гдѣ, снявъ комилавку, начиналъ самъ читать акаѳистъ, а клиросные братія, сойдя на средину, пѣли положенные припѣвы столповымъ напѣвомъ. По прочтеніи акаѳиста, митрополитъ опять дѣлалъ три поклона и, поклонясь братіи, проходилъ въ алтарь, или оставался слушать литургію за правымъ клиросомъ, а по окончаніи литургіи благословлялъ подходившую братію, удостоивая при этомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ милостиваго распроса, и затѣмъ уходилъ въ свои келліи, гдѣ все свободное отъ занятій время посвящалъ безмолвію и молитвѣ, для чего въ Лаврѣ, по причинѣ многолюдства, не находилъ такого удобства. Иногда владыка не приходилъ къ службамъ въ церковь, а выслушивалъ продолжительныя скитскія богослуженія въ келліи, стоя у окна, выходящаго изъ малой моленной въ Успенскую церковь. Митрополичьи келліи, устроенныя въ скиту по личному указанію владыки Филарета и по плану, имъ самимъ начертанному, и до настоящаго времени находятся въ томъ же видѣ, какъ были тогда, безъ всякой перемѣны. Согласно желанію владыки Филарета, какъ стѣны, такъ и полы и двери, все было въ этихъ келліяхъ некрашено. Такая же была здѣсь и мебель: простые деревянные некрашенные столы и скамейки составляли все убранство этихъ келлій. Здѣсь этотъ знаменитѣйшій въ свое время іерархъ, ученѣйшій богословъ и примѣрный администраторъ превращался въ строгаго отшельника и пустынножителя, на сколько это было доступно его положенію и сану. Нерѣдко здѣсь, въ этихъ простыхъ, убогихъ келліяхъ, владыка принималъ вѣнценосныхъ гостей, какъ-то: Государя Императора Александра Николаевича, Его Августѣйшее Семейство и многихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ рус-

скихъ, такъ и иностранныхъ. Всѣ коронованныя Особы, лица, принадлежавшія къ королевскимъ фамиліямъ, и всѣ знатные иностранцы разныхъ вѣроисповѣданій, пріѣзжая въ Москву, считали своею обязанностію посѣтить великаго іерарха, и для этого нерѣдко пріѣзжали въ мѣсто его уединенія. Пользуясь здѣсь благодатной тишиной уединенія, неутомимый въ трудахъ владыка не оставлялъ и служебныхъ своихъ занятій: просматривалъ текущія дѣла, полагалъ на нихъ резолюціи, принималъ иногда и просителей. Время занятій и отдыха у него было распредѣлено по часамъ: утро до конца поздней литургіи владыка посвящалъ молитвѣ; послѣ поздней литургіи, въ половинѣ одиннадцатаго часа, выпивъ одну чашку чаю, владыка принимался прочитывать доставленныя ему дѣловыя бумаги, надписывая на нихъ свои резолюціи. Въ часъ дня, окончивъ занятія, отправлялся пройтись по дорожкамъ монастыря; ходилъ въ теченіе одного часа,—и всегда одинъ, безъ провожатаго. Ровно въ два часа владыка возвращался въ свои келліи и садился за приготовленный къ тому времени очень скромный обѣдъ. Послѣобѣденное время удѣлялъ чтенію. Въ 5 часовъ вечера въ скиту начиналась вечерня, и владыка, услышавъ звонъ, тотчасъ направлялся на обычное свое мѣсто—къ окну, выходящему изъ малепькой моленной въ церковь, гдѣ и выслушивалъ службу до конца. Въ 8 часовъ вечера владыкѣ подавали чай, который онъ кушалъ съ простымъ братскимъ ситнымъ хлѣбомъ, а въ 10 часовъ въ его келліяхъ зажигали 4 свѣчи, и двери запирались. Утреня въ скиту начиналась, какъ и теперь, въ 2 часа ночи, и всегда — съ благословенія владыки, при чемъ приходившій за благословеніемъ братъ нерѣдко заставалъ владыку за занятіемъ. Въ скиту во время утрени, по положенію, читается всегда толкованіе на дневное евангеліе и прологъ. Эти чтенія владыка всегда самъ благословлялъ. Въ Петровскій и Успенскій

посты владыка имѣлъ обыкновеніе говѣть здѣсь вмѣстѣ съ братіею, при чемъ, исповѣдавшись въ деревянной Успенской церкви у духовника своего, намѣстника Лавры архимандрита Антонія, на другой день совершалъ Божественную литургію, и самъ пріобщалъ всю братію.

Послѣднее пребываніе митрополита въ скиту было продолжительнѣе обыкновеннаго: онъ прожилъ здѣсь въ этотъ разъ съ мая до октября. За нѣсколько времени до отъѣзда отсюда, во время одной изъ прогулокъ, владыка зашелъ въ пещеры, куда обыкновенно рѣдко заходилъ, не желая нарушать безмолвія пещерниковъ. Въ этотъ разъ владыка обошелъ всѣ пещеры, зашелъ въ церковь архистратига Михаила, и помолившись усердно предъ Черниговской иконою Божіей Матери, тогда еще не прославленной чудесами, долго стоялъ предъ сей чудною иконою, опираясь на свой посохъ и, какъ было замѣтно, тайно молился. Уѣхавъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Лавру, и пробывъ въ ней нѣсколько дней, владыка опять возвратился въ скитъ. Отстоявъ здѣсь въ Успенской церкви вечерню и правила, вышелъ изъ храма, простился съ братіею, всѣхъ благословилъ, и долго, долго смотрѣлъ на скитскія церкви и келліи, какъ-бы предчувствуя, что уже болѣе сюда не возвратится, и что прощается съ Геѳсиманскимъ скитомъ въ послѣдній разъ. Кончина архипастыря послѣдовала 19 ноября 1867 года.

Въ келліяхъ его въ скиту до сихъ поръ сохраняются его келейныя одежды, а въ Успенской скитской церкви въ шкафу за стекломъ хранятся его облаченія: мантія, посохъ, митра, омофоръ, панагія и крестъ, которыя были въ употребленіи при богослуженіи, когда владыка освящалъ этотъ возобновленный древній храмъ; на противоположной сторонѣ въ другомъ шкафѣ сохраняется его монашеская одежда: ряса, подрясникъ, клобукъ и четки. Эти вещи, по усердію намѣстника Антонія, были доставлены въ скитъ вскорѣ послѣ освященія Успенской церкви.

Келліи Митрополита Филарета въ Гевсиманскомъ скиту.

Къ стр. 168.

Послѣдующіе архипастыри также любили избирать Геѳсиманскій скитъ мѣстомъ лѣтняго своего пребыванія. Здѣсь подолгу живалъ высокопреосвященнѣйшій Іоаникій, въ бытность свою на Московской митрополіи. Имъ освящены здѣсь, въ новомъ пещерномъ храмѣ, два придѣла, и нынѣшній строитель скита, игуменъ Даніилъ, удостоенъ имъ за свои особые труды по благоустройству скита и особенно за устройство новаго пещернаго храма, рѣдкой награды: возложенія палицы, составляющей, какъ извѣстно, принадлежность архимандритскаго облаченія.

Недавно почившій архипастырь, высокопреосвященнѣйшій Сергій, также любилъ въ лѣтніе мѣсяцы жить въ Геѳсиманскомъ скиту. Какъ чтитель и подражатель во многомъ приснопамятнаго митрополита Филарета, онъ дорожилъ всѣмъ, что напоминало сего владыку, рукоположившаго его въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой лавры въ санъ іеродіакона. И жизнь свою здѣсь, въ скиту, онъ проводилъ приблизительно такъ же, съ тою лишь разницей, что для уединенной прогулки выходилъ по утрамъ, съ семи часовъ, и вмѣсто монастырскихъ дорожекъ, когда-то уединенныхъ, а нынѣ довольно многолюдныхъ, избиралъ одно болѣе уединенное мѣсто, извѣстное подъ названіемъ—„пчельникъ“. Мѣсто это находится въ самой восточной части скита и обнесено со всѣхъ сторонъ оградой. Когда-то тутъ былъ скитскій пчельникъ, а теперь на вершинѣ холма разбитъ ягодный и плодовый садъ; скитъ же покрытъ хвойнымъ лѣсомъ. Нѣсколько деревянныхъ домиковъ, сохранившихся здѣсь, напоминаютъ о той простотѣ, которая существовала при основаніи обители. Одинъ изъ нихъ служилъ мѣстомъ отдохновенія владыки во время его прогулокъ. Онъ представляетъ изъ себя одноэтажное зданіе съ небольшимъ числомъ комнатъ, отдѣланныхъ и меблированныхъ въ томъ же вкусѣ, какъ и самые митрополичьи покои. Съ восточной стороны домика находится веранда; съ нея виденъ весь пчель-

никъ, ограда и близлежащій лѣсъ, прямо же предъ ней растутъ молоденькія пихты, туи, кедры и лиственницы, доставляя глазу пріятное зрѣлище разнообразными оттѣнками своей зелени. Отъ веранды кругомъ всего пчельника идетъ узкая дорожка, она проходитъ мимо двухъ маленькихъ домиковъ, построенныхъ когда-то любителями уединенія, а теперь нежилыхъ. Здѣсь-то любилъ прохаживаться покойный митрополитъ Сергій. Но не это влекло его въ скитъ. Въ словѣ, сказанномъ имъ въ Успенской скитской церкви 28 сентября 1894 года, по случаю празднованія пятидесятилѣтія со дня основанія скита (28 сентября 1844), маститый старецъ высказалъ между прочимъ и то, что влекло его сюда. Вотъ что сказалъ онъ въ этомъ, по обычаю не пространномъ, но глубокопоучительномъ словѣ. *„Есть Господь на мѣстѣ семъ, азъ же не вѣдѣхъ* (Быт. 28, 16). Знавшіе сію лѣсистую пустыню болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ не могли тогда воскликнуть: *яко есть Господь на мѣстѣ семъ.* Онъ всюду, какъ вездѣсущій; но здѣсь уже послѣ открылись чудеса Его промышленія. Первоначально родилась мысль поставить этотъ малый храмъ, и при немъ нѣсколько келлій для желающихъ проводить жизнь въ уединеніи, по образцамъ древняго отшельничества. А нынѣ видимъ среди лѣса обитель, блистающую богатствомъ церковныхъ украшеній [1]), вмѣщающую въ себѣ большія зданія и, что особенно важно, ознаменованную чудотворною святынею. Сюда стекаются во множествѣ богомольцы; и никто не отходитъ отсюда безъ утѣшенія. Здѣсь подвизаются благочестивые старцы, полагаютъ начало юные подвижники; совершается день и ночь, можно сказать непрерывное богослуженіе.

---

[1]) Здѣсь разумѣется пещерная обитель съ ея новымъ благолѣпнымъ храмомъ; что же касается до самого скита, то въ немъ богатство церковныхъ украшеній и до сихъ поръ не допускается, согласно завѣщанію первыхъ основателей скита.

Очевидцы того, что было прежде[1]) и что стало нынѣ, воистину мы можемъ воскликнуть: *Есть Господь на мѣстѣ семъ.* Простота и трудъ подвижнической жизни,—вотъ чего искалъ приснопамятный основатель Геѳсиманскаго скита. Но доброхотные датели, сверхъ его желанія, конечно по устроенію Божію (ибо ихъ любитъ Богъ), рано стали умножать зданія сей обители, и простоту ея отчасти превратили въ великолѣпіе. Болѣе же многоцѣнно то, что общежительное ея устроеніе пребываетъ неизмѣннымъ. Все здѣсь способствуетъ подвигамъ отшельнической жизни: тишина келейнаго уединенія, въ которомъ душа удобнѣе видитъ себя, удаленіе отъ соблазновъ, обезпеченіе въ томъ, что ѣсть, пить и во что одѣваться, умилительное совершеніе службъ церковныхъ, сладость молитвы, руководительство старцевъ, призрѣніе въ болѣзни, напутствіе при смерти. Остается благодарить Бога, и спасаться. Смотря на эту благоустроенную обитель, можно понять, какъ вѣрно сказано Златоустомъ, что „жизнь иноковъ въ тихой пристани“ [2]).

Вотъ причина, почему скитъ такъ часто удостоивается видѣть у себя своихъ архипастырей.

XVII.

Высочайшія посѣщенія.

Геѳсиманскій скитъ нерѣдко удостоивается и Высочайшихъ посѣщеній Царственныхъ Особъ. Православные Русскіе Цари, и Ихъ Августѣйшіе сродники, бывая, по древнему благочестивому обычаю своихъ предковъ, въ лаврѣ преподобнаго Сергія, считаютъ своею обязанностію

[1]) Покойный владыка, еще въ бытность свою студентомъ Московской Духовной Академіи (въ 1840—1844 г. г.) любилъ прогуливаться по Корбухѣ и по окрестнымъ лѣсамъ.

[2]) На Матѳ. бес. 68.

каждый разъ посѣтить и Гевсиманскій скитъ, гдѣ, помоливши въ древнемъ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, заходятъ обыкновенно и въ описанные выше митрополичьи покои, а затѣмъ идутъ въ пещерный храмъ, — поклониться прославленной чудотвореніями Черниговской иконѣ Богоматери. Такъ еще въ 1849 году, какъ только скитъ, можно сказать, народился, его посѣтили Великіе Князья Константинъ Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.—Въ сентябрѣ 1851 года скитъ удостоился посѣщенія Государыни Цесаревны (впослѣдствіи Государыни Императрицы) Маріи Александровны съ Августѣйшими Дѣтьми и другими Особами Царской Фамиліи. Въ память этого своего посѣщенія и въ знакъ особеннаго благоволенія Государыня Цесаревна изволила пожертвовать въ скитъ Евангеліе, печатанное на пергаминѣ золотыми литерами, обдѣланное, приспособительно къ правилу скита, по которому въ немъ не полагается имѣть даже при богослуженіи ничего драгоцѣннаго, въ переплетъ изъ орѣховаго древа съ рѣзными клеймами и съ слѣдующею собственноручною надписью на первомъ листѣ его: „Ея Императорское Высочество, Государыня Цесаревна Марія. 3-го сентября 1851 года.“

Въ сентябрѣ 1855, въ іюнѣ 1861 и въ сентябрѣ 1865 годовъ изволили посѣщать скитъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ съ Государыней Императрицей Маріею Александровною и нѣкоторыми изъ Своихъ Августѣйшихъ Дѣтей. Въ 1880, 1881 и 1882 годахъ скитъ также былъ посѣщаемъ Особами Царствующаго Дома.

22-го мая 1883 года, Ихъ Величества Государь Императоръ Александръ Александровичъ и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, послѣ принятія въ Москвѣ священнаго коронованія, прибывъ въ лавру преподобнаго Сергія для молитвеннаго поклоненія, изволили съ этою же цѣлію посѣтить и Гевсиманскій скитъ, а также и Пещеры — для поклоненія чудотворной Черниговской

иконѣ Божіей Матери,—вмѣстѣ съ своими Августѣйшими Дѣтьми—Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (нынѣ Государемъ Императоромъ) Николаемъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ. Имъ сопутствовали всѣ Великіе Князья и Великія Княгини, многія родственныя Имъ Царственныя Особы иностранныхъ державъ и состоявшіе при нихъ высшіе сановники.

Нынѣ благополучно царствующіе Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, принявъ 14 мая 1896 года священное коронованіе, также изволили прибыть 22 мая въ Лавру для поклоненія и принесенія молитвы великому заступнику за Русскую землю и молитвеннику за православныхъ Русскихъ Царей, преподобному и Богоносному отцу нашему Сергію, Радонежскому чудотворцу, а затѣмъ—посѣтить и Геѳсиманскій скитъ, вмѣстѣ съ Августѣйшею Родительницею Своею, Государыней Императрицей Маріею Ѳеодоровною, и также—въ сопутствіи всѣхъ Великихъ Князей и Великихъ Княгинь, многихъ иностранныхъ царственныхъ Особъ и высшихъ сановниковъ. Августѣйшія Особы, встрѣченныя у святыхъ воротъ скита строителемъ онаго, игуменомъ Даніилом съ соборомъ священнослужащихъ, изволили прослѣдовать въ Успенскую церковь и, выслушавъ здѣсь краткое молебствіе, перешли отсюда въ смежныя съ церковію келліи митрополита Филарета, осмотрѣли ихъ, при чемъ митрополитъ Сергій, какъ настоятель Лавры и скита, давалъ нѣкоторыя объясненія. Здѣсь Ихъ Величества и прочія Высочайшія Особы изволили принять отъ о. строителя различныя издѣлія братіи скита, а за тѣмъ Имъ предложены были скитскій прохладительный напитокъ „медъ“ и фрукты. Послѣ того, по дорогѣ, усыпанной цвѣтами, Высокіе Посѣтители направились въ пещерный храмъ, гдѣ слушали молебствіе, прикладывались къ чудотворной Черниговской иконѣ Божіей Матери и при-

няли поднесенныя Имъ святыя иконы. Осмотрѣвъ соборъ, Высочайшія Особы отбыли на желѣзнодорожную станцію Сергіевскаго посада, для слѣдованія къ Москвѣ.

Сравнивая описанныя здѣсь Царскія посѣщенія Гефсиманскаго скита съ тѣми пріѣздами Высочайшихъ Особъ въ лѣтнее время на Корбуху, которыя были такъ обычны въ прошломъ столѣтіи, и о которыхъ упоминается въ началѣ сего описанія,—какую находимъ громадную разницу въ обстановкѣ и въ самой цѣли этихъ посѣщеній! Прежней Корбухи не стало и слѣда, и самое это названіе приходитъ въ забвеніе. Вмѣсто увеселительнаго дома, здѣсь теперь домъ Божій, домъ неусыпаемой молитвы, возсылаемой за Царей, за Русское царство и за всѣхъ православныхъ христіанъ, какъ живущихъ, такъ и отшедшихъ въ вѣчность; вмѣсто хороводовъ—лики иночествующихъ, день и ночь поющихъ Богу, и вмѣсто мірскихъ пѣсней,—пѣніе, можно сказать, ангельское; ибо нѣтъ никакой разницы, по ученію Златоуста, между людьми и ангелами, когда и люди, подобно ангеламъ, упражняются въ молитвѣ, составляющей единственное и непрестанное упражненіе небожителей. И ѣдутъ теперь сюда Цари уже не для мірскихъ увеселеній, а для молитвы, для благоговѣйнаго поклоненія, вмѣстѣ съ подданными, прославленной здѣсь святынѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе всего нельзя не сказать, что исполнилось воочію обѣтованіе, данное Царицею небесною угоднику своему, преподобному Сергію, когда Она явилась ему въ небесной славѣ, во время ночной его молитвы, и, между прочимъ, сказала: „неотступна буду отъ обители твоей,

неоскудно подавая ей все потребное и присно покрывая ее.“ Кромѣ невидимаго пребыванія и промышленія объ обители, благоволила Царица небесная въ послѣднее время и особеннымъ еще способомъ явить свое здѣсь неотступное пребываніе, прославивъ чудотвореніями образъ свой, который, послѣ прославленныхъ нетлѣніемъ святыхъ мощей угодника Божія, содѣлался какъ-бы второю святынею сего мѣста, равно какъ и самый скитъ съ его пещерами содѣлался какъ бы второю лаврою преподобнаго Сергія. И въ этомъ нельзя не видѣть исполненія другаго обѣтованія, даннаго тому же угоднику Божію, когда онъ молился объ ученикахъ своихъ, и вдругъ увидѣлъ среди ночи необыкновенный небесный свѣтъ и множество прекрасныхъ птицъ, наполнившихъ собою весь монастырь и всю его окрестность, и при этомъ услышалъ гласъ: „Сергій! ты молишься о чадахъ твоихъ,—и Господь принялъ молитву твою. Смотри, какое множество учениковъ собирается къ тебѣ! Сколько видишь ты этихъ птицъ, такъ умножится и число учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не оскудѣютъ послѣдующіе стопамъ твоимъ.“

О всемъ же этомъ да будетъ слава единому, въ Троицѣ покланяемому, Богу! Аминь.

173

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ. СТРАН.

I. Мѣстоположеніе скита и пещеръ. Значеніе этой мѣстности въ прежнее и въ настоящее время. Главный виновникъ этой перемѣны 3

II. Архимандритъ Антоній, какъ основатель и первый ктиторъ Геѳсиманскаго скита. Затрудненія при избраніи для скита мѣста. Отзывъ о Корбухѣ, какъ единственномъ мѣстѣ для скита, митрополита Филарета Кіевскаго. 7

III. Заготовка матеріала для скита. Успенская церковь села Подсосенья и ея историческое значеніе. Пріобрѣтеніе оной и постановка на Корбухѣ, въ основаніе скита 16

IV. Общій взглядъ на первоначальный видъ скита. Внутренній видъ Успенской церкви. Освященіе. Слово произнесенное при этомъ. 23

V. Особенныя достопримѣчательности и святыни Успенскаго скитскаго храма. „Подцерковная храмина.“ Мѣсто посмертнаго покоя митрополита Филарета 34

VI. Церковь въ память Геѳсиманскаго моленія Господа нашего Іисуса Христа. Слово на ея освященіе 40

VII. Постепенное развитіе и утвержденіе скита. Трапезная церковь; достопримѣчательныя въ ней святыни. Патріаршія грамоты. Ризница. Кладбищенская церковь. Колокольня. Отношеніе скита къ Лаврѣ. Подробное описаніе скитскихъ зданій . 47

VIII. Скитскія пещеры. Схимонахъ Филиппъ (Филиппушка)—основатель пещеръ и киновіи 61

IX. Черниговская икона Божіей Матери; сказаніе о ней; чудотворенія. 76

X. Новый храмъ во имя Черниговской иконы Божіей Матери. Празднованіе въ честь сего чудотворнаго образа. Прочія зданія Пещерной обители. 86

XI. Скитская часовня въ Москвѣ и келліи при ней; домъ въ Москвѣ; прочее скитское хозяйство. 100

180

XII. Особенности богослуженія Геѳсиманскаго скита. Тока или удареніе въ било. Порядокъ богослуженій въ скиту и пещерахъ вообще. Неусыпаемое чтеніе псалтири. 104
XIII. Первоначальные насельники, замѣчательные старцы и подвижники Геѳсиманскаго скита. 111
XIV. Другіе болѣе замѣчательные подвижники скита 142
1. Схимонахи Харитонъ и Матѳей 142
2. Отецъ Александръ-затворникъ 148
3. Старцы Ѳеодотъ и Тихонъ 152
4. Отецъ игуменъ Иларій (въ схимѣ Илія) 153
5. Отецъ Даніилъ. 157
XV. Строители скита 159
XVI. Пребываніе настоятелей Лавры въ скитѣ 167
XVII. Высочайшія посѣщенія. 173
Заключеніе 176

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

Опечатки.

Стр.		*Напечатано:*	*Должно читать:*
12	строка 14	св.—онъ остановилъ	онъ остановился
33	„ 4	сн.—не пріятно	ей пріятно.
42	„ 14	сн.—*страсти Его*	*страстей Его.*
43	„ 20	св.—погружающимъ	погружающей.
66	„ 2 и 3	сн.—предлаемыхъ	предлагаемыхъ.
67	„ 5	св.—посохъ, едва	посохъ, и едва.
—	„ —	и началъ	началъ.
—	„ 23	св.—съ ума-ли	съ ума что-ли.
78	„ 14	св.—Дѣти узрѣли	Дѣти узрѣли въ семъ
—	„	выноска—Княжна	Княгиня.
117	„ 12	св.—во свою	въ свою.